THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/stikhotvoreniia100polo

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

БИБЛІОТЕКА БРЕСТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1841—1885.

ИЗДАНІЕ

Ж. А. Полонской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Троицкій пер., д. № 18—20.
1885.

Отъ издательницы.

Въ настоящій томъ вошли преимущественно лирическія стихотворенія автора, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ.

PG
3337
P72A17
1885

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

	стр.
Солнце и мѣсяцъ	1
«Пришли и стали тѣни ночи»	2
Бэда-проповѣдникъ	3
Изъ драматической поэмы «Магометъ»	4
Магометъ предъ омовеніемъ	8
«Священный благовѣстъ торжественно звучитъ»	9
Зимній путь	10
Тѣни	11
Утро	12
«Развалину башни, жилище орла»	13
Послѣдній разговоръ	—
Мраморное сердце	14
«Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ, мой милый!»	16
«За окномъ въ тѣни мелькаетъ»	—
Вальсъ «Лучъ надежды»	17
«Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она»	18
Статуя	—
Узникъ	21
Разсказъ волнъ	22
Факиръ	24
Ангелъ	31
Вечеръ	32
«И я сынъ времени, и я»	33
Къ N. N. (Кто поневолѣ оторвалъ)	35
Кумиръ	36
Лунный свѣтъ	37
Маска	38
На могилѣ	39

1336340

	стр.
Ночь въ горахъ Шотландіи	39
«О, подними свое чело!»	41
Первые шаги	42
Письмо	—
Подражаніе корану	43
Послѣдній выводъ	44
«Посмотри, какая мгла»	45
Птичка	—
Прощай	46
Затворница	47
Дубокъ	48
Наивная жалоба	49
Нищій	50
Новой Лаурѣ	51
Весталка, или послѣдняя мольба язычницы	52
Ночь	55
Закавказье	56—105
Заступница	56
Прогулка по Тифлису	58
Татарскія пѣсни (Онъ у каменной башни...)	66
Горная дорога въ Грузіи	69
Грузинская ночь	71
Содержаніе одной грузинской пѣсни	72
Послѣ праздника	73
Не жди	74
Кахетинцу	75
Имеретинъ	76
Въ Имеретіи	78
Надъ развалинами въ Имеретіи	79
Старый Сазандаръ	81
Агбаръ	84
Татарка	87
Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря	88
Саятъ-Нова	89
Сатаръ	90
Выборъ Уста-баша	—
Грузинка	93
Тамара и пѣвецъ ея Шота-Руставель	—
Караванъ	96
На пути изъ-за Кавказа	104
М. А. С—вой	106
«Не мои ли страсти»	107

стр.
Прости 108
Качка въ бурю . . . . . —
Примадоннѣ 110
Рыбакъ 111
Пѣсня цыганки 112
«Жизнь движется впередъ» 113
«Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я» . . —
Лѣсъ. 114
Весна. 116
Воспоминанье . . . . . —
Бѣлая ночь 118
Смерть малютки . . . . . —
У Аспазіи 119
Времени. 120
Пчела. 121
На Черномъ морѣ 122
На кораблѣ. 125
«Моя судьба, старуха нянька злая». 126
Передъ отъѣздомъ 127
И. С. Аксакову 128
Колокольчикъ 129
«Твой скромный видъ таитъ въ себѣ» 130
Соловьиная любовь 131
Бредъ 133
На пути изъ гостей. 134
Молитва. 137
«Мое сердце—родникъ, моя пѣсня волна» 138
За-границей. . . . . . 138—145
А. Н. Майкову 138
Концертъ 142
На берегахъ Италіи. 144
Пѣсня 145
«Подойди ко мнѣ, старушка». 146
Въ альбомъ (Блаженъ, кому Господь). 147
Въ глуши 148
«Недавно ты изъ мрака вышелъ» 149
Ночь въ Крыму . . . . . —
Наяды 150
Внутренній голосъ 152
«Корабль пошелъ навстрѣчу темной ночи» 153
Иногда 154
Звѣзды 155

стр.
Агарь 155
«Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ» . 158
Сны I—V . . . . . 159—167
IV. Подсолнечное царство 161
V. Тишь и мракъ 163
Туманъ 168
«Тѣнь ангела прошла, съ величіемъ царицы» . . . 169
Утрата 170
Хандра 171
Холодѣющая ночь 172
«Царство науки не знаетъ предѣла» 175
Ночь въ Сорento 176
Чивита-Векіа 177
Одному изъ дѣтей въ Парижѣ 178
На Женевскомъ озерѣ 179
Женщинѣ 180
Иная зима 182
Казачка 183
«Моей молоденькой сосѣдкѣ» 185
Натурщица 186
Переходъ черезъ Нѣманъ 187
«По горамъ двѣ хмурыхъ тучи» 189
«Свѣтъ восходящихъ звѣздъ—вся ночь, когда она» . —
Сумасшедшій 190
Тишь 191
Увѣщанье 192
Финскій берегъ 193
Передъ закрытой истиной 195
Чайка 202
Фрина 203
«Я ль первый отойду изъ міра вѣчность, ты ли» . . 204
На мызѣ . . . . . —
Мельникъ 206
Безуміе горя 209
Послѣдній вздохъ 210
«Я читаю книгу пѣсенъ» 211
Бѣглый 212
Давнишняя просьба 213
Юбилей Шиллера 215
Вѣкъ 218
Муза 219
Поэту-гражданину 220

	стр.
Одному изъ усталыхъ	221
Жалобы музы	223
«Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ»	230
Вавилонское столпотвореніе	—
«Разсказать ли тебѣ, какъ однажды»	233
Шекспиру	235
Что за бѣда	236
Старый орелъ	—
Простп имъ	237
Плохой мертвецъ	238
Поцѣлуй	239
«Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ»	—
«Слышу я моей сосѣдки»	240
Бранятъ	241
Неизвѣстность	243
Фантазіи бѣднаго малаго	244
«И въ праздности горе, и горе въ трудѣ»	247
Хандра и сонъ. М. В. Ломоносова	—
Что если...	252
Напрасно	253
Поздняя молодость	254
Ѳ. И. Тютчеву	255
Среди хаоса	256
Литературный врагъ	258
Современная идиллія	259
Въ городкѣ	266
Спустя 15 лѣтъ	267
Въ альбомъ К. Ш. (Писатель, если только онъ)	268
Орелъ и змѣя	269
Т—ѣ. (Все допытай, все узнай, моя милая)	270
Въ маѣ 1867 г.	271
Дѣтское геройство	272
Темный человѣкъ	274
«Заря подъ тучами взошла и загорѣлась»	—
«Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени»	275
Влюбленный мѣсяцъ	276
Двойникъ	277
Зимняя невѣста	278
Голодъ	280
Два жребія	282
Рознь	286
«Въ ребяческіе дни любилъ я край родной»	289

	стр.
Вакханка и Сатиръ	289
Сонъ язычника	292
Спиритъ	297
Въ наводненье	—
«Когда я былъ въ неволѣ»	298
На желѣзной дорогѣ	299
Міазмъ	301
Врагамъ правды	305
«Когда октава за октавой»	—
За непогрѣшимость	306
О немъ	309
Симеонъ, царь Болгарскій	310
Откуда?	314
Кораблики	315
Нагорный ключъ	316
Утесъ	318
Что съ ней?	321
Полярные льды	324
«Какое дѣло вамъ, счастливцы»	325
«Мой умъ подавленъ былъ тоской»	326
«Блаженъ озлобленный поэтъ»	—
Музыка	327
На закатѣ	328
Въ Потерянномъ Раю	329
У окна	331
Старая няня	—
Зимняя пѣсня русалокъ	335
Отрадная встрѣча, или тщетныя надежды старичка	336
Отрочество	339
На улицахъ Парижа	341
Въ приливъ	343
Библіографы	344
Замогильный голосъ	345
Поэзія	346
Тяжелая минута	348
Шиньонъ	349
Въ степи	352
Елка	356
Казимиръ Великій	361
Въ дурную погоду	367
Ночная дума	368
Помѣшанная	369

«Я не боюсь враговъ, пусть видятъ 372
Изъ Бурдильена 373
«Молчи, минутнаго покоя не тревожь!» . . . . . —
Письма къ музѣ:
Письмо 1-е. 375
Письмо 2-е. 382
Старые и новые духи 387
«Съ Богомъ боролся во снѣ». 390
Колыбель въ горахъ 391
Диссонансъ. 394
«Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ» 396
Слѣпой таперъ . . . . . —
Очеркъ 398
Могила въ лѣсу 399
Гипотеза. 400
Царь-дѣвица 401
Грезы 402
Вѣчный жидъ. 405
Памяти Тютчева. 409
Болгарка. 410
Ренегатъ 412
Духъ вѣка 414
Въ телѣгѣ жизни 416
Старое посланіе (И. С. Тургеневу) 417
Опасеніе 422
Міровая ткань 424
Туда! 425
«Я красоты не разлюбилъ» 426
Въ годину утраты . . . . . —
Подъ краснымъ крестомъ. 427
«Въ гаремѣ брань и плачъ» 430
«Что мнѣ она!—не жена, не любовница» 431
Н. А. Грибоѣдова 432
Сфинксъ 438
Безпутный годъ 440
«Пусть злая осень добила дождемъ» 443
«Увидалъ изъ-за тучи утесъ» . . . . . —
А. С. Пушкинъ 444
Прометей 447
«Любя колосьевъ мягкій шорохъ» 449
«Глаза и умъ, и вся блестишь ты» 450
«Я умеръ, и мой духъ умчался въ тотъ эѳиръ» . . —
Двадцать-девятое января 1783 — 1883 г. 451

стр.
Вечерніе огни 452
На искусѣ 453
«Онъ человѣкъ былъ и за правду распинался» . . 454
Московскимъ торгашамъ . . . . . —
27 сентября 1883 года (У гроба Тургенева) . . . 456
Умирающій 457
Сбѣжавшая больная 461
«То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну» . . 463
Струйка 464
Ночью . . . . . —
Видѣніе Османа 465
Холодная любовь 467
Старикъ 468
«Съ колыбели мы, какъ дѣти» 469
Аллегорія 470
На каланчѣ 471
Примѣчанія 477
Опечатка 480
Алфавитный указатель 481

Солнце и Мѣсяцъ.

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ Мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни! и за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ».

И взмолилось Солнце брату:
«Братъ мой, Мѣсяцъ золотой!
«Ты зажги фонарь и ночью
«Обойди ты край земной!

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать,—
«Все развѣдай и по-утру
«Приходи и дай мнѣ знать!»

Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой...
Завтра жь, рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворятъ двери.
«Солнце, встань! Грачи летятъ,
«Пѣтухи давно пропѣли,
«И къ заутрени звонятъ».

Солнце встанетъ, Солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ, братецъ мой?
«Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
«Что ты блѣденъ? Что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ,—
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.

Если жь нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

1841.

---

* * *

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!

Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!
Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаясь, назадъ;
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О, солнце, солнце! Погоди!

Бэда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть.
«Старикъ!» онъ сказалъ: «я пойду отдохнуть,
«А ты, если хочешь, начни проповѣдать:
«Съ вершинъ увидали тебя пастухи,
«Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
«Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
«О сынѣ распятомъ за наши грѣхи».

И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось, слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей.

Но вотъ ужь сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ—отъ края до края:
Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

Изъ драматической поэмы „Магометъ".

Магометъ.

...Я вслушивался жадно
И въ разговоръ монаховъ христіанскихъ,
И въ шумный споръ запальчивыхъ жидовъ,
И въ чудные разсказы бедуиновъ.
Я двадцать лѣтъ молчалъ и только слушалъ.
Ячмень въ одну весну и разцвѣтетъ,
И отцвѣтетъ на плодоносной нивѣ;
Но много лѣтъ потребно для того,

Чтобъ выросла въ степи, на чахлой почвѣ,
Широколиственная пальма...
Такъ замысла великаго зерно
Медлительно росло и вкоренялось
У сердца моего, на жаркой почвѣ!
Изъ Антіохіи однажды, помню, я
Велъ караванъ, и на песчаномъ морѣ
Меня засталъ крылатый ураганъ.
Онъ быстро, заслоняя солнце, двигалъ
Свои столпы. Сыпучаго песку
Сухія волны на меня катились,
И мой верблюдъ, зажмурившись невольно,
Сталъ утопать. Сопутниковъ моихъ
Неясныя вблизи мелькали тѣни.
Я имъ кричалъ; но буря заглушала,
Подобно тысячѣ низверженныхъ потоковъ,
Мои слова: и самъ я не слыхалъ
Моихъ призывныхъ криковъ. На колѣни,
Отъ ужаса загородивъ руками
Мое лицо, упалъ я и молился,
И говорилъ: «Аллахъ, Аллахъ, помилуй!
«Клянусь Твоимъ блистательнымъ престоломъ,
«Я разнесу твое святое имя
«По всей Аравіи... Аллахъ, помилуй!»
Но въ этотъ мигъ песчаная гора
Обрушилась и на моихъ плечахъ
Разсыпалась, и я оцѣпенѣлъ.
Когда же я очнулся, надо мною
Уже вечернее сіяло солнце.
Вокругъ меня попрежнему мелькали
Товарищей сіяющія лица,
И двигался по степи караванъ,
И я лежалъ, качаясь, на верблюдѣ;

И горы бѣлыя верхушки поднимали
Изъ-подъ земли, и весело мнѣ было,
Что я воскресъ. Когда же ночь пришла,
Остановились мы на отдыхъ у подошвы
Одной горы, и я пошелъ искать
Ключа, чтобъ напоить моихъ верблюдовъ.
Луна, какъ брачная лампада, надъ пустыней
Сіяла яркимъ свѣтомъ. Мой кувшинъ
У ногъ моихъ поставилъ я на камень
И, прислонясь къ махровой пальмѣ, долго
Стоялъ и слушалъ. Мнѣ казалось, гдѣ-то
Журчалъ источникъ. Долго я глядѣлъ,
Не замелькаетъ ли серебряная точка
На мѣсяцѣ играющей воды.
И, къ удивленью моему, въ пещерѣ,
У каменной подошвы двухъ утесовъ,
Я увидалъ, горитъ огонь. Проворно
Я взялъ кувшинъ, и смѣло побѣжалъ
Въ пещеру. И казалось мнѣ, что духи
Передо мной летѣли и кружились,
И на огонь протягивали руки...
И тамъ-то въ первый разъ я увидалъ
Пустынника Габиба...
Онъ въ бѣлой мантіи стоялъ, читая
Развернутый пергаментовый списокъ;
Чугунная лампада озаряла
И свитокъ, и рубцы его чела...
И молча, съ ногъ до головы объятый
Невольнымъ ужасомъ благоговѣнья,
Я созерцалъ таинственнаго старца.
«Ты Магометъ, изъ племени Гашемъ!
«Я жду давно тебя!» сказалъ мнѣ старецъ...
И, между прочимъ, говорилъ мнѣ: «Слушай!

«Я научу тебя премудрости великой;
«Великія тебѣ открою тайны
«Аллаха, чрезъ его пророковъ
«Открытыя народамъ. По лицу
«И по походкѣ ногъ твоихъ проворныхъ,
«Которыхъ каждый шагъ въ моей пещерѣ
«Былъ повторенъ гранитнымъ сводомъ,
«Я узнаю того, кто мнѣ обѣщанъ!»
Дрожа, я сѣлъ и сталъ вести бесѣду
Съ однимъ изъ тѣхъ премудрыхъ на землѣ,
Кто слышитъ тайную гармонію природы
И голоса привратниковъ небесныхъ;
Кто отдаленное очами осязаетъ
И по звѣздамъ читаетъ повѣсть міра.
Двѣ ночи я внималъ рѣчамъ Габиба,
И думали товарищи мои,
Что унесенъ я львицей иль растерзанъ
Голоднымъ тигромъ, и рыдали горько...
Когда жь увидѣли, что я иду
И на плечѣ несу кувшинъ съ водою,
Отъ радости не знали, что подумать,
И, какъ роднаго брата, обнимали...
И для меня съ тѣхъ поръ преобразился,
Роскошнѣй сталъ широкій Божій міръ,
На золотой цѣпи повѣшенное солнце
И прикрѣпленныя къ хрустальнымъ сводамъ
Горящія планеты...
И началъ я завидовать пророкамъ,
И сталъ просить пророческаго дара.
Тому прошло уже шесть лѣтъ;
И близокъ день, назначенный свиданью!
Премудрый ждетъ меня въ пустыняхъ Геры,
Тамъ, гдѣ стоятъ утесы на утесахъ

И упираются въ пылающее небо;
Гдѣ бьетъ вода изъ камня день и ночь
И никогда не сякнетъ—та вода,
Которую приноситъ ангелъ, въ видѣ
Громовыхъ тучъ, и поливаетъ горы.
Туда иду. Прощай, родная Мекка!
Я ворочусь не тѣмъ, чѣмъ вышелъ,
Иль никогда къ тебѣ не ворочусь...

Магометъ предъ омовеніемъ.

О, благодатная, святая влага!
Со всѣхъ сторонъ,
Съ востока солнца до заката солнца,
Объемля міръ,
Изъ облаковъ на жаждущія нивы
Не ты ль дождемъ
Серебрянымъ, при звукахъ грома,
Шумишь, какъ духъ,
Когда по воздуху, очамъ незримый,
Несется онъ,
По сторонамъ разбрасывая складки
Своихъ одеждъ!

О, благодатная, святая влага!
Изъ нѣдръ земныхъ
Тебя сосетъ змѣеобразный корень;
Тобой живутъ
И рисъ, и тернъ, и виноградъ, и фига;
Не ты ль поишь

Усталаго среди степей верблюда—
И въ знойный день
Онъ весело бѣжитъ, напрягши силы,
Когда вдали
Заслышитъ тихое, подъ дикимъ камнемъ,
Журчанье струй!

Земля сгоритъ, и лопнетъ камень,
И упадутъ
На рубежахъ поставленныя горы...
Лишь ты одна
Кипящими зальешь волнами
Развалины
Пылающаго міра, и густой,
Горячій дымъ—
Прокатится, гонимый вѣтромъ,
Изъ края въ край.

О, благодатная, святая влага!
Обмой меня—
И освѣжи меня, и напои
Того, кто жаждетъ!

---

* * *

Священный благовѣстъ торжественно звучитъ,
Во храмахъ ѳиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моей мрачитъ.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;

Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ничто не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашенъ.
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь—жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...

Зимній путь.

Ночь холодная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
А ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
Вой протяжный голодныхъ волковъ
Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ...
Мнѣ мерещатся странные сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ—
До полуночи пряжу прядетъ,
Мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ, на волкѣ верхомъ,
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ-царемъ
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады;
Тамъ жаръ-птицы поютъ по ночамъ
И клюютъ золотые плоды;
Тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

А холодная ночь такъ же мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
И ямщикъ погоняетъ коней.

Тѣни.

По небу синему тучки плывутъ,
По лугу тѣни широко бѣгутъ;
Тѣни ль толпой на меня налетятъ,
Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ;
Солнце ль внезапно меня озаритъ,
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

Утро.

Вверхъ, по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ, туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ;

Онъ какъ дымъ уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя
И разсѣяваясь.

Лучъ зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце,
Разгораясь, блещетъ.

И сіяетъ утро,
Утро молодое.
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное!

Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ!
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ!

О, въ отвѣтъ природѣ
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!

Улыбнись природѣ!
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью,
Есть конецъ страданью!

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Сѣдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездной морской,
Какъ старецъ подъ ношей ему дорогой.

И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье, гдѣ вѣтеръ свиститъ;
И слушаетъ башня, и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней.

И смотритъ сѣдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну—
И видитъ: въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумятъ и мелькаютъ трофеи войны...

Послѣдній разговоръ.

Соловей поетъ въ затишьѣ сада;
Огоньки потухли за прудомъ;
Ночь тиха.—Ты, можетъ быть, не рада,
Что съ тобой остался я вдвоемъ.

Я бъ и самъ желалъ съ тобой разстаться;
Да мнѣ жаль покинуть ту скамью,
Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью.

Не смущайся! Ни о томъ, что было;
Ни о томъ, какъ могъ бы я любить;
Ни о томъ, какъ это сердце ныло,—
Я съ тобой не стану говорить.

Рѣчь моя волнуетъ и тревожитъ...
Веселѣе соловью внимать,
Оттого что соловей не можетъ
Заблуждаться и, любя, страдать.

Но и онъ затихъ во мракѣ ночи;
Улетѣлъ счастливецъ на покой...
Пожелай и мнѣ спокойной ночи
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ ночи не замѣтить
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить,
Съ соловьиной пѣснію въ устахъ!

Мраморное сердце.

Ты назвала мое сердце
Мраморнымъ сердцемъ.
Знаешь ли,
Тайно желая меня уколоть,
Ты похвалу мнѣ сказала,
Бѣдный ребенокъ!..

Мягкое сердце
Воску подобно;
Таетъ оно—
Или подъ пальцами
Рѣзвой дѣвушки,
Всякую форму способно принять.

Обыкновенно жь игрушку,
Куклу вы лѣпите
И, наигравшись,
Въ уголъ бросаете.

Мраморъ же,
Мраморъ на что вамъ?
Мраморъ тяжелъ и не таетъ.
Мертвую глыбу
Камня одинъ лишь художникъ
Въ силахъ вполнѣ оцѣнить.

О если-бъ только
Въ сердцѣ твоемъ загорѣлся
Вѣчно творящій,
Всесогрѣвающій,
Всепроникающій пламень!

«Милый художникъ!»
Я бы невольно воскликнулъ:
«Смѣло бери свой рѣзецъ:
«(Мраморъ рѣзцу лишь послушенъ)
«Мраморнымъ сердцемъ владѣя,
«Ты полу-бога себѣ изваяй».

* * *

Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ, мой милый! смотри —
Озеро свѣтитъ внизу, отражая сіянье зари;
Бѣлый тамъ нѣжится лебедь, въ объятьяхъ стихіи родной
И не разстанется съ ней, какъ и ты, другъ мой милый,
со мной...
Сколько ты мнѣ ни толкуй, что родная стихія твоя —
Міръ, а не жаркое сердце, не грудь молодая моя!

---

* * *

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи жь ко мнѣ навстрѣчу!
Съ жаждой поцѣлуя,
Къ сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звѣзды
Слишкомъ ярко свѣтятъ:
Я плащомъ тебя одѣну,
Такъ что не замѣтятъ.

Если сторожъ насъ окликнетъ,—
Назовись солдатомъ;
Если спросятъ,—съ кѣмъ была ты?
Отвѣчай, что съ братомъ.

Подъ надзоромъ богомолки
Вѣдь тюрьма наскучитъ,
А неволя поневолѣ
Хитрости научитъ.

Вальсъ „Лучъ надежды".

Надежды вальсъ зоветъ, звучитъ
И, замирая, занываетъ:
Онъ тихо къ сердцу подступаетъ,
И сердцу громко говоритъ:

Среди безчисленныхъ забавъ,
Среди страданій быстротечныхъ—
Какихъ страстей ты хочешь вѣчныхъ,
Какихъ ты хочешь вѣчныхъ правъ?

Напрасныхъ благъ не ожидай!
Живи, кружась подъ эти звуки,
И тайныхъ ранъ глухія муки
Не раздражай, а усыпляй!

Когда жь красавица пройдетъ,
Передъ тобой подъ маской черной,
И руку съ нѣжностью притворной
Многозначительно пожметъ;

Тогда ослѣпни и пылай!—
Лови летучія мгновенья,
И на пустыя увѣренья
Минутнымъ жаромъ отвѣчай!

---

* * *

Вижу ль я, какъ во храмѣ смиренно она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной, стоитъ—
Такъ молиться лишь можетъ святая одна...
И болитъ мое сердце, болитъ!

Вижу ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланитъ;
Такъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана...
И болитъ мое сердце, болитъ!

И молю я Владычицу Дѣву, скорбя:
Ниспошли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ;
Чтобъ её за страданья, за слезы, любя,
Я её ненавидѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ, сатана! оглуши,
Ослѣпи ты её! подари ей блестящій вѣнокъ;
Чтобъ её ненавидя всей силой души,
Я любить её больше не могъ.

Статуя.

изъ воспоминаній художника.

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ
Покидалъ я въ Локридѣ мой домъ;
Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтилъ,
Отдыхать я на камнѣ любилъ
Возлѣ моря Коринѳскаго, тамъ,
Гдѣ почіетъ разрушенный храмъ.

Помню я, какъ летучій песокъ
Знойный вѣтеръ, крутя, подымалъ
Тамъ, гдѣ прежде священный потокъ
Подъ оливами звонко журчалъ,
Гдѣ, бывало, по яснымъ зарямъ
Отражало живое стекло
Вѣчно-юное нимфы чело,
И журчала живая волна
Подъ навѣсомъ пахучихъ листовъ,
Когда ночью купалась она,
На траву сброся бѣлый покровъ.
И въ таинственномъ мракѣ звончѣй
На шиповникѣ пѣлъ соловей...
О, Эллада! Эллада!

Тамъ, гдѣ прежде въ четыре ряда
Подпирали колонны карнизъ,
Помню я, какъ бродили стада,
И зеленою плетью вились,
То взбѣгая, то падая внизъ,
По руинамъ живые листы
Повилики, и мохъ выступалъ,
И на сѣромъ обломкѣ плиты
Желтый змѣй чешуею сверкалъ...
О, Эллада! Эллада!

Но надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темно-зеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Вѣка
На лицѣ пощадили черты
Первобытной ея красоты,
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣждъ...

И была обвита вся кругомъ
Та статуя зеленымъ плющомъ.

Помню ночь—ночь была
Упоительной нѣги полна.
Въ облака погружаясь, луна,
И изъ нихъ выплывая, была
Такъ тепла, такъ волшебно свѣтла,
Что, казалось, въ заливѣ морскомъ,
Золотымъ подвигаясь столбомъ,
Ея лучъ волны моря зажжетъ,
Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ!
Чей-то парусъ бѣлѣлся вдали;
Кто-то правилъ чуть видный рулемъ;
Темный руль догоняли струи,
Отливаясь вдали серебромъ...
И, колеблясь, прозрачно-густой
Отъ земли къ небесамъ паръ ночной
Поднимался, какъ будто богамъ,
Безъ огня, самъ собой ѳиміамъ
Воскурялся...

Въ эту ночь на холмѣ я стоялъ.
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ,
Съ томно-яснымъ челомъ, съ высоты
Мнѣ навстрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой,
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ

Уловленную мысль передать
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщано намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать!

Узникъ.

Меня тяжелый давитъ сводъ,
Большая цѣпь на мнѣ гремитъ.
Меня то вѣтромъ опахнетъ,
То все вокругъ меня горитъ!
И, головой припавъ къ стѣнѣ,
Я слышу, какъ больной во снѣ,
Когда онъ спитъ, раскрывъ глаза—
Что по землѣ идетъ гроза.

Налетный вѣтеръ за окномъ,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако съ дождемъ
Несетъ на сонныя поля.
И Божьи звѣзды не хотятъ
Въ мою темницу бросить взглядъ;
Одна, играя по стѣнѣ,
Сверкаетъ молнія въ окнѣ.

И мнѣ отраденъ этотъ лучъ,
Когда стремительнымъ огнемъ
Онъ вырывается изъ тучъ...
Я такъ и жду, что Божій громъ

Мои оковы разобьетъ,
Всѣ двери настежь распахнетъ,
И опрокинетъ сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить въ густыхъ лѣсахъ,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться въ шумныхъ городахъ...
Пойду, среди живыхъ людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забыть позоръ моихъ цѣпей.

Разсказъ волнъ.

Я у мо̀ря, грусти полный,
Ждалъ родные паруса.
Бурно пѣнилися волны,
Мрачны были небеса.
И разсказывали волны
Про морскія чудеса.

Слушай, слушай: подъ волнами
Тамъ, среди гранитныхъ скалъ,
Гдѣ растетъ, сплетясь вѣтвями,
Блѣдно-розовый кораллъ;

Тамъ, гдѣ груды перламутра
При мерцающей лунѣ,
При лучахъ пурпурныхъ утра
Тускло свѣтятся на днѣ,

Тамъ, среди чудесъ природы,
Токомъ водъ принесена,
Отдыхать отъ непогоды
На песокъ легла она.

Вѣютъ косы, размываясь,
Чуденъ блескъ стеклянныхъ глазъ.
Грудь ея, не опускаясь,
Высоко приподнялась...

Нити травъ морскихъ густою
Сѣтью спутались надъ ней,
И нависли бахромою,
Притупляя блескъ лучей.

Высоко надъ ней горами
Ходятъ волны, и звучитъ
Надъ кипящими волнами
Звонкій голосъ Нереидъ.

Но напрасно тамъ, въ пространствѣ,
Слышны всплески, крикъ и стонъ:
Непробуденъ въ нашемъ царствѣ
Вашей дѣвы сладкій сонъ.

Факиръ.

I.

Въ рощѣ гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры,
Ключъ, журча, струился чистый
Изъ-подъ каменной горы;
То, мелькая за кустами,
Разливался онъ; то вдругъ
Падалъ звучными струями,
Разсыпаясь какъ жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горѣ,
Погружать свои кувшины,
Умываться на зарѣ,
Жены смуглыя, толпами,
Не спѣша, къ потоку шли,
Пѣли гимны и перстами
Косы длинныя плели.

И зеленые платаны,
Окружа гранитный храмъ,
Гдѣ сидѣли истуканы
Въ темныхъ нишахъ по стѣнамъ,
Надъ потокомъ простирали
Листьевъ зыблемый покровъ,
И отъ солнца тѣнь бросали
На задумчивыхъ жрецовъ.

Дѣти солнечнаго края,
Почитатели Вишну,
Тотъ потокъ потокомъ рая
Величая встарину,
Разглашали, будто духи
Эту воду стерегли.
И носились эти слухи
Отъ Калькуты до Бенгли.

Говорили на востокѣ,
Будто въ ночь, когда роса
Станетъ капать, въ томъ потокѣ
Слышны чьи-то голоса;
Что невидимыя руки
Подъ волнами, при звѣздахъ,
Издаютъ глухіе звуки
На невѣдомыхъ струнахъ.

Караванъ ли шелъ съ товаромъ—
Сотни тамъ ручныхъ слоновъ
Въ камышахъ паслись недаромъ,
Близъ священныхъ береговъ.
И недаромъ, изъ окольныхъ
Странъ, въ ту рощу за водой,
Шло такъ много богомольныхъ,
Строгихъ индусовъ толпой.

И, съ неутоленной жаждой
На запекшихся устахъ,
Изъ числа пришельцевъ каждый,
Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ,
Къ нимъ, израненный жестоко,
На колѣняхъ подползалъ
И въ святыхъ волнахъ потока
Исцѣленья ожидалъ.

«Страшно, страшно покаянье!»
Пѣлъ унылый хоръ жрецовъ:
«Нужно самоистязанье,
Постъ, молитва, потъ и кровь!
Жизнь есть вѣчное броженье,
Сонъ роскошный, но пустой.
Вѣчность есть уничтоженье,
Смерть—таинственный покой.

Бѣдный смертный, наслаждайся,—
Иль, страдая до конца,
Самъ собой уничтожайся
Въ лонѣ вѣчнаго отца.»

II.

И на камнѣ, близъ потока
Чтобъ стоять и ночь, и день,
Вознеслася одиноко
Человѣческая тѣнь...

Вѣрный страшному обѣту,
Для Брамы покинувъ міръ,
Тамъ, какъ тѣнь, чужая свѣту,
Девять лѣтъ стоялъ факиръ.
Солнце жгло его нагія
Плечи, и, шумя въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ;

Но рука его не смѣла
Шевельнуться на груди,
Глубоко врѣзая въ тѣло
Ногти длинные свои.

А другая поднимала
Пальцы кверху, и какъ трость,
Протянувшись, высыхала
Кожей стянутая кость.

Старики его кормили,
Даже дѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ нажатаго плода.
На него садилась птица.
Говорили про него:
Шла голодная тигрица
И не тронула его.

Тамъ кричала обезьяна,
И къ лицу его склонясь,
Колыхала вѣтвь банана,
Длинной лапой уцѣпясь.
Листья весело шумѣли,
Звучно пѣнился потокъ;
Но глаза его глядѣли,
Не мигая, на востокъ;

Тѣ глаза глядѣли мутно:
Имъ мерещилось вдали
Все, что было недоступно
Бѣднымъ странникамъ земли—
Тѣ лазурные чертоги,
Тѣ воздушные холмы,
Гдѣ, творя, витаютъ боги
Въ лонѣ вѣчнаго Брамы.

Недоступное мелькало;
Все жь, доступное очамъ,
Для него давно пропало:
И гора, и лѣсъ, и храмъ.

И священнаго потока
Волны, чудилось ему,
Въ немъ самомъ кипятъ глубоко,
Изъ него бѣгутъ къ нему...

Передъ праздникомъ Ликчими *),
Въ полночь, за двѣнадцать дней,
Той порой, когда златыми
Миріадами лучей
Синій мракъ небесъ глубокихъ
Какъ алмазами горитъ,
Той порой, какъ спятъ потоки,
Горы спятъ и роща спитъ,

Тихо лунное сіянье
Почивало на горахъ;
Струй незримыхъ лепетанье
Раздавалося въ кустахъ;
Въ рощѣ, глухо потемнѣвшей,
Слышно было, какъ порой
Отрывался перезрѣвшій
Плодъ отъ вѣтки самъ собой.

Вдругъ, какъ будто самъ Равана **),
На боговъ подъемля рать,
Въ черныхъ тучахъ урагана,
По горамъ пошелъ шагать;
По горамъ пошелъ и, съ трескомъ
Камень сбросивши съ вершинъ,
Озарилъ румянымъ блескомъ
Серебро своихъ сѣдинъ.

---

*) Или Лакшми—жены Вишну.
**) Одинъ изъ великановъ непріязненныхъ богамъ.

На гнѣздѣ проснулась птица,
Эхо звонко разнеслось;
И какъ будто колесница
Прокатилась въ сто колесъ...
Въ это время берегъ дикій,
На которомъ цѣпенѣлъ
Этотъ праведникъ великій,
Содрогнулся и осѣлъ.

И страдалецъ добровольный,
Потрясенъ и пораженъ,
Кинулъ взглядъ вокругъ невольный,
На которомъ чудный сонъ
Тяготѣлъ, ему являя
На краю ночныхъ небесъ
Вѣчный день иного края,
Вѣчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ—голосъ томный
За горою говоритъ:
«На меня сейчасъ огромный
«Съ высоты упалъ гранитъ;
«Онъ пресѣкъ мое стремленье,
«Онъ моимъ живымъ струямъ
«Далъ другое направленье
«По излучистымъ горамъ.

«Ты душой стремишься къ Богу,
«Я по каменнымъ плитамъ
«Пролагалъ себѣ дорогу
«Къ свѣтлымъ Гангеса водамъ.
«Сжалься, праведникъ! отнынѣ
«Я ползу, ползу, какъ змѣй,
«По гнилой болотной тинѣ,
«Подъ корнями камышей.

«Сжалься! ты одинъ лишь можешь
«Слышать тайный голосъ мой!
«Ты одинъ, одинъ поможешь
«Сдвинуть камень роковой!..
. . . . . .
. . . . . .
«Позови жь своихъ собратій,
«Позови своихъ сыновъ!..
«Позови!..»—и голосъ томный
Оборвался, какъ струна;—
И во мракѣ ночи сонной
Вновь настала тишина.

Утра пламень золотистый
Проникалъ изъ-за горы
Въ рощу, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры.
Птицы кротко щебетали,
И блестящіе листы
Капли жемчуга роняли
На траву и на плиты.

По дорогѣ шли брамины,
По горѣ толпами шли
Жены, дѣти и кувшины
Руки смуглыя несли.
И потомъ они спускались
Къ тѣмъ священнымъ берегамъ,
Гдѣ платаны разростались,
Окружа гранитный храмъ.

Тамъ, въ дверяхъ, жрецы толпились,
Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ,
И свѣтильники дымились
Въ ихъ опущенныхъ рукахъ:

Гдѣ вчера струи журчали,
Гдѣ святой лился потокъ,
Камни ребрами торчали,
Да сырой желтѣлъ песокъ.

А на берегу потока,
Гдѣ такъ свято, ночь и день,
Возносилась одиноко
Человѣческая тѣнь,
Тѣло мертвое лежало,
Опрокинутое ницъ,
И, кружась надъ нимъ, летала
Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

Ангелъ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?..
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньѣ трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньѣ...
И тихо, шепотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;

Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Вечеръ.

Зари догарающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана;
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догарающей пламя.

---

* * *

Я погибалъ —
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Полежаевъ.

И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья;
И я, страдая, проклиналъ,
И, отрицая провидѣнье,
Какъ благодати ожидалъ
Послѣдняго ожесточенья.
Мнѣ было жаль волшебныхъ сновъ
Отрадныхъ, дѣтскихъ упованій
И мнѣ завѣщанныхъ преданій
Отъ простодушныхъ стариковъ.
Когда молитвенный мой храмъ
Лукавый демонъ опрокинулъ,
На жертву пагубнымъ мечтамъ
Онъ одного меня покинулъ;
Я долго кликалъ: Гдѣ же ты,
Мой искуситель? Дай хоть руку!
Изъ этой мрачной пустоты
Неси хоть въ адъ! . . . . .
. . . . . .
И вотъ, среди мятежныхъ думъ,
Среди мучительныхъ сомнѣній
Установился шаткій умъ
И жаждетъ новыхъ откровеній.

И если вновь, о демонъ мой,
Тебя нечаянно я встрѣчу,
Я на привѣтъ холодный твой
Безъ содроганія отвѣчу.

Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ—
Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой—не на холмѣ гробовъ,
Не изъ разбросанныхъ обломковъ
Той ветхой храмины отцовъ,
Гдѣ стало тѣсно для потомковъ.
И какъ великъ мой новый храмъ,
Не рукотворенъ куполъ вѣчный,
Гдѣ ночью путь проходитъ млечный,
Гдѣ ходитъ солнце по часамъ,
Гдѣ все живетъ, горитъ и дышитъ,
Гдѣ раздается вѣчный хоръ,
Который демонъ мой не слышитъ,
Который слышитъ Пиѳагоръ.
И чу, въ отвѣтъ на эти звуки
Встаютъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . И вотъ
Всѣ Геніи земнаго міра,
И всѣ, кому послушна лира,
Мой храмъ наполнили толпой;

Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голосъ вѣковой.
Теперь попробуй, демонъ мой,
Нарушить этотъ гимнъ святой,
Наполнить смрадомъ это зданье.
О, нѣтъ! съ могуществомъ своимъ,
Безсильный, уходи къ другимъ,
И разбивай одни преданья,
Остатки формъ безъ содержанья.

Къ NN.

Кто по неволѣ оторвалъ
Отъ сердца, съ болью нестерпимой,
Любимыхъ думъ предметъ любимый,
Кто постепенно разрушалъ
Свои святыя убѣжденья
И, какъ ночное привидѣнье,
На ихъ развалинахъ стоналъ—
Пускай надменно презирать,
Негодовать и отрицать
Онъ грустнымъ пользуется правомъ!
Онъ дорого его купилъ:
Цѣною напряженныхъ силъ,
Цѣной труда въ поту кровавомъ.
И пусть ему съ тоской въ очахъ
Внимаетъ молодое племя!
Быть можетъ, въ злыхъ его рѣчахъ
Таится благъ грядущихъ сѣмя.

А ты, что видѣлъ жизнь во снѣ,
И не насытился вполнѣ,
И не страдалъ святымъ страданьемъ!
Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло выпить эту чашу?
Повѣрь—затерянный въ толпѣ,
Ты скоро наконецъ судьбѣ
Протянешь руку: постепенно,
Въ тревогѣ мелочныхъ заботъ,
Твой голосъ дерзкій и надменный
Неповторяемо замретъ.

Кумиръ.

Не сотвори себѣ кумира;
Но вѣрный сердцу одному,
Я былъ готовъ всѣ блага міра
Отдать кумиру моему.
Кумиръ нѣмой, кумиръ суровый,
Онъ мнѣ сіялъ какъ божество,
И я клялся его оковы
Влачить до гроба моего.

Но я разбилъ кумиръ надменный,
Кумиръ развѣнчанный—упалъ
И я же, рабъ его смиренный,
Его обломки растопталъ.

И безъ любви, безъ упованья,
Не призывая тайныхъ силъ,
Я глубоко мои страданья
Въ самомъ себѣ похоронилъ.

Лунный свѣтъ.

На скамьѣ, въ тѣни прозрачной
Тихо шепчущихъ листовъ,
Слышу—ночь идетъ, и слышу
Перекличку пѣтуховъ.

Далеко мелькаютъ звѣзды,
Облака озарены,
И, дрожа, тихонько льется
Свѣтъ волшебный отъ луны.

Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты;

Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно,
Все, что спитъ въ душѣ глубоко —
Въ этотъ мигъ озарено.

Отчего жь былаго счастья
Мнѣ теперь ничуть не жаль?
Отчего былая радость
Безотрадна, какъ печаль?

Отчего печаль былая
Такъ свѣжа и такъ ярка?..
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

Маска.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Празднымъ взоромъ скользя безъ вниманья,
Злою скукой томимый давно,
У колоннъ встрѣтилъ я домино.

Протянувъ свою ручку-малютку,
Она сжала мою не на шутку;
На лицѣ моемъ жаръ заигралъ,
Но я милой моей не узналъ.

Изъ-подъ шелковой розовой маски,
Какъ двѣ звѣздочки, теплились глазки,
И на мнѣ остановленный взоръ
Выражалъ и любовь, и укоръ.

Наконецъ она тихо сказала:
«Я давно, я вездѣ васъ искала!»
Измѣнилъ рѣчи трепетный звукъ,
Я узналъ трепетъ милыхъ мнѣ рукъ.

О, во имя любви простодушной,
Не снимай этой маски бездушной!
Я боюсь, другъ мой милый, любя,
Въ этотъ мигъ я боюсь за тебя.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Пусть пройдетъ клевета безъ вниманья,
И любви откровенной слова
Не подслушаетъ злая молва!

На могилѣ.

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; забытая могила,
Вчера зарытая, травою поростетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ, давно остылый,
Могущественный дубъ корнями обовьетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою;
Подъ тѣнь его любовники прійдутъ—
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрятъ въ даль, поникнувъ головою,
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

Ночь въ горахъ Шотландіи.

Спишь ли ты, братъ мой?
Ужь ночь остыла;
Въ холодный,
Серебряный блескъ
Потонули вершины
Громадныхъ
Синѣющихъ горъ.

И тихо, и ясно—
И слышно, какъ съ гуломъ
Катится въ бездну
Оторванный камень;
И видно, какъ ходитъ,
Подъ облаками,
На отдаленномъ
Голомъ утесѣ
Дикій козленокъ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Гуще и гуще
Становится цвѣтъ полуночнаго неба;
Ярче и ярче
Горятъ планеты—
Грозно
Сверкаетъ во мракѣ
Мечъ Оріона.

Встань, братъ!
Изъ замка
Невидимой лютни
Воздушное пѣнье
Принесъ и унесъ свѣжій вѣтеръ...
Встань, братъ!
Отвѣтный,
Пронзительно-рѣзкій
Звукъ мѣднаго рога
Трижды въ горахъ раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнѣздахъ.

* * *

О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
Невозмужалыя надежды,
И съ простодушіемъ невѣжды
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ
Тебя невольно увлекать—
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей—
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо-зовущій.

Первые шаги.

Зачѣмъ покинулъ я въ долинѣ домъ родной
И рощи свѣжія, шумящія ручьями?
«Не унывай, мой сынъ! За этими скалами,
«Предъ нами ляжетъ путь широкій и прямой».
— Отецъ, отецъ! Пусти меня домой!
Мнѣ страшно здѣсь,—какой-то гулъ невнятный...
«То море за горой насъ чуетъ и шумитъ,
«Надеждой манитъ вдаль—и бурями грозитъ.

«Идемъ!»—Душа полна тревоги непонятной...
Такъ вотъ оно, безбрежье вѣчныхъ водъ!
Прекрасно-гнѣвное, оно меня зоветъ.
Въ сердитомъ плескѣ волнъ, отброшенныхъ скалами,
Я слышу голосъ, грозно нами
Повелѣвающій—и содрогаюсь я,
И на корабль, какъ робкое дитя,
Всхожу послушными шагами.

Письмо.

Ужь ночь. Я къ ней пишу. Окно отворено;
Шумъ городской затихъ; надъ лампой мошки вьются.
Встаю—гашу огонь; хожу—гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда
Въ часъ утра—а моей любви живыя грезы—

Задумчивой любви привѣтъ, слова и слезы
Еще изъ-подъ пера не улетятъ... О, да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранитъ;
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки.
Среди невѣждъ она свои проводитъ дни,
Среди степныхъ невѣждъ... Пропустятъ ли они
Нераспечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
Не осмѣютъ ли каждую строку,
Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
Души, подавленной насиліемъ разлуки?
Она сама что скажетъ? Изорветъ
Мое письмо при всѣхъ, съ притворною досадой,
Или, измявъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ,
И вспомнитъ обо мнѣ съ мучительной отрадой?...
Нужда, невѣжество, родные—и любовь!..
Какая злость порой мою волнуетъ кровь!
Но ты молчи пока—молчи мое посланье,
Чтобъ за мое негодованье
Не отомстили ей тюремщики ея,
Цѣнители покорнаго страданья.

Подражаніе корану.

Скажи строптивымъ, малодушнымъ,
Коварно злымъ и непослушнымъ,
Что въ неразумiи своемъ
Меня слѣпцы лишь не находятъ,
И не идутъ прямымъ путемъ,
А ощупью въ потемкахъ бродятъ.

Не спрячутъ ихъ запоры башенъ,
Вездѣ найдетъ ихъ Азраилъ,
Придетъ незваный, блѣденъ, страшенъ,
И изо всѣхъ ударитъ силъ...
И вздрогнутъ каменныя стѣны,
И подогнутся ихъ колѣны.

Пророкъ! напомни маловѣрнымъ,
Что я приду нелицемѣрнымъ
Судомъ судить—и будетъ течь
Рѣка огня въ тотъ день, и будутъ
Ихъ на цѣпяхъ желѣзныхъ жечь...
Напомни имъ—да не забудутъ!

Послѣдній выводъ.

(Посвящается А. Нов...ву).

Первоначальныхъ лѣтъ неясныя стремленья,
И все, чему найдти не могъ я выраженья;
Безумной юности неосторожный пылъ,
И все, чѣмъ сердце я навѣки отравилъ;
Возвышенныхъ надеждъ несбыточныя грезы,
И та дѣйствительность, къ которой я привыкъ;
Смѣшнымъ невѣріемъ осмѣянныя слезы,
И внутренней борьбы никѣмъ не слышный крикъ;
Всѣ прежнія мечты, всѣ страсти, всѣ желанья,
Все равнодушіе къ тому, чего ужь нѣтъ,—
Все вмѣстѣ, какъ одно всецѣлое страданье,
Могло бъ въ сердцахъ людей найти себѣ отвѣтъ...

Но я не жду его, я не прошу отвѣта;
И все, что скажутъ мнѣ, я знаю напередъ:
«Мы такъ же, какъ и ты, похожи на Гамлета;
«Ты такъ же, какъ и мы, немножко Донъ-Кихотъ».

---

* * *

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

Птичка.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

Прощай.

Прощай!.. О, да, прощай! Мнѣ грустно...
Моихъ страданій передать
Я не могу тебѣ изустно
И не могу, какъ рабъ, молчать.

Мы не привыкли лицемѣрить—
Не довѣряя ничему,
Мы не хотѣли слѣпо вѣрить
Больному сердцу своему.

И въ часъ прощальнаго привѣта,
Сгарая пламенемъ святымъ,
Другъ другу вѣчнаго обѣта
Мы легковѣрно не дадимъ.

Быть можетъ—грустное мечтанье!
На длинномъ, жизненномъ пути,
Въ часъ равнодушнаго свиданья,
Мы вспомнимъ грустное *прости*.

Тогда мы улыбнемся оба,
Другъ другу отдадимъ поклонъ,
И вновь простимся, чтобъ до гроба
Насъ не тревожилъ счастья сонъ.

Затворница.

Въ одной знакомой улицѣ—
Я помню старый домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ.
Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи свѣтилъ;
И вѣтеръ занавѣскою
Тихонько шевелилъ.
Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила,
Какъ часто сила тайная
Меня туда влекла.
И что за чудо-дѣвушка,
Въ завѣтный часъ ночной,
Меня встрѣчала, блѣдная,
Съ распущенной косой.
Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ:
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ.
Какъ не-по-дѣтски пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,

Она дрожа шептала мнѣ:
«Послушай, убѣжимъ!
«Мы будемъ птицы вольныя—
«Забудемъ гордый свѣтъ...
«Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ,
«Туда возврата нѣтъ»...
И тихо слезы капали,
И поцѣлуй звучалъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

Дубокъ.

Тихо проносится ночь благовонная,
Міръ внемля Богу молчитъ,
Въ рощѣ одной лишь осинка безсонная,
Листья колебля, шумитъ.

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжелыя,
Дремлетъ дубокъ молодой.
Видитъ онъ сны, не совсѣмъ-то веселые,
Возлѣ подруги ночной.

«Спи!—ему шепчетъ осинка тревожная:
Спи, мой дубокъ молодой!
«Бури опасны; но я, осторожная,
«Буду беречь твой покой».

«Снились мнѣ бури, нашъ край посѣтившія—
Молвилъ дубокъ молодой:
«Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
«Сломаны бурей ночной...

Снилось, подъ бурями выросъ высоко я,
Выше столѣтнихъ дубовъ;
Видѣлъ свободно я небо далекое,
Блескъ заревыхъ облаковъ.

Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сплетаются
Звѣзды въ узоръ золотой,
И говорятъ, что онѣ загораются
Съ тѣмъ, чтобъ беречь мой покой».

Такъ говорилъ онъ—но вновь засыпающій,
Словно задумался онъ;
Листьевъ осиновыхъ шопотъ ласкающій
Вновь погрузилъ его въ сонъ.

Наивная жалоба.

Всѣ говорятъ, что стала я блѣдна,
Что блѣдность мнѣ къ лицу,—что въ этомъ толку!
Вѣдь вы не знаете, какъ часто я одна
Грущу и плачу—плачу втихомолку.
Сказать ли вамъ за тайну, отчего
За мной домашніе присматриваютъ строже;
Клянитесь матушкѣ секрета моего
Не открывать... О, сохрани васъ Боже!
Вотъ видите, одинъ студентъ у насъ въ дому...
Онъ съѣхалъ къ намъ на дачу, и сначала,
Мнѣ было дико съ нимъ, не знаю почему;
Но съ каждымъ днемъ къ нему я привыкала,
И наконецъ, чтобъ нравиться ему,
Ужъ я чего—чего себѣ не позволяю,

Чего не дѣлаю? какихъ не прилагаю
Стараній, хитростей... То, косу распустя,
Я передъ нимъ играю какъ дитя,
То въ уголъ я сажусь, молчу и поминутно
Любуюсь имъ и не умѣю путно
Связать двухъ словъ; то съ небольшимъ вѣнкомъ
Изъ васильковъ, отъ матушки тайкомъ,
Къ нему на встрѣчу, я сбѣгаю въ садъ старинный,
И у калитки, тамъ, въ концѣ аллеи длинной,
Стою и жду. . . . . .
Сказать ли вамъ еще, за что меня бранятъ?
За то, что въ дождикъ,—въ воскресенье,
Я по сырой травѣ сама ходила въ садъ,
Ему цвѣтовъ нарвать любимыхъ,—безъ сомнѣнья,
Одно въ виду имѣя утѣшенье,
Улыбку, можетъ быть, иль благодарный взглядъ.
Но что ни дѣлаю, ничто не помогаетъ!
По прежнему онъ холоденъ и тихъ,
По прежнему сидитъ, да книги все читаетъ—
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!

Нищій.

Знавалъ я нищаго:—какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ.
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, въ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ—
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.

Въ нашъ вѣкъ, таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ,
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жь нищими, какъ самъ.

Новой Лаурѣ.

СОНЕТЪ.

Прости поэзія! и вы, мечты Петрарки!
И ты, моя Лаура! Въ добрый часъ,
Отъ жениха глупца, богатые подарки
Ты приняла!.. Ужь обручили васъ!..
Смѣшно!.. Какъ пьяница отъ лишней горькой чарки,
Я плачу—и готовъ на тысячу проказъ!
Судя по влажности твоихъ лукавыхъ глазъ,
Воображаю, какъ должны быть жарки
Законныя лобзанья!.. Боже мой!
Не онъ ли былъ смѣшонъ тебѣ своей фигурой,
Своею важностью надутой и пустой?
Не ты ли назвала его каррикатурой!
И что же наконецъ!.. но впрочемъ, Богъ съ тобой!
Кажись ему его женой,
Какъ ты до сей поры казалась мнѣ Лаурой.

Весталка или послѣдняя мольба язычницы.

(Посв. Н. Щербинѣ).

«Вставай, Секстилія!.. Пора!.. На этотъ разъ
Готовъ ли факелъ твой?»—Но сердцемъ изнывая,
Не спитъ во тьмѣ ночной весталка молодая.
Увы! ночникъ ея погасъ...

Безъ факела идетъ Секстилія во храмъ.
Какъ жрица Весты, тамъ, она огонь священный
Должна блюсти. Таковъ обычай неизмѣнный,
Угодный царственнымъ богамъ.

Вотъ древній жертвенникъ: таинственный огонь
Горитъ; лучи, дрожа, скользятъ на мраморъ млечный,
На неподвижный ликъ, на грудь богини вѣчной
И на простертую ладонь.

Приблизившись къ огню, Секстилія жезломъ
Пошевелила пламя; возлѣ пьедестала
Облокотилась и, откинувъ покрывало,
Поникла на руку челомъ;

Стоитъ—и снится ей Полибій молодой.
Не онъ ли въ Колизей спѣша, въ плащѣ зеленомъ,
За колесницею летитъ на запыленномъ
Конѣ, по звонкой мостовой.

Подъ мѣдной каскою, въ одеждѣ боевой,
По тѣснымъ площадямъ, неопытный, но смѣлый,
Не онъ ли, издали какъ тѣнь, слѣдитъ за бѣлой
Одеждой, съ пурпурной каймой.

И тамъ, гдѣ мутный Тибръ, изъ-за публичныхъ бань
Бѣжитъ въ сады—пріютъ статуй уединенныхъ—
Сатировъ съ нимфами и грацій обнаженныхъ—
И гдѣ, какъ трепетную лань,

Ее вчера смутилъ знакомый шумъ шаговъ;
Гдѣ поняла она все, все—мольбы желанья,
Любви прощальный вздохъ, съ надеждой на свиданье,
И горькій ропотъ на боговъ.

Ей снится блѣдный ликъ и темные глаза,
Одушевленные мучительною страстью...
— Кто можетъ изъ владыкъ земныхъ, вѣнчанныхъ властью,
Сказать грозѣ: молчи, гроза!

Какое божество захочетъ лѣтнихъ дней
Роскошный цвѣтъ убить морозной пеленою,
Иль римлянку, давно созрѣвшую душою,
Спасти отъ мысли и страстей!

И вспомнила она младенческіе дни—
Тѣ дни, когда отецъ и мать, убравъ цвѣтами,
Въ храмъ Весты дѣвственной, съ обычными мольбами,
Ее на жертву привели.

На жертву! для чего? И вотъ, ея глаза
Изъ-подъ густыхъ рѣсницъ блеснули небывалымъ
Огнемъ; стѣснилась грудь, и по ланитамъ впалымъ
Сбѣжала знойная слеза.

И, отступя на шагъ, надъ юной головой
Скрестя прекрасныя, до плечъ нагія руки,
Со всѣми знаками невыносимой муки,
То упрекая, то съ мольбой,

Какъ Пиѳія, въ бреду, весталка говоритъ:
«Богиня! для чего беречь мнѣ этотъ пламень?
Ты холодна, но я—не ты, не мертвый камень,
Въ которомъ кровь не закипитъ.

Ты видишь: я больна. Во снѣ и на яву
Я брежу имъ. Гляди, какъ сами плачутъ очи!
Подслушай лепетъ мой, когда на ложе ночи
Я чуть не вслухъ его зову.

Скажи мнѣ: кто зажегъ огонь въ моей груди,
И отчего мнѣ тяжко это покрывало?
Сойди, безсмертная богиня, съ пьедестала
И сердце смертной остуди!

Тебѣ я отдала мои младые дни—
Иль жертва страшная моя чудесъ не стоитъ!
Такъ если знаешь ты, какъ это сердце ноетъ,
Надменная! пошевельни

Надъ этимъ алтаремъ простертою рукой!
Одною складкой мраморной одежды...
Пускай со страхомъ, но не безъ надежды
Я ницъ паду передъ тобой.

Увы! суровъ твой ликъ; десница тяжела;
Твои глаза глядятъ, лучей не отражая.
Рыдаю... ты мертва! Тебя не согрѣвая,
Горитъ пахучая смола.

Но не къ одной тебѣ я шлю мои мольбы—
Богини вѣчнаго Олимпа, къ вамъ взываю!
Скажите, именемъ судьбы я заклинаю:
Какъ устоять противъ судьбы?

Чѣмъ можетъ смертная умѣрить злую страсть,
Тогда какъ сами вы ея очарованью
Готовы уступить и жадному лобзанью
Вполнѣ отдать себя во власть!

Однихъ ли вы боговъ ласкали на груди?
Иль мало вамъ небесъ! иль мало вамъ сознанья,
Что ваша молодость вѣчна безъ увяданья,
Что нѣтъ вамъ смерти впереди!

А мнѣ!—мнѣ все грозитъ, съ утратой лучшихъ лѣтъ—
И сѣдина, и гробъ—что хуже этой казни!
И я,—я не должна подумать безъ боязни
Нарушить тягостный обѣтъ!

О, ненавистная! о, рабская боязнь!
Долой покровъ!.. я рву его на части...
Потухни жертвенникъ, какъ это пламя страсти
Потушитъ завтрашняя казнь!»

И жертвенникъ потухъ...
. . . . . .

Ночь.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!

Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!

Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!

Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души—
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ—
Все, что жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши?

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

Заступница.

Когда Архангелъ протрубитъ въ трубу,
И мертвецы проснутся въ ужасѣ; когда
Рѣшить земныхъ племенъ послѣднюю судьбу
Настанетъ страшный день послѣдняго суда;
Когда земная ось качнется подъ стопой
Царя земныхъ царей, судьи земныхъ судей,

Чтобъ вѣчный свѣтъ его проникъ въ сердца людей,
Чтобъ солнце зла познало западъ свой;
Когда предъ Господа торжественно на судъ
Смущенные народы потекутъ,
Сложа вѣнцы, послѣдній дать отвѣтъ
За тысячи прожитыхъ ими лѣтъ;
Когда и ты, о Русь, могучая! главой,
Въ числѣ другихъ державъ, поникнешь предъ Судьей,
И взглянетъ на тебя неотразимый взоръ,
Взоръ, вопрошающій о подвигахъ добра...
Тогда въ невѣдѣньи, что̀ скажетъ приговоръ,
Твоей заступницей придетъ твоя сестра—
Твоя Иверія, съ мольбою на устахъ,
И за тебя въ слезахъ повергнется во прахъ.
И смрадный адъ тогда умѣритъ клокотъ свой,
И стихнетъ Херувимовъ звучный хоръ,
И Ангеловъ сгустится свѣтлый строй
Вокругъ того, чей вѣчный приговоръ
Рѣшитъ послѣднюю судьбу земныхъ сестеръ,—
И молвитъ томная Иверія, въ слезахъ,
Преодолѣвъ души благоговѣйный страхъ:
«О, Царь Царей! Господь! суди мои дѣла,
Но милуй Русь!—Безъ помощи сестры,
Я въ тяжкимъ сномъ спала до сей поры,
Я въ никакихъ плодовъ тебѣ не собрала.
Когда, избитая мечами мусульманъ,
Лежала я въ горахъ и кровь текла изъ ранъ;
Когда въ сынахъ моихъ я видѣла враговъ,
И слезы капали на пепелъ городовъ;
Единовѣрная она ко мнѣ пришла—
Не за добычею—не за моимъ добромъ
Она пришла ко мнѣ въ ограбленный мой домъ—
Нѣтъ! изъ любви она мнѣ руку подала!!

Съ тѣхъ поръ, добро и зло—все съ ней дѣлила я,
Всю сладость бытія, всю горечь бытія,
Всѣ страшные врагамъ вѣнцы ея побѣдъ
И слезы тайныя во дни народныхъ бѣдъ.
О, Царь Царей! Господь! суди мои дѣла,
Но милуй Русь!..»

Прогулка по Тифлису.

(Письмо къ Льву Сергѣевичу Пушкину).

Какъ полдень, такъ у насъ стрѣляетъ пушка...
Покуда эхо гулъ свой тяжко по горамъ
Разноситъ, молча вынимая
Часы, мы наблюдаемъ: стрѣлка часовая
Ушла или вѣрна по солнечнымъ часамъ?
Потомъ, до двухъ мы заняты дѣлами;
Но такъ какъ всѣ они рѣшаются не нами,
Спокойно можемъ мы обѣдать, ѣсть плоды,
И жажду утолять, не трогая воды...
Въ собраньѣ пусто, членовъ непремѣнныхъ
Четыре человѣка каждый день
Встрѣчать наскучило; читать газеты лѣнь;
Журналы запоздали; нѣтъ военныхъ,
Всѣ въ экспедиціи... И тамъ, пока въ горахъ,
Не дальше, можетъ быть, какъ только въ ста верстахъ,
Идетъ рѣзня (Шамиль воюетъ),
Для насъ рѣшительно войны не существуетъ.
Послѣ обѣда мы играемъ роль боговъ,

И, неспособные заняться даже вздоромъ,
Завѣсивъ окна коленкоромъ,
Лежимъ...
Кто развалившись на диванѣ,
Кто растянувшись на коврѣ...
Воображать себя заснувшимъ въ теплой банѣ
Пріятно, потому что на дворѣ
Невыносимо жарко. Мостовая,
Гдѣ изъ-подъ ногъ вчера скакала саранча,
Становится порядкомъ горяча,
И жжетъ подошву. Солнце, раскаляя
Слои окрестныхъ скалъ, изволитъ наконецъ
Такъ натопить Тифлисъ, что еле дышишь,
Все видишь, не глядя и, слушая, не слышишь...
Когда-то ночь придетъ, дождемся ли, Творецъ!
Вотъ ночь не ночь, а все же наконецъ
Пора очнуться. Тихій, благодатный
Нисходитъ вечеръ; часъ весьма благопріятный
Для той прогулки, отъ которой ждать
Отрады—первая въ Тифлисѣ благодать...

Куда жь идти? Иду черезъ Мухранскій
Овражный мостъ, и прямо на Армянскій
Базаръ являюсь; тамъ народъ,
Поднявшись на зарѣ, для дѣлъ, нужды и лѣни,
На узкихъ тротуарахъ ищетъ тѣни,
Гуляетъ, спитъ, работаетъ и пьетъ.
Народъ особенный... Я здѣсь люблю толкаться
И молча наблюдать, и молча любоваться
Картинами, какихъ, конечно, никогда
Мнѣ прежде видѣть не случалось...
Ихъ не видать—невелика бѣда,
Но видѣть весело, пока не стосковалась

Душа по тѣмъ степямъ, которыхъ видъ одинъ,
Бывало, наводилъ тоску и даже сплинъ!
Но... я не знаю что,—привычка, можетъ статься,
Бродя въ толпѣ, на лицахъ различать
Слѣды разврата, бѣдности безгласной,
Или корысти слишкомъ ясной,
Невѣжества угрюмую печать—
Убавило во мнѣ тотъ жаръ напрасный,
Съ которымъ нѣкогда я радъ былъ вопрошать
Послѣдняго изъ всѣхъ забытыхъ нами братій.
Я знаю, что нужда не въ силахъ раздѣлять
Ни чувствъ насыщенныхъ, ни развитыхъ понятій,
Что наша связь давно разорвана съ толпой,
Что лучшія мечты, источники страданья,
Для благородныхъ душъ остались мечтой...
Итакъ, чтобъ не входить въ безплодныя мечтанья,
Я поскорѣй примусь за описанье!

Съ чего начать?... Представьте, я брожу
По улицамъ, а гдѣ, и самъ не знаю;
Тифлисъ оригинальнымъ нахожу,
По крайней мѣрѣ, не скучаю...
Представьте, наконецъ, я въ улицу вхожу
Кривую, тѣсную; подъ старыми домами
Направо и налѣво лавокъ рядъ.
Вотъ, караванъ-сарай; восточными коврами
Увѣшанъ пыльный входъ, узоры ихъ пестрятъ.
Но я иду отъ нихъ, сквозными воротами,
На низкій дворикъ, устланный плитами,
Съ басейномъ безъ воды, и слышу, какъ шумитъ
Волна въ Курѣ... Куда она спѣшитъ,
Неугомонная, живая?...
Не знаетъ, что вдали отъ этихъ береговъ,

Ей не видать другихъ цвѣтущихъ городовъ,
Какъ не видать земного рая!
Что никогда, оттуда, гдѣ шумятъ
Каспійскіе валы, гнилой камышъ качая,
Къ рѣшеткамъ караванъ-сарая
Не воротиться ей назадъ!
Спѣшу на улицу и вижу: виноградъ
Виситъ тяжелыми, лиловыми кистями;
Поспѣлъ; купите фунтъ, бакальщикъ радъ... [1])
Вотъ, перецъ и миндаль, а вонъ, табакъ турецкій
Насыпанъ кучами; кальяны, чубуки,
Кинжалы, канаусъ, бумажные платки,
Товаръ персидскій и замоскворѣцкій!
Дешевый все товаръ изъ самыхъ дорогихъ...

Иду я дальше; множество портныхъ
Сидятъ на низенькихъ подмосткахъ, въ мѣховыхъ
Остроконечныхъ шапкахъ, рукава утюжатъ,
Обводятъ обшлага черкески заказной
Иль праздничной чухи [2]) тесьмою золотой;
Усердно шьютъ и мнѣ усердно служатъ:
Изъ мѣдныхъ утюговъ огонь я достаю,
Чтобъ тутъ же закурить потухшую мою
Сигару—здѣсь курить начальство позволяетъ;
Пожаровъ никогда въ Тифлисѣ не бываетъ,
Въ Тифлисѣ просто нечему горѣть,
Здѣсь только можно загорѣть,
Что̀, вѣроятно, всякій знаетъ...
Вотъ, вижу я, цирульня; у дверей,
Круглится голова; поджавъ босыя ноги,
Сидитъ благочестивый на порогѣ
Татаринъ; голову его бородобрѣй
Нагнулъ поближе къ свѣту, выбрилъ, поскорѣй

Тряпицей вытеръ, и къ окошку
Сушить повѣсилъ грязную ветошку...
Чего жь вамъ больше!—Вотъ, кофейня, два купца,
Два персіянина играютъ, молча, въ шашки;
Хозяинъ смотритъ, сумрачный съ лица;
А между тѣмъ *бичо* перемѣняетъ чашки.
Въ пяти шагахъ, желая аппетитъ
Свой утолить, у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины изъ деревни;
Котлы кипятъ, горячій паръ валитъ,
Лепешекъ масляныхъ еще дымятся глыбы;
Кувшинъ съ виномъ подъ лавкою стоитъ,
А съ потолка висятъ хвосты копченой рыбы.
Вотъ, на полу какой-то кладовой
(Вы здѣшніе дома, конечно, не забыли),
Два армянина, завязавъ отъ пыли
Глаза платкомъ, натянутой струной
Перебиваютъ шерсть. Насупротивъ, у лавки,
Гдѣ какъ-то меньше толкотни и давки,
Усѣлся на скамьѣ худой, невзрачный жидъ,
И на станкѣ тесьму и позументы
Прилежно ткетъ; за нимъ, на сундукѣ,
Откинувъ рукава, сидитъ въ архалукѣ
Мѣняла, въ сладостной надеждѣ на проценты...
Но вотъ, базаръ еще тѣснѣе,
Разноплеменная толпа еще пестрѣе.
Я слышу скрипъ и шумъ, и крики—*хабарда!* [3])
Вотъ, нищій подошелъ ко мнѣ, склонясь на посохъ;
Вотъ, буйволы идутъ, рога свои склоня,
Тяжелая арба скрипитъ на двухъ колесахъ;
Вотъ, скачетъ конь; упрямаго коня
Стегаетъ плеть; налѣво, съ бурдюками,
Знать, изъ Кахетіи съ виномъ,

Досчатый возъ плетется, и на немъ
Торчитъ возница съ красными усами [4]).
А вонъ, ослы въ разбродъ идутъ,
Въ кошелкахъ уголья несутъ
И машутъ длинными ушами;
На одного изъ нихъ усѣлися верхомъ
Въ лохмотьяхъ два полунагихъ ребенка,
А третій сзади глупаго осленка
Немилосердно бьетъ хлыстомъ...

Тифлисъ для живописца есть находка.
Взгляните, напримѣръ: изорванный чекмень,
Башлыкъ, нагая грудь, безпечная походка,
Въ чертахъ лица задумчивая лѣнь,
Кинжалъ, и странное въ глазахъ одушевленье!
Вотъ, напримѣръ, живое воплощенье
Труда, *муша* [5]) по улицѣ идетъ.
Огромный шкапъ, перекрестивъ ремнями,
Онъ на спину взвалилъ и медленно идетъ,
Согнувшись въ уголъ; потъ ручьями
По загорѣлому лицу его течетъ;
Онъ изъ-подлобья смотритъ и даетъ
Дорогу... Не могу дорисовать картины!
Представьте, что въ глазахъ мѣшаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины,
Татары,—наконецъ, я слышу крикъ муллы
И, наконецъ, подъ минаретомъ,
Свожу знакомство съ новымъ свѣтомъ,
И чувствую, что—на чужомъ пиру...
Налѣво мостъ идетъ черезъ Куру,
А вонъ, крутой подъемъ къ заставѣ Эриванской;
Вотъ, вижу караванъ подходитъ шемаханскій:

Какъ великанъ идетъ передовой верблюдъ;
За нимъ гуськомъ его товарищи идутъ—
Раздули ноздри и глядятъ спѣсиво;
Ихъ шеи длинныя навытяжку стоятъ.
На нихъ бубенчики нестройные звенятъ;
Съ горбовъ виситъ космами грива...
Огромные тюки качая на спинѣ,
Рабы востока тяжестію ноши
Гордятся и блаженствуютъ вполнѣ!
А я глотаю пыль, иду и въ сторонѣ,
Вдругъ слышу деревянныя подкоши [6])
Стучатъ; идетъ татарка въ бѣлой простынѣ;
Толпа грузинскихъ женъ спѣшитъ укрыться въ банѣ,
А я спѣшу назадъ, спѣшу куда-нибудь,
Чтобъ только чистымъ воздухомъ дохнуть,
Что невозможно на Майданѣ [7]).

Гдѣ я, Творецъ? Какія тамъ сидятъ
Фигуры на стѣнахъ, перебираютъ четки,
И неподвижно внизъ глядятъ?
Внизу оврагъ; на днѣ его шумятъ
Горячіе ключи... Неужели назадъ
Идти?! Ого! надъ самой головою,
Я слышу разговоръ, а можетъ быть, и брань...
Но... пусть бранятъ! Теперь передо мною
Открылся чудный видъ! Отсюда, изъ-за бань
Мнѣ виденъ замокъ за Курою... [8])
И мнится мнѣ, что каменный карнизъ
Крутого берега, съ нависшими домами,
Съ балконами, рѣшетками, столбами,
Какъ декорація въ волшебный бенефисъ,
Роскошно освѣщенъ бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я, за синими горами,

Заря, какъ жертвенникъ, пылаетъ и Тифлисъ
Привѣтствуетъ прощальными лучами...
О, какъ блистательно проходитъ этотъ часъ!
Великолѣпная для непривычныхъ глазъ
Картина! Вспомните всю массу этихъ зданій,
Всю эту смѣсь развалинъ безъ преданій,
Домовъ, построенныхъ, быть можетъ, изъ руинъ,
Садовъ, опутанныхъ вѣтвями винограда,
И этихъ куполовъ, которыхъ видъ одинъ
Напомнитъ вамъ предмѣстья Цареграда...
И согласитесь, что нарисовать
Тифлисъ не моему перу... Къ тому жь, признаться,
Мнѣ самому пришлось не долго любоваться;
Я какъ-то вздумалъ догадаться,
Что на чужомъ дворѣ невыгодно стоять.
Гдѣ улица, гдѣ дворъ, въ иныхъ мѣстахъ Тифлиса
Не разберешь...

Но вотъ ужь сумерки сгущаются въ глуши
Садовъ и застилаютъ переулки;
Въ глухіе, дальніе забрелъ я закоулки—
И ни одной мужской души!
Вотъ женщина взошла на низенькую кровлю;
Вдали звучитъ протяжная зурна;
Какъ видно, здѣсь крикливую торговлю
Семейная смѣнила тишина.
Вотъ у калитки двѣ старухи...
Сошлись и шепчутся и городскіе слухи
Передаютъ другъ другу. Вонъ скамья
Стоитъ, никѣмъ не занятая;
Межъ тѣмъ, какъ на землѣ почтенная семья
Сидитъ, безпечно отдыхая...
Не стану женщинъ вамъ описывать нарядъ;

Ихъ легкое, какъ воздухъ, покрывало,
Косицы черныя и любопытный взглядъ,
Въ которомъ много блеску, жизни мало...
Повсюду я спѣшу ловить
Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній;
Но признаюсь вамъ, надо жить
Въ Тифлисѣ, наблюдать, любить—
И ненавидѣть, чтобъ судить
Или дождаться вдохновеній...

Татарскія пѣсни.

Посв. Г. П. Данилевскому.

I.

Онъ у каменной башни стоялъ подъ стѣной;
И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой;
И мелькала, подъ краснымъ сукномъ,
Голубая рубашка на немъ...
Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судомъ—
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай въ меня камнями!..
Я и такъ уже ранена...

Золотая граната растетъ подъ стѣной;
Всѣхъ плодовъ не достать никакою рукой;
Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего
Стала бъ я привораживать! Но

Пріютила бъ я къ сердцу, во мракѣ ночей
Приголубила бъ только его—
И ужь больше любви мнѣ не нужно ничьей!

Не бросай въ меня камнями!..
Я и такъ уже ранена...

Разлучили, сгубили насъ горы, холмы
Эриванскія! Вѣчно холодной зимы
Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ!
Говорятъ: на чужой сторонѣ,
Дѣвы Груэіи, блескомъ своей красоты,
Увлекаютъ сердца... Обо мнѣ
Въ той странѣ, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай въ меня камнями!..
Я и такъ уже ранена...

Говорятъ, злая вѣсть къ намъ оттуда пришла!
За горами кровавая битва была!
Тамъ засада была... Говорятъ,
Будто нашихъ *сарбазовъ* [9]) отрядъ
Истребленъ ненавистной измѣною... Чу!
Кто-то скачетъ... копыта стучатъ...
Пыль столбомъ... я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай въ меня камнями!..
Я и такъ уже ранена...

II.

Онъ.

Если эти слезы
Ничего не значатъ,
Посмотри хоть въ небо—
Тамъ всѣ звѣзды плачутъ;
Плачутъ эти звѣзды
Заодно со мною...
Гдѣ и какъ могу я
Видѣться съ тобою?

Она.

Скоро будетъ праздникъ—
Слѣдомъ за толпою,
Къ воротамъ Дамаска
Ты иди за мною...
Ты иди за мною...
Иначе нельзя мнѣ
Видѣться съ тобою!

Онъ.

Въ храмѣ ли завижу—
Душа разгорится...
Вашему тамъ Богу
Стану я молиться...
Стану я молиться...
Мнѣ вашъ Богъ поможетъ:
Меня въ шелковинку
Обратить онъ можетъ,
Чтобъ куда ни шла ты,
Всюду, невидимкой,
Могъ я быть съ тобою,
Прильнувъ шелковинкой...

Она.

Чтобъ не разлучаться
Намъ съ тобой—къ востоку
Преклони колѣна
И молись Пророку!
Нашему же Богу
Помолюсь сама я,
Жаркимъ сердцемъ плакать
Не переставая!

Горная дорога въ Грузіи.

Вижу, какъ тяжекъ мой путь,
Какъ безполезенъ мой поводъ.
Кони натужили грудь;
Солнце печетъ, жàлитъ оводъ...

Что ты, лихой проводникъ,
Сверху кричишь мнѣ: «За мною!»
Ты съ малолѣтства привыкъ
Рыскать съ ружьемъ за спиною...

Я же такъ рано усталъ!
Скучны мнѣ виды природы:
Остовы глинистыхъ скалъ,
Рощей поникшіе своды...

Глухо, безлюдно кругомъ...
Тяжко на эти вершины,
Вѣчно объятыя сномъ,
Облокотились руины...

Спятъ... И едва ли отъ нихъ
Странникъ дождется отвѣта;
Врядъ ли порадуетъ ихъ
Голосъ родного привѣта.

Нѣтъ ли, скажи, проводникъ,
Нѣтъ ли преданья?—Рукою
Шапку надвинулъ старикъ
И покачалъ головою.

Вижу, потоки бѣгутъ;
Къ низу проносится пѣна...
Черезъ потоки бредутъ
Кони, въ водѣ по колѣна.

Радъ бы и я утолить
Жажду, въ тѣни пріютиться;
Радъ бы съ коня соскочить,
Руки сложить и забыться.

Некуда спрыгнуть съ сѣдла;
Слѣва отвѣсныя стѣны,
Справа деревья и мгла,
Шумъ и сверканіе пѣны.

Радъ бы помчаться стрѣлой,
Радъ бы скакать—невозможно!
Конь мой идетъ осторожно,
Пробуетъ камни ногой.

И осторожность—заслуга!
Конь мой собой дорожитъ...
Вотъ поднимается съ юга
Вѣтеръ... Пустыня шумитъ...
Мнѣ же далекаго друга
Голосъ какъ будто звучитъ...

— «Другъ мой, зачѣмъ ты желаешь
«Лучшихъ путей? Путь одинъ...»
Ну, конь! иди самъ, какъ знаешь:
Здѣсь я не твой господинъ!

Грузинская ночь.

Грузинская ночь, я твоимъ упиваюсь дыханьемъ!
Мнѣ такъ хорошо здѣсь, подъ этимъ прохладнымъ навѣсомъ,
Подъ этимъ навѣсомъ уютной Нацваловой [10]) сакли.
На мягкомъ коврѣ я лежу, подъ косматою буркой;
Не слышу ни лая собакъ, ни ослинаго крику,
Ни дикаго пѣнья, подъ жалобный говоръ *чингури* [11]).
Заснулъ мой хозяинъ, потухла свѣтильня въ желѣзномъ
Висячемъ ковшѣ... Вотъ луна!—И я радъ, что сгорѣло
Кунжутное [12]) масло въ моей деревенской лампадѣ...
Иныя лампады зажглись, я иную гармонію слышу...
О, Боже! какой резонансъ! Чу! какая-то птица
Ночная, болотная птица поетъ въ отдаленьи...
И голосъ ея, точно флейты, отрывистый, чистый,
Рыдающій звукъ, вѣчно та же и та же,
Въ размѣръ повторенная нота уныло и тихо
Звучитъ. Не она ли мнѣ спать не даетъ! Не она ли
Напѣла мнѣ на душу грусть! Я смыкаю рѣсницы!
А думы несутся одна за другой, безпрестанно,
Какъ волны потока, бѣгущаго съ горъ по ущелью.
Но волны потока затѣмъ ли бѣгутъ по ущелью,
Чтобъ только достигнуть предѣла и слиться съ волнами
Безбрежнаго моря? Нѣтъ, прежде чѣмъ моря достигнуть,

Онѣ на долину спѣшатъ напоить виноградныя лозы
И нивы, надежду древнѣйшаго въ мірѣ народа...

А вы, мои думы! Вы, прежде чѣмъ въ вѣчность
Умчитесь, въ полетѣ своемъ захвативъ миріады
Міровъ, вы скажите, ужель суждено вамъ
Носиться безплодно надъ этою чудной страною,
Такъ страстно любимою солнцемъ и выжженной солнцемъ!

Содержаніе одной грузинской пѣсни.

Всякій разъ, какъ подъ буркой, порою ночной,
Безпробудно я сплю до звѣзды заревой,

Три видѣнія райскихъ слетаютъ ко мнѣ,
Три красавицы чудныхъ я вижу во снѣ.

Какъ у первой красавицы очи блестятъ,
Такъ и звѣзды во мракѣ ночномъ не горятъ.

У второй, какъ подниметъ рѣсницы свои,
Очи зорко глядятъ, какъ глаза у змѣи.

Никогда не была ночь въ горахъ такъ темна,
Какъ у третьей темна черныхъ глазъ глубина.

И когда на зарѣ улетаетъ мой сонъ,
Не вставая, гляжу я въ пустой небосклонъ—

Все гляжу, да все думаю, молча, о томъ:
Кабы деньги да деньги, построилъ бы домъ!

Окружилъ бы его я высокой стѣной,
Заключилъ бы я въ немъ трехъ красавицъ со мной—

Отъ утра до утра имъ бы пѣсни я пѣлъ,
Отъ зари до зари имъ бы въ очи глядѣлъ!

Послѣ праздника.

Вчера къ развалинамъ, вдоль этого ущелья,
Скакали всадники, и были зажжены
Костры, и до утра былъ слышанъ гулъ веселья,
Пальба и барабанъ, и вой зурны.

Изъ устъ въ уста ходила *азарпе́ша* [13])
И хлопали въ ладоши сотни рукъ,
Когда ты шла, Майко́, сердца и взоры тѣша,
Плясать по выбору застѣнчивыхъ подругъ.

Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядитъ пустыней; мирная пальба
Затихла, выспалось похмѣлье,
И съѣхала съ горы послѣдняя арба!

Не все же праздновать! Веселый пиръ народный
Прошелъ, какъ сонъ... Такъ нѣкогда любовь
Моя прошла: пылъ сердца благородный
Простылъ, давно простылъ; но не простыла кровь!

Какъ послѣ праздника, въ глоткѣ вина отраду
Находитъ иногда гуляка удалой,
Такъ радъ я былъ внимательному взгляду
Моей Майко́, плясуньи молодой!

Что жь медлю я... Бичо! [14])—ты, конюхъ мой проворный!
Коня!!—Ея арбу два буйвола съ трудомъ
Везутъ.—Догонимъ... Вонъ, играетъ вѣтеръ горный
Катибы [15]) бархатной пунцовымъ рукавомъ...

Не жди.

Я не приду къ тебѣ... Не жди меня! Недаромъ,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучитъ за Авлабаромъ [16]),
Всю ночь за банями поютъ *сазандари* [17]).

Здѣсь теплый свѣтъ луны позолотилъ балконы,
Тамъ углубились тѣни въ виноградный садъ;
Здѣсь тополи стоятъ, какъ темныя колонны,
А тамъ, вдали, костры веселые горятъ...

Пойду бродить!—Послушаю, какъ льется
Нагорный ключъ, во мглѣ заснувшихъ Саллалакъ [18]),
Гдѣ звонкій голосъ твой такъ часто раздается,
Гдѣ часто, вижу я, мелькаетъ твой *личакъ* [19]).

Не ты ли тамъ стоишь на кровлѣ подъ чадрою,
Въ сіяньѣ мѣсячномъ?!—Не жди меня, не жди!
Ночь слишкомъ хороша, чтобъ я провелъ съ тобою
Часы, когда душѣ простора нѣтъ въ груди...

Когда сама душа, сама душа не знаетъ,
Какой любви, какихъ еще чудесъ
Просить или желать,—но проситъ, но желаетъ,
Но молится предъ образомъ небесъ,

И чувствуетъ, что уголокъ твой душенъ.
Что не тебѣ моимъ моленьямъ отвѣчать...
Не жди!—Я въ эту ночь къ соблазнамъ равнодушенъ,
Я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать.

Кахетинцу *).

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
По старинѣ, въ саду, въ тѣни кудрявыхъ лозъ,
Ты любишь пить съ веселыми гостями
И уставлять ковры букетами изъ розъ!

И весело тебѣ, когда рабы сбираютъ
Вашъ виноградъ, когда по цѣлымъ днямъ
Въ давильняхъ толкотня, и мутныя стекаютъ
Струи вина, журча по длиннымъ желобамъ...

Ты любишь пулями встрѣчать гостей незваныхъ,
Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ забравшихся въ сады;
И любишь гарцовать, когда толпой, на рьяныхъ
Коняхъ, спѣшите вы на пиръ въ Аллаверды [20]).

И весело тебѣ, что твой кинжалъ съ насѣчкой;
Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой;
И что твой конь звенитъ серебряной уздечкой,
Когда онъ ржетъ и пляшетъ подъ тобой.

И любишь ты встрѣчать, невѣдомый донынѣ,
Въ теплицахъ Сѣвера воспитанный цвѣтокъ;
Она **) у васъ теперь цвѣтетъ въ родной долинѣ,
И не скрывается, чтобъ каждый видѣть могъ—

*) Князю М. А. Чавчавадзе, брату И. А. Грибоѣдовой.
**) Княгиня Чевчавадзе А. И., урожденная княжна Грузинская.

Чтобъ каждый могъ забыть, смотря съ благоговѣньемъ
На кроткія, небесныя черты,
И праздность, и вино, съ его самозабвеньемъ,
И месть, и ненависть, и буйныя мечты!

Имеретинъ.

О! было время, трудъ полезный
Имеретинъ позабывалъ,
Мѣняя плугъ и серпъ желѣзный
На ружья, шашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери.
Мы прятались, куда кто могъ,
Иль кровожадные, какъ звѣри,
Шли на врага, взведя курокъ.

Костры сигналъ намъ подавали:
По высотамъ сторожевымъ
Мы ночью зарева искали,
А днемъ разглядывали дымъ.

Насъ ночью глушь лѣсовъ пугала;
На стражѣ сидя у дверей,
Мы принимали плачъ шакала
За плачъ украденныхъ дѣтей.

Какъ часто вѣтра шумъ привольный,
Трескъ сучьевъ, лошадиный топъ—
Меня бросалъ то въ жаръ невольный,
То въ лихорадочный ознобъ.

Въ ножи играли дѣти наши
И бѣгали обнажены,
И, дна не видя горькой чаши,
Не ждали мы конца войны.

И равнодушно мы сносили
Нашъ плѣнъ и нашъ позоръ, когда
Красавицъ нашихъ уводили
На трапезонтскія суда.

Мы знали, дома ждалъ ихъ голодъ;
Мы знали, брачную постель
Ихъ замела бы въ зимній холодъ
Неугомонная мятель.

Жилища наши стали бѣдны,
И обѣднѣли алтари,
Гдѣ передъ битвами молебны
Служили нѣкогда цари.

Но, закаленные бѣдами,
Не закалили мы сердецъ...
Какъ надъ младенцами, надъ нами
Небесный сжалился Отецъ.

Потухло зарево пожаровъ,
Угомонилася вражда:
Плѣнно-продавцевъ янычаровъ
Исчезли грозныя суда.

Единовѣрному народу
Вручили мы свою судьбу;
Онъ далъ намъ полную свободу
Начать безкровную борьбу—

Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
Съ шелкомотальнымъ колесомъ...
И сталъ богатъ нашъ домъ досчатый
Мотками шелку и виномъ.

Рубли въ карманахъ завелися,
Висятъ замки на сундукахъ,
И съ пѣснями до Кутаиса
Мы русскихъ возимъ въ каюкахъ.

Въ Имеретіи.

Царя Вахтанга [21]) ветхія страницы
Перебирая въ памяти моей,
Иду я въ теремъ доблестной царицы,
Въ развалину, пріютъ невѣдомыхъ тѣней.
Уже заря, какъ зарево пожара,
На гребни темныхъ скалъ бросаетъ жаркій свѣтъ.
Заря, лѣса и скалы!.. о, Тамара! [22])
Не здѣсь ли пѣлъ твой пламенный поэтъ?
Дыша, я чувствую, что здѣсь земля—кладбище,
А небеса—покровъ почіющихъ царей;
И между тѣмъ нигдѣ природа, какъ жилище
Творца, не можетъ быть ни лучше, ни пышнѣй...
Кругомъ, какъ Божія ограда,
Заоблачный хребетъ далеко манитъ взоръ;
Тамъ спятъ лѣса подъ говоръ водопада,
А здѣсь миндаль и лозы винограда,
И дикаго плюща живой коверъ.

О, здѣсь бы жить—любить и наслаждаться...
Но по горамъ какой-то демонъ злой,
Блуждая, не даетъ ни сердцу забываться,
Ни бѣдный умъ согрѣть мечтой!
Незримый духъ! Онъ всюду бьетъ тревогу;
Вездѣ кричитъ: «сюда, сюда!
«Здѣсь нужно вамъ въ скалахъ пробить дорогу!
«Здѣсь рѣку запрудить! Тамъ строить города!
«Никто не жнетъ плодовъ, не сѣя...»
Ужасный духъ! Отъ каждаго пигмея
Готовъ онъ требовать гигантскаго труда!
Тамары нѣтъ... О, Русь! Еще ли ты не въ силахъ,
Поднявши мечъ и заступъ, и топоръ,
Развить и жизнь, и мысль на царственныхъ могилахъ,
Чтобъ успокоить духа горъ?..

Надъ развалинами въ Имеретіи.

Когда на листья винограда
Слетала влажная прохлада,
Съ недосягаемыхъ вершинъ;
Когда вечерній звонъ Гелата,
Въ румяныхъ сумеркахъ заката,
Смутивъ пустыни грустный сонъ,
Перелеталъ черезъ Ріонъ;
Здѣсь на кладбищахъ позабытыхъ
Потомствомъ, посреди долинъ,
Во мглѣ плющами перевитыхъ
Каштановъ, лавровъ и раинъ [23]),
Мнѣ снился рой тѣней, покрытыхъ

Струями крови, пылью битвъ,
Мужей и женъ, душой сгорѣвшихъ
Въ страстяхъ и въ небо улетѣвшихъ,
Какъ дымъ, безъ мысли и молитвъ...
Но тщетно, посреди видѣній,
Мой умъ наставника искалъ;
Въ ихъ тѣснотѣ народный геній
Лучомъ безсмертья не сіялъ!

И проносился рой духовъ,
Какъ бы ища своихъ слѣдовъ
Надъ прахомъ тѣлъ, давно истлѣвшихъ,
Подъ грудами не уцѣлѣвшихъ
Соборовъ, башенъ и дворцовъ...
Въ устахъ, для міра охладѣвшихъ,
На все звучалъ одинъ отвѣтъ:
«Здѣсь было царство, царство пало...
Мы жили здѣсь, и насъ не стало...
Но не скорби о насъ, поэтъ!
Мы пили въ жизни полной чашей;
Но вамъ изъ гроба своего,
Въ усладу бѣдной жизни вашей,
Не завѣщали ничего!..»

И пронеслись... Но, сквозь туманы
Протекшихъ лѣтъ, передо мной,
Неотразимой красотой
Мелькаетъ образъ Дареджаны... [24])
Въ ея глазахъ—любовь и мгла,
Тоска на мраморѣ чела;
Въ груди огонь желаній скрытыхъ,
И возмутительныхъ страстей
Зараза, и коварный змѣй
Въ улыбкѣ устъ полураскрытыхъ...

Старый сазандаръ [17].

Земли, полуднемъ раскаленной,
Не освѣжила ночи мгла.
Заснулъ Тифлисъ многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Кура шумитъ, толкаясь въ темный
Обрывъ скалы живой волной...
На той скалѣ есть домикъ скромный,
Съ крыльцомъ надъ самой крутизной.

Тамъ, никого не потревожа,
Я разостлать могу коверъ,
Тамъ цѣлый день, спокойно лежа,
Могу смотрѣть на цѣпи горъ.

Горъ не видать—вся даль одѣта
Лиловой мглой; лишь мостъ виситъ,
Чернѣетъ башня минарета,
Да тополь въ воздухѣ дрожитъ.

Хозяинъ мой хоть брови хмуритъ,
А право радъ, что я въ гостяхъ...
Я все молчу, а онъ все куритъ,
На лобъ надвинувши папахъ.

Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
Еще таитъ въ груди разбитой
Мой престарѣлый Сазандаръ.

Вотъ, мѣдныхъ струнъ перстомъ касаясь,
Поетъ онъ, словно пѣснь его
Способна, дико оживляясь,
Быть эхомъ сердца моего!

«Молись, кунакъ [26]), чтобъ духъ твой крѣпнулъ;
«Не плачь; пока весь этотъ міръ
«И не оглохъ, и не ослѣпнулъ,
«Ты званый гость на Божій пиръ.

«Пока у насъ довольно хлѣба,
«И есть еще кувшинъ вина,
«Не раздражай слезами Неба
«И знай, тоска твоя грѣшна.

«Гляди: еще цѣла за нами
«Та сакля, гдѣ, тому назадъ
«Полвѣка, жадными глазами
«Ловилъ я сердцу милый взглядъ.

«Тогда мнѣ міръ казался тѣсенъ;
«Я умиралъ, когда не могъ
«На праздникѣ, во имя пѣсенъ,
«Переступить ея порогъ.

«Вотъ съ этой старою чунгури [11])
«При ней, бывало, на дворѣ
«Я пѣлъ, какъ птица послѣ бури
«Хвалебный гимнъ поетъ зарѣ.

«Теперь я старъ; она—далеко!
«И гдѣ? не вѣдаю; но вѣрь,
«Что дальше той, о комъ глубоко
«Ты, можетъ быть, грустишь теперь...

«Твое мученье—за горами,
«Твоя любовь—въ родномъ краю;
«Моя—надъ этими звѣздами
«У Бога ждетъ меня въ раю!»

И вновь молчитъ старикъ угрюмый:
На край лохматаго ковра
Склонясь, онъ внемлетъ съ важной думой,
Какъ подъ скалой шумитъ Кура.

Ему былое время снится...
А мнѣ?.. Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни къ кому,

Что мнѣ въ огромномъ этомъ мірѣ
Не весело,—что можетъ быть
Я лишній гость на этомъ пирѣ,
Гдѣ собрался ѣсть и пить;

Что пѣсенъ даръ меня тревожитъ,
А пѣснямъ некому внимать...
И что на старости, быть можетъ,
Меня въ раю не будутъ ждать!

Агбаръ.

I.

Крадется ночью татаринъ Агбаръ
Къ саклѣ, заснувшей подъ тѣнью чинаръ.

Вотъ, миновалъ онъ колючій плетень [27]);
Видитъ, на саклѣ колышется тѣнь.

Какъ не узнать ему, даромъ что ночь,
Какъ не узнать Агаларову дочь [28]).

Мрачно... Въ аулѣ огней не видать;
Лютые псы перестали ворчать.

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ.

— «Солнце мое! сталъ Агбаръ говорить:
«Я за тебя радъ себя погубить!»

— «Что жь ты! Зачѣмъ не украдешь меня?»
— «Радъ бы, укралъ я, да нѣту коня!..

«Завтра пошлю я къ отцу твоему,
«Бѣдный калымъ предложу я ему [29]):

«Двадцать послѣднихъ монетъ серебра,
«Пару воловъ, два узорныхъ ковра...

— «Тише!.. Прощай!» — И во мракѣ чинаръ
Скрылся проворный татаринъ Агбаръ.

II.

Солнце печетъ темя каменныхъ горъ.
Голову клонитъ на мягкій коверъ —

И отдыхаетъ подъ тѣнью чинаръ,
Въ шапкѣ косматой, старикъ Агаларъ.

Неподалеку, въ закрытыхъ сѣняхъ,
Жены мотаютъ шелки на станкахъ;

Возлѣ на камнѣ старуха сидитъ,
Сдвинула брови и въ землю глядитъ.

— «Пару воловъ?.. У меня тридцать паръ!
«Что мнѣ волы!» говоритъ Агаларъ.

«Мало ли есть у князей табуновъ!
«Мало ли тамъ дорогихъ жеребцовъ!

«Пусть уведетъ онъ, хоть въ эту же ночь,
«Пару коней,—я отдамъ ему дочь...

«Знаю, недавно проѣхалъ въ Ганжу [30])
«Русскій чиновникъ, а кто,—не скажу...

«Есть у него дорогое ружье:
«Если ружье это будетъ мое,—

«Если украдетъ хоть въ эту же ночь,
«Пусть принесетъ,—я отдамъ ему дочь...

«Мало того, есть купецъ армянинъ...
«Деньги везетъ,—ѣдетъ съ дуру одинъ...»

И усмѣхнувшись, лукавый старикъ
Началъ дремать, головою поникъ.

Встала старуха, накрылась чадрой
И поплелась потихоньку домой.

III.

Свѣтитъ луна, какъ далекій пожаръ;
Вѣтеръ качаетъ вершины чинаръ;

Листья чинаръ безпокойно шумятъ;
Лютые псы у сосѣда ворчатъ.

Вновь на свиданье Агбаръ удалой
Крадется къ саклѣ знакомой тропой.

Жаркое сердце забилось въ груди;
Кто могъ шепнуть ей: красавица, жди!

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ...

— Гдѣ пропадалъ ты, возлюбленный мой?—
— «Я не пропалъ, я пришелъ за тобой!»

— Каждую ночь я ходила сюда...
Милый, скажи мнѣ, какая бѣда?

— «Въ эту недѣлю укралъ я коня;
«Добрый товарищъ насъ ждетъ у плетня;

«Въ эту недѣлю укралъ я ружье;
«Да не въ ружьѣ все богатство мое!

«Имъ я убилъ армянина купца...
«Деньги досталъ, по совѣту отца;

«Имъ и отца я убью въ эту ночь,
«Если украсть помѣшаетъ мнѣ дочь!»

Татарка.

На конѣ, въ тѣни черешни,
Я стою, смотрю, какъ вешній
Вѣтерокъ волнуетъ рисъ;
По дорогѣ ѣхать жарко...
Ни души,—одна татарка
По оврагу сходитъ внизъ.

Вотъ, сошла и у канавы,
На обломокъ сѣрой лавы
Ставитъ кованый кувшинъ;
Подбоченилась лѣниво
И косится боязливо,
Нѣтъ ли около мужчинъ?

Я замѣтилъ безпокойный
Взглядъ, щеки румянецъ знойный,
Черный локонъ у виска...
О, Аллахъ! въ твоей пустынѣ,
Я подобнаго до нынѣ
Не видалъ еще цвѣтка!

Но татарка встрепенулась
И пугливо завернулась
Руйбянды своей концомъ [31]);
Торопливо придержала
Свой кувшинъ и грубо стала
Отъ меня назадъ лицомъ.

Неучтивъ обычай края...
Но, обычай проклиная,
Быть въ долгу я не хочу;

(Можетъ быть, догадливъ былъ я)
Самъ себѣ лицо закрылъ я
Пыльной шапкой—и скачу.

Впрочемъ, какъ не обернуться!
Вижу,—какъ не улыбнуться!..
На меня она глядитъ
И смѣется—вотъ уловка!
Догадалася плутовка,
Что никто не сторожитъ...

Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря.

Чу!.. выстрѣлъ... встань! Быть можетъ, нападенье...
Не разбудить ли казаковъ?..
Быть можетъ, пароходъ заходитъ въ укрѣпленье
Подать письмо съ родимыхъ береговъ.
Открой окно! Ни зги!—Желанныхъ парусовъ
Кто въ эту ночь увидитъ приближенье!
Луну заволокла громада облаковъ...
Не громъ ли? Нѣтъ, не громъ—игра воображенья...
Зачѣмъ проснулись мы, увы, кто скажетъ намъ!
Одни валы шумятъ и плачутъ безъ отвѣта...

Такъ часто, въ наши дни, въ нѣмой душѣ поэта
Проходятъ образы, незримые очамъ,
Но вожделѣнные, подобно парусамъ,
Идущимъ въ пристань до разсвѣта.

Саятъ-Нова [32]).

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ волнами;
Но берега ихъ сыпучими вѣчно покрыты песками.

Много и пѣсенъ умчитъ навсегда невозвратное время;
Новые встанутъ пѣвцы и услышитъ ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что міръ мои пѣсни забудетъ;
Но для тебя, нѣжный другъ мой, другого пѣвца ужь не будетъ.

Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки которыхъ цвѣла ты.

Я просвѣтилъ твое сердце, а ты—ты мой умъ помрачила;
Я улыбаться училъ—а ты плакать меня научила.

Такъ, если смолкну я, страстно любя тебя, другъ благородный,—
Гдѣ, разрѣши мнѣ послѣдній вопросъ мой, гдѣ будетъ холодный

Прахъ мой покоиться?... Тамъ ли, въ далекихъ предѣлахъ чужбины;
Здѣсь ли, въ саду у тебя, близъ тебя, подъ навѣсомъ раины?..

Сатаръ [33].

Сатаръ! Сатаръ! твой плачъ гортанный,
Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
Подъ звуки чіануръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзалъ и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь; я словъ не понимаю;
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровлѣ земляной,
И весь Тифлисъ молчитъ, и я тебѣ внимаю—
Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
Чрезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ иль ропотъ свой.

Не знаю, что поешь—быть можетъ, пѣснь Кярама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;
Быть можетъ, къ мести ты взываешь, кровь за кровь.
Быть можетъ, славишь ты кровавый мечъ Ислама,
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
Не знаю—слышу вопль, и мнѣ не нужно словъ!..

Выборъ уста-баша [34].

Базары спятъ... Едва взошла
Передразсвѣтная денница!..
И что за шумъ на той горѣ!?
Тифлисскихъ нищихъ на зарѣ
Куда плетется вереница?

Какъ будто на церковный звонъ,
Слѣпца ведетъ его вожатый,
Какъ будто свадьбы ждать богатой,
Или богатыхъ похоронъ,
Къ монастырю бредутъ босые
Въ косматыхъ шапкахъ старики,
Сложить на камни гробовые
Свои порожніе мѣшки.

Не за копѣечной добычей—
Чтобъ завести иной обычай,
Къ монастырю, на этотъ разъ,
Ватага нищихъ собралась.
Иная мучитъ ихъ забота;
Забывъ про мѣдные гроши,
Они шумятъ: «Вай, вай! Кого-то
«Мы изберемъ въ уста-баши!..»

Возставъ отъ сна, Тифлисъ хохочетъ
Надъ ихъ оборванной толпой;
Прослыть въ народѣ головой
У нищихъ каждый нищій хочетъ:
Бранятся, спорятъ и шумятъ....

Одинъ Гитó, въ дырявой шапкѣ,
Прикрывъ отъ вѣтра и дождей
Узлами обветшалой тряпки
Загаръ нагихъ своихъ плечей,
Стоитъ, свой посохъ упирая
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
И, грустно говору внимая,
Молчанье мертвое хранитъ.

— «Гитó, Гитó! скажи хоть слово...
И будь надъ нами уста-башъ!»

— «Нѣтъ, братья! молвилъ онъ сурово:
Спасибо вамъ за выборъ вашъ.

Пусть выборъ нашъ рѣшаетъ счастье;
Я укажу вамъ домъ одинъ,
Гдѣ, вѣчно-мрачный, какъ ненастье,
Живетъ богатый армянинъ.
Какъ мы, такой же безсемейный,
Похоронивъ недавно дочь,
Живетъ онъ жизнію келейной,
Считая деньги день и ночь...
Кто, братья, къ празднику Христову,
Во имя Божескихъ наградъ,
Хоть полъ-абаза на обнову
Своихъ изорванныхъ заплатъ,
У скряги выплачетъ, не даромъ,
Какъ самый счастливый изъ насъ,
Онъ будетъ править всѣмъ амка́ромъ [35])
И я послушаюся васъ!»

И всѣ въ отвѣтъ сказали разомъ:
— «Быть по совѣту твоему!
Навелъ ты насъ на путь, на разумъ!»
И каждый взялъ свою суму...

Совѣтъ Гито́ пропалъ не даромъ,
Богатый армянинъ живетъ
И до сегодня за базаромъ,
Гоняя нищихъ отъ воротъ.
Гито́ улегся на кладбищѣ...
И вотъ, прошло ужь много лѣтъ
Съ тѣхъ поръ... Вай! вай! У братьи нищей
Уста-баши все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Грузинка.

Вчера грузинку ты увидѣлъ въ первый разъ
На кровлѣ, устланной коврами:
Она была въ шелку и въ галунахъ, и газъ
Прозрачный вился за плечами.
Сегодня, бѣдная, подъ бѣлою чадрой,
Скользя тропинкою нагорной,
Чрезъ проломъ стѣны, къ ручью, надъ головой
Она несетъ кувшинъ узорный.
Но не спѣши за ней, усталый путникъ мой,—
Не увлекись пустымъ мечтаньемъ!
Миражъ не утолитъ томящей жажды въ зной
И не навѣетъ снова журчаньемъ.

Тамара и пѣвецъ ея Шота-Руставель [25]).

Въ замкѣ розъ [36]), подъ зеленою сѣнью плющей,
Въ діадемѣ, на тронѣ, Тамара [22]) сидитъ;
На мосту слышенъ топотъ коней,
Надъ воротами сторожъ трубитъ...
И толпа ей покорныхъ князей
Собирается къ ней.

О внезапной войнѣ имъ она говоритъ,
О грозѣ, что съ востока идетъ;
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ.

И какъ солнце красою блеститъ...
Молодые вожди, завернувъ въ башлыки
Свои мѣдные шлемы, стоятъ
И внимаютъ тому, что отцы старики
Ей въ отвѣтъ говорятъ.
Въ ихъ толпѣ лишь одинъ не похожъ на другихъ.
И зачѣмъ, во дворецъ,
Въ византійской одеждѣ [25]), мечтательно тихъ,
Въ это время явился пѣвецъ?..

Не царицу Иверіи, въ сонмѣ князей,
Божество красоты, молча, видитъ онъ въ ней;
Каждый звукъ ея голоса въ немъ
Разливается жгучимъ огнемъ;
Каждый взглядъ ея темныхъ очей
Зарождаетъ въ немъ тысячу змѣй...
И, восторженный, думаетъ онъ:
Не роскошный ли видитъ онъ сонъ!..
И какой нужно голосъ имѣть,
Чтобъ Тамару воспѣть?..

Вдохновеннымъ молчаньемъ своимъ
Показался онъ страненъ другимъ:
И упалъ на него испытующій взглядъ,
И насмѣшки мучительный ядъ
Въ его сердце проникъ; и любовью палимъ,
И тоскою томимъ,
Изъ дворца удалиться онъ радъ!

Отпустили толпу; сторожъ громко трубитъ;
На мосту слышенъ топотъ копытъ;
На окрестныхъ горахъ зажжены
Роковые сигналы войны;

И гонцы, улетая на борзыхъ коняхъ,
Исчезаютъ въ окрестныхъ горахъ...

Съ грустной думой Тамара на тронѣ сидитъ;
Не снимаетъ Тамара вѣнца;
Провожаетъ глазами толпу и велитъ
Воротить молодого пѣвца.

И послышался царственный голосъ жены:
«Руставель! Руставель! Ты одинъ изъ мужей
Родился не въ защиту страны;
Кто не любитъ войны,
Не являйся мнѣ въ сонмѣ князей!
Но ты любишь дѣла и побѣды мои;
Я готова тебя при дворѣ принимать...
Меньше пой о любви,
О безумной любви, и тебя награждать
Я готова за пѣсни твои!...»

И, блѣднѣя, поникъ Руставель головой,
Передъ гордой царицей обширныхъ земель;
И, смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Рустувель:

— «О, царица! Чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
Навсегда удалиться ты мнѣ повели;
Все равно! Образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли!
Буду пѣть про любовь—ты не станешь внимать...
Но, клянусь! на возвышенный голосъ любви,
Звѣзды будутъ лучами играть,
И пустыня, какъ нѣжная мать,

Мнѣ раскроетъ объятья свои...
Удаляюсь, прости! Безъ обидныхъ наградъ,
Довершу я созданье мое [25])...
Но его затвердятъ
Внуки нашихъ внучатъ...
Да прославится имя твое!»

Караванъ.

(Отрывокъ изъ восточной повѣсти).

I.

Какая ночь—не ночь, а рай!
Ночныя звѣзды искры мечутъ.
Вставай, привратникъ, отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Въ горахъ бубенчики лепечутъ.

II.

Луна свѣтла, какъ тронъ Аллы.
Какъ тѣни, длинные шагаютъ
Верблюды по краямъ скалы;
На нихъ ружейные стволы
То пропадаютъ, то мелькаютъ.

III.

Вдали развалина стоитъ,
Въ туманъ серебряный повита.
Внизу клокочетъ и бѣжитъ
Ручей по склону черныхъ плитъ;
По дну ручья стучатъ копыта.

IV.

То ѣдетъ самъ Тамуръ-Гассанъ
Въ тѣни дремучаго оврага.
И вотъ, къ лукѣ нагнувъ свой станъ,
Онъ въ гору скачетъ, какъ шайтанъ.
Куда герой? куда бродяга?

V.

Поводья брошены—висятъ;
Ружье въ чахлѣ; подобно звеньямъ
Стальнымъ, бренчитъ его булатъ;
Порывистъ конь; стуча, скользятъ
Его копыта по каменьямъ.

VI.

Суровый всадникъ гордъ и смѣлъ.
Откуда и куда онъ скачетъ?
Что онъ, какъ ханъ, разбогатѣлъ?
Или нажиться не успѣлъ—
И жизнь по-прежнему маячитъ?

VII.

Вставай, привратникъ! отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Готовь ночлегъ для каравана,
И въ гости жди, и угощай
Разбойника Тамуръ-Гассана!

VIII.

Далеко слухъ идетъ о немъ:
Тамуръ-Гассану ни по-чемъ
Отбить быковъ, связать чабана [37]).
Рука, съ нацѣленнымъ ружьемъ,
Дрожитъ при имени Гассана.

IX.

Онъ можетъ пулей въ-летъ пронзить
Орла; клыкастому кабану
Свиную морду раскроить,
Влетѣть въ табунъ, коня скрутить
И покорить его аркану.

X.

Широкъ руки его размахъ...
Какъ левъ, взмахнувъ косматой гривой,
Храпитъ и, съ пѣной на губахъ,
Напрасно въ двадцати шагахъ
Изъ петли рвется конь ретивый—

XI.

Какъ разъ могучая рука
Смиритъ порывъ его свободный,
И будетъ гнать его, пока
Слѣда копытъ его рѣка
Не захлестнетъ волной холодной.

XII.

На чортѣ—а не на конѣ—
Гассанъ вездѣ поспѣлъ; въ огнѣ
Онъ не горитъ, въ водѣ не тонетъ;
Задумаетъ о табунѣ—
Табунъ его,—какъ-разъ угонитъ.

XIII.

Онъ подползетъ къ нему какъ змѣй,
Въ дыму вечерняго тумана,
Съ двумя изъ опытныхъ друзей,
Онъ выстрѣломъ спугнетъ коней,
Пасущихся среди бурьяна—

XIV.

Впередъ помчится и свиститъ—
И вотъ, гонимый слѣва, справа,
Табунъ, шарахнувшись, летитъ,
Летитъ, какъ буря—степь дрожитъ...
Пропалъ табунъ—Гассану слава.

XV.

Молва недаромъ бережетъ
Его отъ пули и булата:
Онъ въ двухъ имперіяхъ живетъ
И съ жаждой въ дань себѣ беретъ
Коней, оружіе и злато.

XVI.

Всѣмъ жутко отъ его проказъ
Отъ Каменки [38]) до Арарата;
И самъ слыхалъ я, какъ не разъ
Давали казакамъ наказъ:
«Словить его, связать, ребята!»

XVII.

Хотя, конечно, вѣсть о немъ
Не доходила до султана;
Но... дорого была въ одномъ
Аулѣ мстительнымъ купцомъ
Оцѣнена башка Гассана...

XVIII.

Давно завидя караванъ,
Его догналъ Тамуръ-Гассанъ,
И вслѣдъ за нимъ поѣхалъ шагомъ,
И долго онъ пугалъ армянъ,
Пока не скрылся за оврагомъ.

XIX.

Идетъ верблюдовъ длинный рядъ,
Раздулись ноздри ихъ, глотаютъ
Окрестныхъ рощей ароматъ;
На ихъ горбахъ ковры висятъ,
Шесты торчатъ, стволы мелькаютъ.

XX.

Весь караванъ вооруженъ;
Разбой онъ выстрѣлами встрѣтитъ.
А гдѣ жь Гассанъ?!—Эге! ужь онъ
На той горѣ, гдѣ разложенъ
Костеръ, какъ жертвенникъ, и свѣтитъ.

XXI.

Гассанъ узналъ родимый край...
Онъ шепчетъ тексты изъ корана.
Вставай, хозяинъ! отворяй
Ворота въ караванъ-сарай!
Меджидъ! встрѣчай Тамуръ-Гассана...

XXII.

Меджидъ выходитъ изъ воротъ;
Не суетится, не хлопочетъ;
Онъ гостя втайнѣ узнаетъ,
И руку на сердце кладетъ,
И, опустивъ глаза, бормочетъ:

XXIII.

«Алласъ-Алла! слѣзай съ коня:
«Его сведемъ мы къ водопою,
«Ему насыплемъ ячменя;
«А ты, у мирнаго огня,
«Свою главу склони къ покою.

XXIV.

«Костеръ мой сердце веселитъ;
«Моя старуха пловъ сваритъ»...
Гассанъ ему въ отвѣтъ:—«Попоной
«Накрой коня,—возьми!.. Я сытъ...»
И сѣлъ на буркѣ запыленной.

XXV.

Сѣлъ и ослабилъ поясъ свой,
И рукава назадъ откинулъ;
И сталъ вертѣть передъ собой
Кинжалъ съ насѣчкой золотой;
Потомъ въ ножны его задвинулъ.

XXVI.

Не такъ ли иногда вертитъ
Ребенокъ куклой расписною:
Ее заботливо хранитъ,
Тихонько съ нею говоритъ,
И даже спать кладетъ съ собою.

XXVII.

Тамуръ нерѣдко былъ душой
Далекъ отъ подвиговъ злодѣйскихъ;
Но тамъ, гдѣ дряблъ законъ нѣмой,
Тамъ, гдѣ народъ привыкъ разбой
Считать не хуже дѣлъ судейскихъ,—

XXVIII.

Тамъ, часто, местію горя,
Вдругъ, изъ ребенка-дикаря,
Наѣздникъ грозный выростаетъ,—
И что же?—пѣснь сазандаря
Его отвагу прославляетъ!

XXIX.

И онъ вездѣ найдетъ друзей,
Подъ кровомъ каждаго аула,
И не боится онъ цѣпей...
Всѣ берегутъ его: злодѣй
Нигдѣ не спитъ безъ караула.

XXX.

Въ народѣ знаютъ, что Гассанъ
Хоть и въ горахъ живетъ скитальцемъ,
Самъ по себѣ такой же ханъ,
Возьметъ червонцы у армянъ,
Но бѣдняка не тронетъ пальцемъ,

XXXI.

Дастъ богомольцу золотой,
И съ Богомъ въ путь его проводитъ.
И вотъ, въ умахъ толпы слѣпой
Онъ—то разбойникъ, то святой,
То духъ, который всюду бродитъ.

XXXII.

Молчанье робкое храня,
Меджидъ по сумрачной площадкѣ
Повелъ Гассанова коня,
И конь, уздечкою звеня,
Плодилъ въ умѣ его догадки.

XXXIII.

— Узналъ ли ты меня? спросилъ
Его Гассанъ, скрестивши руки.
И ликъ его спокоенъ былъ,
И тихъ былъ голосъ, но таилъ
Въ себѣ магическіе звуки.

XXXIV.

И блѣденъ сталъ Меджидъ сѣдой.
«Ты гость мой: за тебя я душу
«Готовъ отдать, клянусь Аллой!»
Шепталъ Меджидъ: «Измѣной злой
«Гостепріимства не нарушу!

XXXV.

«Тебя не выдамъ никому:
«Глухъ буду—нѣмъ... клянусь Пророкомъ,
«Довѣрься слову моему!»
И сталъ Гассанъ смотрѣть ему
Въ глаза спокойно-зоркимъ окомъ.

XXXVI.

И молвилъ: «Вспомни! прошлый годъ
«Тебя едва я не повѣсилъ...
«Но, слушай—караванъ идетъ...
«Мнѣ въ эту ночь его даетъ
«Судьба—онъ мой! молчи, будь веселъ!..

XXXVII.

Луна по прежнему была
Свѣтла, какъ лампа, и лила
Свой свѣтъ на каменныя груды;
И ночь была, какъ день, свѣтла;
И шли, все ближе шли верблюды...

На пути изъ-за Кавказа.

I.

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказъ, нашъ воинственный край,
Ты, нашъ городъ Тифлисъ знойно-каменный,
Свѣтлой Грузіи солнце, прощай!

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за снѣжный несу перевалъ...
Я Казбекъ миновалъ, я Крестовую
Миновалъ, недалеко Дарьялъ.

Слышу, Терека волны тревожныя
Въ мутной пѣнѣ по камнямъ шумятъ;
Колокольчикъ звенитъ, и надежные
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Выси горъ, въ облака погруженныя,
Разступитесь! Приволье станицъ,—
Разстилаются степи зеленыя...
Я простору не вижу границъ.

И душа на просторъ вырывается
Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ...
Колокольчикъ звенитъ-заливается;
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Погоняй! гаснетъ день за курганами;
Съ вышекъ молча глядятъ казаки,
Красный мѣсяцъ встаетъ за туманами;
Недалеко дрожатъ огоньки.

Въ сторонѣ слышу карканье ворона;
Различаю впотьмахъ трупъ коня...
Погоняй, погоняй! тѣнь Печорина
По слѣдамъ догоняетъ меня.

II.

Ты, съ которой такъ много страданія
Терпѣливо я прожилъ душой,
Безъ надежды на миръ и свиданіе,
Навсегда я простился съ тобой.

Но боюсь, если путь мой протянется—
Изъ родимыхъ полей въ край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской...

Вспомнитъ домикъ твой, дворикъ, увѣшанный
Виноградными лозами,—тѣнь,
Гдѣ твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
Я вдавался въ безпечную лѣнь...

Вспомнитъ розъ ароматъ надъ канавою,
Бубна звонъ въ поздній вечера часъ,
Твой *личакъ* [19]) и улыбку лукавую,
И огонь соблазняющихъ глазъ.

Все, что̀ было обманомъ, измѣною,
Что̀ лежало на мнѣ, словно цѣпь,—
Все исчезло изъ памяти—съ пѣною
Горныхъ рѣкъ, вытекающихъ въ степь.

М. А. С—вой.

Гдѣ бъ ни былъ стихъ, рожденный мной,
Записанъ вѣрною рукой—
Въ стѣнахъ ли города, гдѣ шумъ
Толпы смущалъ мой бѣдный умъ,
Или въ задумчивой тиши
Невозмутимыхъ вечеровъ,
Подобно шороху листовъ,—
Ему не высказать души
Тому, кто сердцемъ не готовъ
Страданье понимать безъ словъ;

Спроси: о чемъ шумитъ потокъ,
Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,
Въ теплѣ полуденныхъ лучей,
Легко послушный вѣтерку,
Припавъ головкою своей
Къ другому нѣжному цвѣтку?
Спроси: о чемъ такъ тяжко громъ
Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,
А лѣсъ, охваченный дождемъ,
О чемъ шумитъ ему въ отвѣтъ?...
Природа громко говоритъ
Понятное простымъ сердцамъ;
Но разсказать не можетъ намъ
Всего, что грудь ея таитъ,
Всего, что слышитъ лишь пророкъ
И понимаетъ, какъ намекъ,—
Намекъ на то, что въ глубинѣ
Немногихъ душъ лежитъ на днѣ.

Такъ—пусть звучитъ передъ тобой
Мой стихъ загадочно-простой,
Всѣмъ слышный, но не всѣмъ родной.
Авось, когда пройдутъ года,
И я заглохну гдѣ нибудь;
Когда придетъ твоя чреда
И оглянуться, и вздохнуть.—
Припомнишь ты не безъ труда,
Среди знакомыхъ лицъ, того,
Кого ты знала, и кого
Ты не узнаешь никогда...

---

* * *

Не мои ли страсти
Поднимаютъ бурю?
Съ бурями бороться
Не въ моей ли власти?

Пронеслася буря,
И дождемъ, и градомъ;
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы
Какъ алмазы блещутъ
Не мои ли слезы?

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

Прости.

Пора... Прости! Никто не вѣдалъ
Глубокихъ тайнъ моихъ страстей,
И никому я права не далъ
Заплакать на груди моей.

Любви прекраснымъ упованьямъ
Разсудкомъ положа предѣлъ,
Страдая самъ, твоимъ страданьямъ
Я отозваться не хотѣлъ.

Искалъ я счастья, но повѣрить
Не смѣлъ я счастью своему;
Мнѣ было легче лицемѣрить,
Чѣмъ вѣрить сердцу твоему.

Качка въ бурю.

(Посв. М. Л. Михайлову).

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ;
Море темное кипитъ;
Вѣтеръ парусъ обрываетъ
И въ снастяхъ свиститъ.

Помрачился сводъ небесный,
И, ввѣряясь кораблю,
Я дремлю въ каютѣ тѣсной...
Закачало—сплю.

Вижу я во снѣ: качаетъ
Няня колыбель мою,
И тихонько запѣваетъ:
«Баюшки-баю!»

Свѣтъ лампады на подушкахъ;
На гардинахъ свѣтъ луны...
О какихъ-то все игрушкахъ
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквалъ?—
«Плохо—стеньга обломилась,
«Рулевой упалъ».

Что же дѣлать? что могу я?
И, ввѣряясь кораблю,
Вновь я легъ и вновь дремлю я...
Закачало—сплю.

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ, мечты кипятъ...
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь—темнѣютъ ели...
Слышу ласково-живой,
Тихій лепетъ: «На качели
«Сядемъ, милый мой!»

Станъ ея полу-воздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

«Не ярче ли лазурь трепещетъ
«На персяхъ шепчущей волны?
«Ты самъ... гляди, какъ ликъ твой блещетъ
«Въ прохладѣ ясной глубины».

Волна бѣжитъ, шумитъ, сверкаетъ...
Рыбакъ поникъ надъ глубиной.
Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой.
Она поетъ... рыбакъ несмѣло
Скользитъ къ водѣ... его нога
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла—
И опустѣли берега...

Пѣсня цыганки.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ:
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ—и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя!

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

---

* * *

Жизнь движется впередъ походкою неровной!
Ея намѣренья ужели ты постигъ!
Чтобъ высказать себя, жизнь ловитъ мигъ условный.
Ужели отъ тебя зависитъ этотъ мигъ?
Жизнь терпѣливая привыкла къ испытаньямъ—
Не вѣдаетъ конца и не спѣшитъ къ концу.
Поэтъ! Не вѣрь ея тоскливымъ ожиданьямъ,
И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу.

---

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я,
Что я боюсь—она не отзовется
Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
Опять въ душѣ моей проснется!

Другъ! разрушать мечты ужь я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
Не въ первый разъ мнѣ суждено
Быть самому себѣ тираномъ.
Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
Она сама мнѣ бросится на шею!..
Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?
Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто пріученъ людьми не вѣрить ихъ участью,
Кто къ лицемѣрію привыкъ—
Тому нужна привычка къ счастью.
Такъ, если бъ грѣшнику нежданно отворенъ
Былъ рай небесный—долго бъ онъ
Не могъ войти въ него, растерянъ и смущенъ,
Измученной душой какъ бы не довѣряя
Гостепріимной сѣни рая.

Лѣсъ.

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
Въ прохладѣ спящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
По шепчущимъ листамъ шумъ смутный пробѣжалъ—
И оглянулся я, встревоженный моимъ
Воображеніемъ, пугливымъ и живымъ...

— «Не бойся!» услыхалъ я въ шопотѣ листовъ:
«Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
«Русалка никогда подъ купою березъ
«Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ,
«И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ
«Не встрѣтишь ты лѣсныхъ, уродливыхъ духовъ;
«Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
«Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну—
«Одну красавицу изъ ближняго села...
«Она свѣжа, какъ май, какъ юноша смѣла.
«Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможеньи силъ,
«Росу глотая, ждутъ полуночныхъ свѣтилъ,
«Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
«Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
«Она садится здѣсь на край гнилого пня,
«Къ ладони жаркую головку приклоня;
«Она садится здѣсь, печальна и одна,
«Въ неодолимыя мечты погружена,
«И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ—
«И не по твоему желаетъ и груститъ.
«Но не спѣши, дитя, бѣжать на встрѣчу къ ней!..
«Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь!—она страшнѣй;
«И можетъ быть—увы!» шепталъ мнѣ лѣсъ густой:
«Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
«И для души твоей придетъ пора чудесъ—
«Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

Другъ! разрушать мечты ужь я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
Не въ первый разъ мнѣ суждено
Быть самому себѣ тираномъ.
Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
Она сама мнѣ бросится на шею!..
Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?
Кто передъ женщиной, рыдая, пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто пріученъ людьми не вѣрить ихъ участью,
Кто къ лицемѣрію привыкъ—
Тому нужна привычка къ счастью.
Такъ, если бъ грѣшнику нежданно отворенъ
Былъ рай небесный—долго бъ онъ
Не могъ войти въ него, растерянъ и смущенъ,
Измученной душой какъ бы не довѣряя
Гостепріимной сѣни рая.

Лѣсъ.

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
Въ прохладѣ спящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
По шепчущимъ листамъ шумъ смутный пробѣжалъ—
И оглянулся я, встревоженный моимъ
Воображеніемъ, пугливымъ и живымъ...

— «Не бойся!» услыхалъ я въ шопотѣ листовъ:
«Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
«Русалка никогда подъ купою березъ
«Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ,
«И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ
«Не встрѣтишь ты лѣсныхъ, уродливыхъ духовъ;
«Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
«Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну—
«Одну красавицу изъ ближняго села...
«Она свѣжа, какъ май, какъ юноша смѣла.
«Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможеньи силъ,
«Росу глотая, ждутъ полуночныхъ свѣтилъ,
«Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
«Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
«Она садится здѣсь на край гнилого пня,
«Къ ладони жаркую головку приклоня;
«Она садится здѣсь, печальна и одна,
«Въ неодолимыя мечты погружена,
«И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ—
«И не по твоему желаетъ и груститъ.
«Но не спѣши, дитя, бѣжать на встрѣчу къ ней!..
«Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь!—она страшнѣй;
«И можетъ быть—увы!» шепталъ мнѣ лѣсъ густой:
«Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
«И для души твоей придетъ пора чудесъ—
«Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

Весна.

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонитъ ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приноситъ ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ;
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты, любовь, праздной жизни подруга!
Не съумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась—
И другимъ улыбнулась тайкомъ...

Воспоминаніе.

Какъ быстро пароходъ летѣлъ, рулю послушный,
Какъ тяжко колебалъ въ волнахъ онъ грудь свою,
И какъ я долго ждалъ душой неравнодушной,
Чтобъ отворилась дверь твоей каюты душной,
Чтобъ ты взошла на ютъ и сѣла на скамью.
Дулъ вѣтеръ; сизыми грядами
Катились волны; небеса
Пурпурными свѣтлѣлись облаками;
Труба хрипѣла; дымъ клоками
Летѣлъ, — и ты съ кормы глядѣла, вмѣстѣ съ нами,
Какъ опускали паруса...

Я помню—ты была блѣдна, безъ покрывала;
Зловѣщая заря свой пламень отражала
Въ зрачкахъ твоихъ глубоко-темныхъ глазъ...
Какъ вдругъ ты на меня взглянула и сказала:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась!»
— Зачѣмъ? съ невольнымъ изумленьемъ
Тебя я шопотомъ спросилъ...
Но Богъ не внялъ твоимъ моленьямъ,
И море въ ночь угомонилъ.

Надъ палубой луна сіяла такъ привѣтно—
Я лунный свѣтъ ловилъ на пальцахъ рукъ твоихъ...
И ночь безсонная промчалась незамѣтно
Подъ мѣрный стукъ движеній паровыхъ,
Ты намекала мнѣ на раннія сомнѣнья,
На повѣсть грустную непонятой любви,
На безполезныя стремленья,
И на потребность утѣшенья,
И на страданія свои.

Случайный другъ! другъ только для одной
Прекрасной ночи! голосъ твой
Еще мнѣ памятенъ; но гдѣ ты, я не знаю;
Года умчали молодость мою,
Въ житейскомъ морѣ я одинъ блуждаю—
То къ мирной пристани гоню мою ладью,
То снова парусъ поднимаю.
Увижусь ли когда-нибудь съ тобой?
Узнаю ли тебя среди толпы людской?
Напомню ли тебѣ о нашей встрѣчѣ?
Къ чему напоминать!.. Тѣ пламенныя рѣчи,
Тѣ призраки, что увлекали насъ...
Давно ихъ нѣтъ! И я не разъ,

Надъ жизнію смѣяться вслухъ не смѣя,
Смѣялся внутренно, воображая часъ,
Когда на палубѣ сказала ты, блѣднѣя:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась».

Бѣлая ночь.

Дымъ потянуло въ даль, повѣяло прохладой.
Безъ тѣни, безъ огней, надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь бѣлая,—лишь куполъ золотой
Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колонадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи, куда идти за счастьемъ, за отрадой!
Скажи, на что ты золъ, товарищъ бѣдный мой!?
Вотъ — темный монументъ вознесся надъ гранитомъ...
Иль мысль стѣсненная твоя
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго коня...

Смерть малютки.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась какъ кукла,
И не дѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба—
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужь какъ бы она любовалась,
Если бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

У Аспазіи.

Гость.

Что бъ это значило?—Вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты:
Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны:
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна,—словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галерей:
Шумъ ея замеръ, и—это молчаніе
Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.

Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
Это—Периклъ говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ—весь городъ молчитъ!..
Чу! шумъ на площади... рукоплесканія...
Друга вѣнчаетъ народъ!..
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ къ этой двери придетъ...

Времени.

Зачѣмъ до сей поры тебя изображаютъ
Съ сѣдыми прядями на сморщенныхъ вискахъ,
Тогда какъ у тебя на юныхъ раменахъ
Лишь только крылья отростаютъ?
О время, пѣстунъ нашъ!—на слабыхъ помочахъ
Ты къ истинѣ ведешь людей слѣпое племя,
И въ бездну вѣчности роняешь ихъ, какъ бремя,
И бремя новое выносишь на плечахъ.
Счастли́вый грекъ тебя, какъ смерти, ужасался,
Онъ въ руки далъ тебѣ песочные часы,
Косой вооружилъ и въ страхѣ повергался,
Предъ лезвіемъ твоей сверкающей косы.

А мы, среди своихъ попытокъ и усилій
Склонивъ передъ тобой безславное чело,
Твердимъ: когда-нибудь, авось, погибнетъ зло
Отъ вѣянья твоихъ неслышно-мощныхъ крылій!
Лети скорѣй, крылатое, скорѣй!
Намъ въ душу новыми надеждами повѣй!

Иль ужь губи всѣхъ тѣхъ, которымъ ты пророчишь
Одинъ безплодный путь, и дѣлай все, что хочешь!
Скорѣй мое чело морщинами изрой
И вывѣтри скорѣй съ лица румянецъ мой,
И обреки меня холодному забвенью...
Что за бѣда! Другому поколѣнью
Ты наши лучшія надежды передашь,
Твердя ему въ урокъ удѣлъ печальный нашъ.

Своекорыстіе—и все, что сердце губитъ,
Невѣжество—и все, что гаситъ умъ,
Мнѣ безпрестанно въ уши трубитъ:
«Живи безъ чувства и безъ думъ!»
Вполнѣ постигли мы безплодіе стремленья
Къ добру, къ отрадному сочувствію людей,
И, выстрадавъ одно лишь право на презрѣнье,
Мы говоримъ, въ порывѣ нетерпѣнья:
«О, время! улетай скорѣй!»

Пчела.

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Недаромъ чистыми, янтарными сотами
Ты, съ помощью сестеръ, свой улей убрала.
Ту руку, что тебя все лѣто берегла,
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я, собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашелъ я улей мой...
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ—растутъ кусты крапивы
И некуда сложить мнѣ ноши дорогой...

На Черномъ морѣ.

Отраднѣй сна, товарищъ мой,
Мнѣ побесѣдовать съ тобой:
Сердитый валъ къ намъ въ люки бьетъ;
Фонарь скрипитъ надъ головой;
И тяжко стонетъ пароходъ,
Какъ умирающій больной.

Ты также раненъ, какъ и я...
Но эти раны жгутъ меня,
И въ то же время холодятъ:
Не спасъ меня хирурга ножъ!
Но ты меня моложе, братъ,—
И ты меня переживешь.

Едва ли, впрочемъ, этотъ Крымъ,
И этотъ гулъ, и этотъ дымъ,
И эти кучи смрадныхъ тѣлъ
Забудешь ты когда нибудь,
Куда бы ты ни полетѣлъ
Душой и тѣломъ отдохнуть.

На лонѣ мира и любви
Ты вспомнишь—ужасъ!—ты въ крови
Топталъ товарищей своихъ,
Ты слышалъ ихъ предсмертный хрипъ,
Ты, раненый, близъ ранъ моихъ
Лежалъ, страдалъ и—не погибъ.

Какой цѣной, ты вспомнишь, братъ,
Купили мы развалинъ рядъ!
Для человѣческихъ ушей
Громъ неестественный гремѣлъ,
Когда мы лѣзли изъ траншей
На валъ, скользя по грудамъ тѣлъ.

И одолѣли мы врага...
И замеръ крикъ... Едва нога
Француза перешла тотъ валъ,
Гдѣ былъ когда-то ихъ редутъ,
Вслѣдъ за громами вдругъ насталъ
Какъ бы послѣдній страшный судъ.

Неслыханная тишина,
Тоски и ужаса полна,
Распространившаяся вдругъ,
Казалось, говорила намъ,
Что небеса пришли въ испугъ,
Что страшно даже мертвецамъ.

На камняхъ я, лишенный силъ,
Лежалъ—и вотъ глаза раскрылъ...
Молчанье скалъ, затихшій громъ—
Все было странно такъ... Привстать
Хотѣлось... голову съ трудомъ
Я поднялъ—и хотѣлъ кричать...

Стѣна была обагрена...
Дымъ застилалъ, какъ пелена,
Небесный сводъ—и отъ земли
Тяжелый поднимался паръ...
Вдали пылали корабли,
И отражалъ заливъ пожаръ.

Ликуйте, гордые умы!
Могилу храбрыхъ взяли мы...
Коварной славы сладкій дымъ,
Ты горекъ намъ, ты дорогъ намъ!
Но—ѳиміамъ необходимъ
Кумиру и его жрецамъ.

Когда ты снова посѣтишь
Нашъ императорскій Парижъ,
Смутитъ тебя побѣдный крикъ,
Какъ пляска послѣ похоронъ,
Какъ сумасшедшаго языкъ,
Какъ смѣхъ, въ которомъ слышенъ стонъ.

Пускай нашъ новый полубогъ
Вкушаетъ славу!.. Я бъ не могъ...
Я для иного былъ рожденъ,
Иныя цѣли смѣлъ таить...
И былъ, какъ бурей, увлеченъ
Туда, гдѣ я не могъ любить...

И гдѣ, казалось бы, не слѣдъ
Мнѣ умереть въ чаду побѣдъ...
Но—умираю... Все, что я
Любилъ когда-то, въ эту ночь
Какъ будто около меня
Стоитъ, и не отходитъ прочь.

Я вижу—вотъ моя семья...
Вотъ мать... вотъ нѣжная моя
Подруга... дѣти... Боже мой!
А это кто!?.. Иль это бредъ?..
Какой-то призракъ роковой—
Въ блестящей мантіи скелетъ...

Ужели смерть?.. Зачѣмъ она
Грозя кричитъ: «Пылай война!
Враждуйте, племена всѣхъ странъ!
Вотъ вамъ республика и тронъ,
И христіанство и коранъ,
Мадзини и Наполеонъ!»

Скажи, что значу я предъ ней,
Со всею гордостью моей?..
Ея десница мнѣ на грудь
Легла,—и я, какъ тряпка, смятъ!
Освободи, братъ! дай вздохнуть!
А-га! да ты ужь умеръ, братъ!

На кораблѣ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!..
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Тѣ жь волны бурныя, что съ вечера плескали,
Не закачавъ, еще качаютъ насъ.
Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,
Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!—
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;
Нашъ капитанъ въ потьмахъ стоитъ, раздумья полнъ...

Заря!.. друзья, заря! Глядите, какъ яснѣетъ—
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.
Кто боленъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ,
Что бурей сломано, разбито, снесено—

Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ...
Но—не погибли мы!.. и много спасено...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь—
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ
Господь, благослови грядущій день!

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Слѣдитъ весь день и, подъ руку толкая,
Надоѣдаетъ мнѣ своею болтовней.
Когда-то въ карты мнѣ она гадала
И мнѣ сулила много свѣтлыхъ дней!
Я, какъ ребенокъ, вѣрилъ ей сначала,
Довѣрчивъ былъ и уживался съ ней.
То штопая, то дѣлая заплаты,
Она не разъ при мнѣ ворчала на бѣду:
«Вотъ погоди! какъ будемъ мы богаты,
«Я отъ тебя сама уйду!»
А между тѣмъ, несутся дни и годы,
Старуха все еще въ моемъ углу ворчитъ;
Во все мѣшается, хлопочетъ и, свободы
Лишая разумъ, сердце злитъ.
И жизнь моя невольно какъ-то странно
Слилась съ ея житьемъ-бытьемъ;
И гдѣ бы ни былъ я, одинъ ли,—безпрестанно
Мнѣ кажется, мы съ ней вдвоемъ.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслію, иль новой красотой,

Плаксивое лицо старухи раздраженной,
Какъ желтое пятно, мелькаетъ предо мной.
Хочу любить...«Нѣтъ—говоритъ,—не въ-правѣ,
«Не смѣешь ты, не долженъ ты любить!»
Уединясь, мечтаю ли о славѣ—
Она, какъ мальчика, придетъ меня дразнить.
И боленъ я, и нѣтъ мнѣ силъ подняться;
И слышу я, старуха, головой
Качая, говоритъ, что врядъ ли мнѣ дождаться
Когда-нибудь судьбы иной...

Передъ отъѣздомъ.

Въ альбомъ гр. К. Толстой.

Я счастливъ, если я, скитаясь по землѣ,
Гонюсь за счастіемъ, котораго не знаю...
Я уѣзжаю, снова уѣзжаю,
И на твоемъ младенческомъ челѣ
Мой поцѣлуй прощальный покидаю.
Его никѣмъ не зримый слѣдъ
Едва ли сохранятъ твои воспоминанья:
Исчезнетъ онъ, какъ чувство безъ названья,
Какъ облетѣвшаго листка благоуханье,
Какъ вздохъ, которому истолкованья нѣтъ..
Но если я, застигнутый ненастьемъ,
Но если я въ борьбѣ съ несчастьемъ
Останусь твердъ и невредимъ—
Повѣрь, я вспомню съ умиленьемъ,
Что дѣтскимъ сердцемъ я когда-то былъ любимъ—
И что я былъ младенческимъ твоимъ
Напутствуемъ благословеньемъ.

И. С. Аксакову.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ—
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали:
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и—оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я—любилъ.

Общественнаго зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ:—
Я выжалъ сокъ его,—пилъ, душу отравляя,
И заглушая сердца плачъ.

Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.

Быть можетъ, знать добро—не значитъ зла не видѣть,
Любить—не значитъ тосковать...
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.

Вотъ почему, когда звенитъ, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Колокольчикъ.

Улеглася метелица; путь озаренъ...
Ночь глядитъ милліонами тусклыхъ очей.
Погружай меня въ сонъ, колокольчика звонъ,
Выноси меня, тройка усталыхъ коней!
Мутный дымъ облаковъ и холодная даль
Начинаютъ яснѣть; бѣлый призракъ луны
Смотритъ въ душу мою и былую печаль
Наряжаетъ въ забытые сны.
То вдругъ слышится мнѣ—страстный голосъ поетъ,
Съ колокольчикомъ дружно звеня:
«Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ,
«Отдохнуть на груди у меня!
«У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
«Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,
«Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
«И трещитъ моя печь, озаряя въ углѣ
«За цвѣтной занавѣской кровать...
«У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открытъ—
«По стѣнѣ бродитъ мѣсяца лучъ золотой;

«Забушуетъ ли вьюга—лампада горитъ,
«И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
«Все по немъ изнывая тоской!»

То вдругъ слышится мнѣ—тотъ же голосъ поетъ,
Съ колокольчикомъ грустно звеня:
«Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь—онъ войдетъ
«И, ласкаясь, обниметъ меня!
«Что за жизнь у меня!—И тѣсна, и темна,
«И скучна моя горница; дуетъ въ окно...
«За окошкомъ растетъ только вишня одна,
«Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна
«И, быть можетъ, погибла давно...
«Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ,
«Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;
«Побранить меня некому—милаго нѣтъ...
«Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ сосѣдъ,
«Оттого, что мнѣ весело съ нимъ...»

---

* * *

Твой скромный видъ таитъ въ себѣ
Такъ много силы страстной воли,
Что не уступишь ты судьбѣ
Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудомъ
Или болѣзнями искупишь;
Но предъ общественнымъ судомъ
Рѣсницъ стыдливо не потупишь.

Свѣтъ осужденъ тобою—онъ
Не можетъ дать тебѣ закона;
Святая правда—твой законъ,
Святая гордость—оборона.

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ отзыва не находитъ,
Поэтъ, отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтитъ, и проводитъ.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои порывы,—
Откликнется на всѣ призывы—
На всѣ страданія твои.

Соловьиная любовь.

Въ тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ,
Порхающимъ съ вѣтки на вѣтку,
Любилъ я поглядывать зоркимъ глазкомъ,
Въ окно, на богатую клѣтку.

Въ той клѣткѣ, я помню, жила
Такая красавица-птичка,
Что видѣть ее страсть невольно влекла,
Насильно тянула привычка.

Слезами во мракѣ ночей
Питалъ я блаженныя грезы,
И пѣлъ про любовь я въ затишьѣ аллей—
И звуки дрожали, какъ слезы.

И къ мѣсяцу я ревновалъ...
И часто къ затворницѣ сонной
Я страстные вздохи свои посылалъ
По вѣтру, въ струѣ благовонной.

Нерѣдко внимала заря
Моей серенадѣ прощальной—
Въ тотъ часъ, какъ, проснувшись, малютка моя
Плескалася въ ваннѣ хрустальной.

Однажды гроза процеслась...
Вдругъ, вижу—окно на распашку,
И клѣтка, о, радость! сама отперлась,
Чтобъ выпустить бѣдную пташку.

И сталъ я красавицу звать
На солнце, въ зеленыя сѣни—
Туда, гдѣ уютныя гнѣзда качать
Слетаются влажныя тѣни.

«Покинь золотую тюрьму!
«Будь голосу Бога послушна!»
Я звалъ... но къ свободѣ, Богъ вѣсть почему,
Осталась она равнодушна.

Бѣдняжка, я видѣлъ потомъ,
Клевала отборныя зерна,—
Потомъ щебетала—не знаю о чемъ—
Такъ грустно и такъ непритворно!

О томъ ли грустила она,
Что крылышки доля связала?
О томъ ли, что, рано промчавшись, весна
Навѣкъ мои пѣсни умчала?

Бредъ.

Твой свѣтлый ликъ вчера являлся мнѣ
Въ какомъ-то странномъ полуснѣ.
Ты на меня смотрѣла съ состраданьемъ,
Какъ будто передъ разставаньемъ.

Лаская слухъ, звучалъ мнѣ голосъ твой:
«Не умирай, о, милый мой!
«Не уноси съ собой въ потокъ забвенья
«Твою любовь—твои стремленья.

«Еще не все извѣдано тобой,
«Подъ этимъ солнцемъ и луной.
«Ты погибалъ, въ холодной тьмѣ блуждая—
«Блуждалъ, любви моей не зная.

«Дай сердце мнѣ! Его я сберегу:
«Здѣсь на землѣ я все могу...
«Могу къ труду твои направить руки,
«Могу твои прославить муки.

«Прійди ко мнѣ! Склонись на грудь мою!
«Узнай, какъ я тебя люблю!..»
И въ полуснѣ, твоимъ рѣчамъ внимая,
Я плакалъ, недоумѣвая...

Какъ счастія земного сонъ живой,
Ты—вся любовь, была со мной,
И нѣжныя твои лобзалъ я руки—
И трепеталъ, боясь разлуки...

На пути изъ гостей.

Славный морозъ. Ночь была бы свѣтла,
Да застилаетъ сіянье
Мѣсяца душу-гнетущая мгла—
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорохъ ночной,
Снѣгъ подметенный скрипитъ подъ ногой...
Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
Да запертые подъѣзды...
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
Или мнѣ было привольно,
Въ сладкомъ забвеньи безплоднаго дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо безъ цѣли болтать...
И не охотникъ я въ карты играть,
Даже, признаться, не радуетъ ужинъ;
Да и кому я тамъ нуженъ!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Мери сегодня была весела
И граціозно-любезна;
Но хоть она и умна и мила—
Нравиться ей безполезно.

Слушать—такъ право, на горе мое,
Бредитъ героями... но до нее
Мнѣ далеко, потому что невѣста
Ищетъ доходнаго мѣста.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Олимпіада простѣе сестры...
Впрочемъ—глаза съ поволокой—
Листа играетъ; во время игры
Пальцы взлетаютъ высоко,
Клавиши такъ и стучатъ и гремятъ...
Всѣ, будто въ страхѣ какомъ-то, молчатъ...
Правду сказать, мастера ея руки
На музыкальныя штуки!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Викторъ стихи намъ сегодня прочелъ:
Дамы остались довольны;
Только старикъ отчего-то нашелъ,
Что черезчуръ мысли вольны;
Что молодежь нынче стала писать
Такъ, что не слѣдуетъ вслухъ и читать.
Вотъ и прочелъ я стихи эти снова,—
Ну, и не понялъ ни слова!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Гости бываютъ тамъ разныхъ сортовъ:
Въ домъ пріѣзжаютъ—вертятся,
И комплиментъ у нихъ мигомъ готовъ,
Изъ дому ѣдутъ—бранятся.

Что занимаетъ ихъ—трудно понять,
Все обо всемъ они могутъ сказать;
Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,
Каждому каждый наскучилъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Въ люди какъ будто невольно идешь:
Все будто ищешь чего-то,
Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...
Одолѣваетъ зѣвота,
Скука томитъ... А проклятый червякъ
Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:
Или онъ старую рану тревожитъ,
Или онъ новую гложетъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,
Свѣтлыхъ умомъ и вполнѣ благородныхъ,
Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнутъ душою въ гостиныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла,
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вижу—дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой:
Точно медвѣдь; на усахъ его ледъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата...

Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранитъ,
Или, какъ я же, безплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Молитва.

Отче нашъ! сына моленью внемли!
Все-проникающую,
Все-созидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой!
Дай силу страждущему!
Разуму жаждущему
Ты вожделѣнныя тайны открой!

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся,
И ужаснувшуюся
Мрака и зла и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

---

* * *

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна—
Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается.
Если жь вдругъ вспыхнутъ искры нежданной любви,
Или на сердцѣ горе накопится—
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
И волна уносить ихъ торопится.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

А. Н. Майкову.

Отвѣтъ на стихи его:

«Полонскій! суждено опять судьбою злою...»

Какъ ты грустишь?—помилуй Богъ!
Скажи мнѣ, Майковъ, какъ ты могъ,
Съ дѣтьми играя, тихо гладя
Ихъ по головкѣ, слыша смѣхъ
Ихъ вѣчно-звонкій, вспомнить тѣхъ,
Чей геній палъ съ судьбой не сладя,
Чей трудъ погибъ...
Какъ могъ ты, глядя
На сѣверныя небеса,
Вдругъ вспомнить Рима чудеса,

Проникнуться воспоминаньемъ,
Вообразить, что я стою,
Средь Колизея, какъ въ раю,
И подарить меня посланьемъ?
Мнѣ задушевный твой привѣтъ
Былъ освѣжительно-отраденъ.
Но—я еще не въ Римѣ,—нѣтъ!
Въ окно я вижу Баденъ-Баденъ,
И тяжело гляжу на свѣтъ.
Хоть мнѣ здорово и пріятно
Парнымъ питаться молокомъ,
Дышать нетопленнымъ тепломъ
И слушать музыку безплатно;
Но—если бъ не было руинъ
Плющемъ повитыхъ, луговинъ
Зеленыхъ, горъ, садовъ, скамеекъ,
Холмовъ и каменныхъ лазеекъ,
Здѣсь на меня нашелъ бы сплинъ—
Такъ надоѣло мнѣ гулянье,
Куда, расхаживая лѣнь,
Хожу я каждый Божій день
На равнодушное свиданье,
И гдѣ встрѣчаю, радъ не радъ,
При свѣтѣ газовыхъ лампадъ,
Американцевъ, итальянцевъ,
Французовъ, англичанъ, голландцевъ,
И нѣмцевъ, и нѣмецкихъ женъ,
И всѣмъ извѣстную графиню,
И полу-русскую княгиню,
И русскихъ множество княженъ.
Но въ этихъ встрѣчахъ мало толку,
И въ разговорахъ *о ничемъ*,
Ожесточаюсь я умомъ,

А сердцемъ плачу втихомолку.
И эта жизнь меня томитъ,
И этотъ Баденъ, съ этимъ міромъ,
Который вкругъ меня шумитъ,
Мнѣ кажется большимъ трактиромъ,
Въ которомъ, каждый Божій часъ,
Гуляетъ глупость на показъ.

А ты счастливецъ!—любишь ты
Домашній міръ. Твои мечты
Не знаютъ роковыхъ стремленій;
За то, какъ много впечатлѣній
Проходитъ по душѣ твоей,
Когда ты, съ удочкой своей,
Нетерпѣливый, вдохновенный,
Идешь на ловъ уединенный.
Или, раздвинувъ тростники,
Надъ золотистыми струями
Стоишь—протеръ свои очки—
И жадными слѣдишь глазами,
Какъ шевелятся поплавки.
И весь ты страстное вниманье...
Вотъ—гнется удочка дугой,
Кружится рыбка надъ водой—
Плескъ, серебро и трепетанье...
О, въ этотъ мигъ, передъ тобой,
Что̀ значатъ Римъ и всѣ преданья,
Обломки славы міровой!

Но, чу! свистокъ раздался птичій,
Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ:
Спѣши, мой милый рыболовъ,
Домой, съ наловленной добычей!

Спѣши!—ужь Божья благодать
На ложе сна дѣтей пріемлетъ,
Твои малютки спятъ, и дремлетъ
Ихъ убаюкавшая мать.
Уже въ румяномъ полусвѣтѣ,
Тамъ, въ сладкихъ грезахъ полусна,
Тебя ждетъ милая жена
Иль трудъ въ сосѣднемъ кабинетѣ.
Трудъ благодатный! трудъ живой!
Часы, въ которые душой
Ты, чуя Бога, смѣло пишешь,
И на себѣ цѣпей не слышишь.
Люблю я стихъ широкій твой,
Насквозь пропахнувшій смолою
Тѣхъ самыхъ сосенъ, гдѣ весною,
Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
Ты подстерегъ лѣсную фею,
И гдѣ съ Каменою твоею
Шептался плещущій ручей.
Я самъ люблю твою Камену,
Подругу сѣверныхъ ночей:
Я помню, какъ неловко съ ней
Ты шелъ на шумную арену
Народныхъ браней и страстей;
Какъ ей самой не ловко было...
Но... олимпійская жена,
Не внемля хохоту Зоила,
Тебѣ осталася вѣрна,
И вновь, въ объятія природы—
Въ поля, въ лѣса, туда, гдѣ воды
Струятся, гдѣ синѣетъ мгла
Изъ-подъ шатра дремучей ели,

Туда, гдѣ водятся форели,
Съ тобою весело ушла.

Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души!
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣснѣвѣть въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видитъ и—творитъ,
И ѳиміамъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

Баденъ-Баденъ.
1857.

Концертъ.

Здѣсь Берліозъ!.. я видѣлъ самъ
Его жидовско-римскій профиль,
И думалъ: что-то скажетъ намъ
Сей музыкальный Мефистофель?
И вотъ, при свѣтѣ лампъ и свѣчъ,
При яромъ грохотѣ оркестра,
Я изъ-за дамскихъ вижу плечъ,
Какъ тѣшитъ публику маэстро.
Трубятъ рога, гремитъ тимпанъ,
Въ колокола звонятъ надъ нами...

И надъ поющими струнами
Несется звуковъ ураганъ.
И адская слышна угроза...
И раздаются голоса...
И встали дыбомъ волоса
На головѣ у Берліоза.

Поютъ!.. увы! не понялъ я,
Что значитъ хоръ сей погребальный!
И вдругъ—тебя увидѣлъ я,
Знакомка милая моя,
Тебя, мой критикъ музыкальный!
Къ колѣнамъ уронивъ цвѣты,
Къ полудню сорванныя нами,
Межъ двухъ колоннъ сидѣла ты
Блѣдна, съ померкшими очами.
Я угадалъ: страдала ты
Безъ мысли и безъ наслажденья,
Какъ отъ какой-то духоты,
Иль въ ужасѣ отъ сновидѣнья.
И думалъ: скоро на балконъ
Мы выйдемъ... звѣзды видѣть будемъ...
И эту музыку забудемъ
(Инструментальный громъ и звонъ)—
Забудемъ, какъ тяжелый сонъ.

Баденъ-Баденъ.

На берегахъ Италіи.

Я по красному щебню схожу одинъ
Къ морю сонному,
Словно тучками мглою далекихъ вершинъ
Окаймленному.

Ахъ! какъ млѣютъ, вдали замыкая заливъ,
Выси горныя!
Какъ рисуются здѣсь, уходя въ тѣнь оливъ,
Козы черныя...

Пастухи вдали, на свои жезлы,
Съ ихъ котомками,
Опершись, стоятъ на краю скалы—
Надъ обломками.

Тамъ, у взморья когда-то стоялъ чертогъ
Съ колоннадами,
И наяды плескались въ его порогъ
Подъ аркадами.

Тамъ недавно мнѣ снился роскошный сонъ...
Но—всегда ли я
Ради этихъ сновъ забывалъ твой стонъ,
О, Италія!

Вдохновляемый плачемъ твоимъ, я схожу
Къ морю сонному,
Словно тучками, мглою далекихъ вершинъ
Окаймленному.

Тамъ въ лазурномъ туманѣ толпой встаютъ
Тѣни блѣдныя.
То не тѣни встаютъ—по волнамъ плывутъ
Пушки мѣдныя.

Корабельный флагъ отдаленьемъ скрытъ,
Словно дымкою.
Тамъ судьба твоя съ фитилемъ стоитъ
Невидимкою...

Неаполь.

Пѣсня.

Посв. Н. В. Гербелю.

Выйду—за оградой
Подышать прохладой.
Горе ночи проситъ,
Горе сны уноситъ...
Только сердце бредитъ:
Будто милый ѣдетъ,
Ѣдетъ съ позвонками
По степи широкой...
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

Ночь свѣжѣе дышетъ—
Вербою колышетъ,
Дрожью пробираетъ.
Соловей рыдаетъ.
Высыхайте слезы!
Улетайте грезы!

Дальній звонъ пронесся
За рѣкой широкой...
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

Зорька выплываетъ—
Заревомъ играетъ.
Я черезъ куртину
Проберусь въ долину...
Я лицо умою
Водой ключевою...
Вонъ и домикъ виденъ
На горѣ высокой...
Гдѣ ты, другъ мой милый,
Другъ ты мой далекій?

---

* * *

— Подойди ко мнѣ, старушка,
Я давно тебя ждала.—
И косматая въ лохмотьяхъ
Къ ней цыганка подошла.
— Я скажу тебѣ всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляетъ обмануть...

И она въ открытомъ полѣ
Сорвала себѣ цвѣтокъ,
И лепечетъ, обрывая
Каждый бѣлый лепестокъ:

— Любитъ—нѣтъ—не любитъ—любитъ.
И оборванный кругомъ,
Да,—сказалъ цвѣтокъ ей темнымъ,
Сердцу внятнымъ языкомъ.

На устахъ ея—улыбка,
Въ сердцѣ—слезы и гроза;
Съ упоеніемъ и грустью
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу,—и не лгу,
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все также грустно;
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
Берегись меня!—я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..

Въ альбомъ.

Блаженъ, кому Господь сподобилъ съ вами встрѣтиться
Не на одинъ блаженный часъ!
Чей умъ при васъ невольнымъ чувствомъ свѣтится,
Чье сердце понимаетъ васъ!
Но жалокъ тотъ, кто встрѣчею случайною
На мигъ утѣшенъ вами былъ,
И вновь поникъ, томимый жаждой тайною
За вами вслѣдъ летѣть—безъ крылъ.

Въ глуши.

Для кого разцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо—лазурь ея глазъ,
Эта роскошь—волнистыя кудри до плечъ,
Эта музыка—устъ ея тихая рѣчь?

Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
И для міра любви, и для міра искусствъ
Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.

Прикоснется ли клавишъ—заплачетъ рояль;
На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну—безотчетно грустна,
Въ безотвѣтную даль долго смотритъ она...

Что звенитъ тамъ вдали, и звенитъ, и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась!

И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?

Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
Сердце ль проситъ любви и безъ раны болитъ?
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого разцвѣла? Для чего развилась?

* * *

Недавно ты изъ мрака вышелъ,
Недавно ты пошелъ назадъ,
И все ты видѣлъ, все ты слышалъ,—
И все ты понялъ невпопадъ...
Остановись! ужель намедни,
Безумецъ, не замѣтилъ ты,
Что потушилъ огонь послѣдній,
И смялъ послѣдніе цвѣты!..

Ночь въ Крыму.

Помнишь—лунное мерцанье,
Шорохъ моря подъ скалой,
Сонныхъ листьевъ колыханье,
И цикады стрекотанье
За оградой садовой?..

Въ полумглѣ, нагорнымъ садомъ,
Шли мы... лавръ благоухалъ;
Гротъ чернѣлъ за виноградомъ,
И бассейнъ подъ водопадомъ
Переполненный звучалъ...

Помнишь—свѣжее дыханье,
Запахъ розы, говоръ струй—
Всей природы обаянье,
И невольное сліянье
Устъ въ нежданный поцѣлуй?

Эта музыка природы—
Эта музыка души
Мнѣ въ иные, злые годы,
Послѣ бурь и непогоды,
Ясно слышалась въ тиши.

Я внималъ—и сердце грѣлось
Съ юга вѣющимъ тепломъ...
Легче вѣрилось и пѣлось...
Я внималъ—и мнѣ хотѣлось
Этой музыки во всемъ...

Наяды.

(ФАНТАЗІЯ).

Quos ego!..
Virgil.

Я всю ночь просидѣлъ на уступѣ скалы,
И знакомый мнѣ ропотъ я слышалъ у ногъ:
То Эгейское море катило валы,
И плескало на рыхлый песокъ.
Тамъ, довѣрясь пустынѣ, я громко читалъ
Заунывныя пѣсни отчизны моей,
Говорилъ я народу, не видя людей,
И далёко по взморью мой голосъ звучалъ.
Надъ пучиною, въ лонѣ глубокихъ небесъ,
Почивалъ громовержецъ Зевесъ...
Все по прежнему!—вѣра была не нова...
И я громко боговъ уличалъ; но едва
Я замолкъ—на яву увидалъ чудный сонъ:

Въ лунный блескъ изъ воды поднялась голова,
И другая, и третья, и слѣдомъ за ней,
На поверхности ровно-бѣгущихъ зыбей,
И вдали, и вблизи, цѣлый рой
Ихъ возникъ изъ пучины морской.
То все были Наяды. Въ серебряной мглѣ
Рисовались ихъ очерки; тихо онѣ
Колыхались и плыли, какъ пѣна, къ землѣ,
И нагія мерцали при полной лунѣ...
И луны отраженье колебля, заливъ
Тихо къ отмели несъ ихъ, журча какъ потокъ,
И къ отлогому берегу, молча, приплывъ,
Нимфы моря локтями на влажный песокъ
Оперлись и поникли...

Я долго не могъ
Ни понять, ни разслушать ихъ. Вдругъ
Сладкогласная рѣчь поразила мой слухъ:
«Это онъ! земнородный титанъ Прометей,
«Что похитилъ огонь у небесъ!—это онъ,
«Одарившій душою людей!
«Не его ли мы слышали стонъ?
«Тише, сестры!—быть можетъ, опять
«Мы услышимъ страдальческій голосъ его,
«Научающій мыслить, страдать
«И любить, не боясь никого!»

Въ этотъ мигъ надъ заливомъ свинцовой горой
Поднялася громада-волна. Страшный гулъ
Сонный воздухъ потрясъ, и изъ пѣны морской,
Закачавшись, трезубецъ мелькнулъ.
Кверху—брызнулъ фонтанъ, книзу—прянулъ каскадъ,

Захрапѣли подводные кони... Я могъ
Только видѣть сквозь брызги зубчатый вѣнокъ
Сѣдовласаго бога—владыки Наядъ;
Но не видѣлъ лица его. Сильной рукой
Онъ возжами хлестнулъ, и сердито-глухой
Раздался его голосъ: «Вотъ я васъ! назадъ!»

Наяву ли—не знаю, быть можетъ во снѣ,
Все мгновенно исчезло—и онъ, и онѣ,
Только плачущій валъ
По песку прокатился до каменныхъ скалъ,
Только я просидѣлъ до румяныхъ лучей...
Поднимались ночные пары; чуть дышалъ
Поблѣднѣвшій заливъ, и я чутко молчалъ,
И молчало все...
Бѣдныя нимфы морей,
Не титанъ я, безсмертнаго міра творецъ.
Обманули васъ пѣсни отчизны моей!
Испугалъ васъ ревнивый отецъ!

Внутренній голосъ.

Когда душа твоя, страдая,
Полна любви; а между тѣмъ
Ты любишь, самъ не понимая,
Кого ты любишь и зачѣмъ—

Изъ глубины, откуда бьется
Пульсъ жизни сердца твоего,
Мой голосъ смутно раздается:
Услышь его! пойми его!

Кто я?—меня не видитъ око...
Но—близкій сердцу, какъ печаль—
Я, какъ мечта, ношусь далеко,
Зову и—увлекаю вдаль.

Я—не доступный мыслямъ празднымъ—
Я тотъ, кто въ благости своей,
Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливая въ нихъ,
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей твоихъ.

Но, безконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобъ жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти сѣмена—

И говорю: на почвѣ скудной
Дай вызрѣть Божьимъ сѣменамъ,
Въ день благодатный жатвы трудной
Я за дѣла твои воздамъ.

---

* * *

Корабль пошелъ на встрѣчу темной ночи...
Я легъ на палубу съ открытой головой;
Грустя, въ обитель звѣздъ вперилъ я сонны очи,
Какъ будто въ той странѣ таинственно-нѣмой
Для моего чела вѣнецъ плетутъ Плеады,
И зажигаютъ вѣчныя лампады,
И обѣщаютъ мнѣ безсмертія покой.

Но вотъ—холодный вѣтръ дохнулъ надъ океаномъ;
Небесные огни подернулись туманомъ.
И легъ я ницъ съ покрытой головой,
И въ смутныхъ грезахъ мнѣ казалось: подо мной
Наяды съ хохотомъ въ пучинный мракъ ныряютъ,
На днѣ его могилу разгребаютъ—
И обѣщаютъ мнѣ забвенія покой.

Иногда.

Ложь иногда ходитъ въ видѣ
Женщины милой и скромной:
Ложь эту помню я—помню
Ликъ ея нѣжный и томный!
Тихо звучитъ ея голосъ
Всѣмъ обаяніемъ ласки;
Полны задумчивой тайны,
Въ душу глядятъ ея глазки.

Все мнѣ казалося правдой,
Все, что бъ она ни сказала:
Я допускалъ добровольно
Къ сердцу змѣиное жало.
Самъ я хотѣлъ, самъ я жаждалъ
Сладкой отравы обмана...
О, глубока была вѣра!—
И глубока была рана!

Звѣзды.

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ млечными
Пятнами блуждающихъ,
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.

Такъ и вы, туманныя
Мысли, тихо носитесь,
И, неизъяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;
Такъ и вы, надъ нашими
Темными могилами,
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами...

Агарь.

«Завистью гонима, я бѣгу стыда—
И никто не сыщетъ моего слѣда.

«Кущи господина! сѣни госпожи!
Вертоградъ зеленый! столбъ родной межи!

«Поле, гдѣ доила я веселыхъ козъ!
Ложе, гдѣ такъ много пролила я слезъ!

«И очагъ домашній, и святой алтарь!—
Все прости навѣки!»—говоритъ Агарь.

И ее въ пустыню духъ вражды влечетъ,
И пустыня словно все за ней идетъ,

Все впередъ заходитъ, и со всѣхъ сторонъ
Ей грозитъ и душитъ, какъ тяжелый сонъ.

Сѣрые каменья, лава и песокъ
Подъ лучами солнца жгутъ подошвы ногъ.

Пальмъ высокихъ листья сухо шелестятъ;
Тѣни безъ прохлады по лицу скользятъ;

И въ лицо ей вѣтеръ дышетъ горячо;
И кувшинъ ей давитъ смуглое плечо.

Сердце замираетъ, ноги устаютъ,
Слезы высыхаютъ, и опять текутъ...

Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краямъ оврага свѣжіе слѣды.

Знать, не даромъ пастырь здѣсь прогналъ стада.
Вотъ—скамья и жолобъ, зелень и вода.

И, слагая ношу, сѣла отдыхать
Бывшая рабыня—будущая мать.

И страшась пустыни и боясь пути,
И не зная гдѣ ей спутниковъ найти,

Головой поникла съ тайною мольбой.
Вдругъ, какъ будто съ вѣтромъ, сладостно-живой

Голосъ не воздушный, но и не земной
Прозвучалъ въ пустынѣ, говоря съ душой.

И она очнулась... слушая, глядитъ,
Видитъ—ангелъ Божій на пескѣ стоитъ.

Бѣлая одежда, бѣлое крыло,
Кроткое сіянье—строгое чело.

—Ты куда?—спросилъ онъ. «Я иду въ Кадисъ».
И сказалъ ей ангелъ:—съ миромъ воротись.—

«Я бѣгу отъ Сары, госпожи моей».
И сказалъ ей ангелъ:—примирися съ ней!..

— И родишь ты сына, силу многихъ силъ...
Наречеши имя ему Измаилъ:

— И рука Господня будетъ вѣчно съ нимъ...
Населятся страны сѣменемъ твоимъ...—

И съ отрадой въ сердцѣ начала вставать
Бывшая рабыня—будущая мать.

* * *

Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ;
Горѣли свѣчи; изъ кадильницъ дымъ
Вставалъ столбомъ; и съ пѣньемъ гробовымъ
Сливался гласъ молитвъ покорныхъ...
И язвы Господа, который распятъ былъ,
Толпа лобзала грѣшными устами;
А я—одну тебя, скорбя, искалъ глазами
Въ дыму бряцающихъ кадилъ.
И видѣлъ я, какъ жарко ты молилась,
Какъ вѣры чистый лучъ въ глазахъ твоихъ сіялъ;
Твоя душа на небо возносилась,
Я на землѣ по ней, какъ грѣшникъ, тосковалъ.
Сегодня свѣтлый день и церковь, торжествуя,
Поетъ: «Христосъ воскресъ!»—колокола звучатъ;
Весной дыша и празднично ликуя,
Толпы по улицамъ шумятъ.
Въ веселыхъ маскахъ ходятъ лицемѣры;
Готовы цѣловать меня враги мои;
А мнѣ,—я чувствую, какъ мало свѣта вѣры,
Безъ теплаго луча твоей любви.
Но, гдѣ же ты?—зову, молю—хоть мимо
Пройди, о геній чистый мой!
Мнѣ кротко улыбнись улыбкой херувима,
Иль, какъ дитя, посмѣйся надо мной!
Слегка руки моей коснись твоей рукою;
Наполни душу мнѣ предчувствіемъ небесъ,
Чтобъ могъ я радостно, воскреснувши душою,
Произнести: воистину воскресъ!

Сны.

I.

Затворены душныя ставни;
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

Мнѣ снилось: румяное солнце
Въ постели меня застаетъ,
Кидаетъ лучи по окошкамъ,
И молодость къ жизни зоветъ.

И странно, во снѣ мнѣ казалось,
Что будто, пригрѣтый лучомъ,
Лѣниво я голову поднялъ
И сталъ озираться кругомъ.

И вижу, толпа за толпою
Снуетъ мимо оконъ моихъ...
О, глупые люди! куда вы?
Я думаю, глядя на нихъ.

И самъ наконецъ я за ними
Куда-то спѣшу изъ воротъ...
И жжетъ меня полдень, и пыльный
Кругомъ суетится народъ.

И ходятъ послушныя ноги,
И движутся руки мои,
Безъ мысли языкъ мой лепечетъ
И сердце болитъ безъ любви.

И вотъ ужь гляжу я на западъ,
Усталою грудью дыша:
Когда-то закатится солнце!
Когда-то проснется душа!

Проснулся: затворены ставни,
Одинъ я лежу, безъ огня.
Не жаль мнѣ ни яснаго солнца,
Ни Божьяго бѣлаго дня.

II.

Мнѣ снилось, легка и воздушна,
Прошла она мимо окна;
И слышу я голосъ: мой милый!
Спѣши! я сегодня одна!...

Слова эти были такъ нѣжны,
И такъ нетерпѣнья полны,
Что сердце мое встрепенулось,
Какъ птичка на встрѣчу весны.

И радостнымъ сердца движеньемъ
Себя разбудилъ я... увы!
Глядѣла въ окно мое полночь,
И слышались крики совы.

И долго лежалъ я; и дума
Была, какъ свинецъ, тяжела.
Неужели въ это окошко
Она меня громко звала!

Неужели въ это окошко
Другимъ я когда-то смотрѣлъ—
Былъ вѣтренъ, и молодъ, и веселъ,
И многаго знать не хотѣлъ!..

III.

Ужь утро!—но, Боже мой, гдѣ я?
Въ своемъ ли я нынче умѣ?
Вчера мнѣ казалось такъ живо,
Что я засыпаю въ тюрьмѣ.

Что кашляетъ сторожъ за дверью,
И что за туманнымъ стекломъ,
Луна изъ-за черной рѣшотки
Сіяетъ холоднымъ серпомъ.

Что мышка подкралась и скоблетъ
Ночникъ мой, потухшій въ углу,
И что все какая то птичка
Съ надворья стучитъ по стеклу.

Ужь утро! —но, Боже мой, гдѣ я?
Заснулъ я какъ будто въ тюрьмѣ,
Проснулся какъ будто свободный:
Въ своемъ ли я нынче умѣ?

IV.

Подсолнечное царство.

Клонитъ сонъ—стихи прощайте!
Погасай, моя свѣча.
Сплю—и слышу, будто гдѣ-то
Ходитъ маятникъ, стуча.

Ходитъ маятникъ, и—сонный—
Чтобъ догнать его скорѣй,
Какъ по воздуху, иду я
Вдаль за тридевять полей.

И хочу я въ тридесятомъ
Государствѣ кончить путь,
Чтобъ хоть тамъ свободнымъ словомъ
Облегчить больную грудь.

И я вижу въ тридесятомъ
Государствѣ на часахъ,
Сторожа стоятъ въ туманѣ
Съ самострѣлами въ рукахъ.

На мосту собака лаетъ—
И въ испугѣ черезъ садъ
Я иду подъ сводъ какихъ-то
Фантастическихъ палатъ.

Узнаю родныя стѣны...
И тайкомъ иду въ покой,
Гдѣ подсолнечнаго царства
Царь лежитъ съ своей женой.

Котъ мурлычетъ на лежанкѣ;
Свѣтитъ лампа—царь не спитъ—
И сѣдая изъ подушекъ
Борода его торчитъ.

На глаза колпакъ напяливъ,
Шевелитъ онъ бородой,
И ведетъ такія рѣчи
Обо мнѣ съ своей женой.

Сокрушилъ меня царевичъ,
Кто мнѣ что ни говори—
А, любя стихи да риѳмы,
Не годится онъ въ цари.

Я лишу его наслѣдства.—
А жена ему въ отвѣтъ:
Будетъ бѣдненькій по царству
Онъ скитаться, какъ поэтъ.—

Но—сказалъ отецъ: дозволимъ
Мы за это, такъ и быть,
Нашей фрейлинѣ съ безумцемъ
Одиночество дѣлить.—

У нея въ лицѣ любовью
Дышетъ каждая черта,
У него — въ стихахъ недаромъ
Все любовь, да красота.

— Но,— отвѣтила царица:
Наша фрейлина горда
И отвергнутаго нами
Не полюбитъ никогда.

«Ахъ!—кричу я имъ: лишите
Вы меня всего, всего.
Все-то ваше царство врядъ ли
Стоитъ сердца моего!

Но ужель она, чьи очи
Свѣтятъ раемъ, такъ горда,
Что отвергнутаго вами
Не полюбитъ никогда!»

V.

Тишь и мракъ.

Я спалъ—и гнетущаго страха
Волненье хотѣлъ превозмочь—
И видѣлъ я сонъ, будто свѣтитъ
Какая-то странная ночь.

Дымясь, неподвижныя звѣзды
Въ эѳирѣ горятъ, какъ смола,
И запахомъ ладана сильно
Ночная пропитана мгла.

И мѣсяцъ холодный, какъ будто
Мертвецъ, посреди облаковъ,
Стоитъ надъ долиной, покрытой
Рядами могильныхъ холмовъ.

Недвижно поникли деревья;
Далеко стоитъ тишина:
Природа какъ будто не дышетъ
Въ объятіяхъ мертваго сна.

И весь я вниманье,—и сердцемъ
Далеко я въ ночь уношусь
И жду хоть единаго звука,—
И крикнуть хочу и—боюсь!

И вдругъ, съ легкимъ трескомъ все небо
Подвинулось,—звѣзды текутъ,
И катится мѣсяцъ, какъ будто
На немъ гробъ тяжелый везутъ.

И темныя тучи печальнымъ
Надъ нимъ балдахиномъ висятъ,
И красныя звѣзды, какъ свѣчи,
Повитыя крепомъ, горятъ.

И катится мѣсяцъ все дальше
И дальше въ бездонную ночь,
И звѣзды за нимъ въ безконечность
Уходятъ изъ глазъ моихъ прочь...

Ихъ слѣдъ, какъ дымокъ отъ фосфора,
Какъ облачко, въ черной дали
Расплылся,—и мракъ непроглядный
Одѣлъ мертвый черепъ земли.

И сталъ я блуждать въ этомъ мракѣ
Одинъ, какъ слѣпецъ. Не ночной—
Могильный былъ мракъ, и повсюду
Была тишина и покой.

Такой былъ покой, и такая
Была тишина, что—листокъ
Въ лѣсу покачнись, или капля
Скатись—я услышать-бы могъ.

То весь замиралъ я и долго
Стоялъ неподвижно; то билъ
Я въ землю ногами, не видя
Ни ногъ, ни земли; то ходилъ,

Кружась, какъ помѣшанный,—падалъ;
Лежалъ, самъ съ собой говорилъ,
Вставалъ, щупалъ воздухъ руками,
И вдругъ—чью-то руку схватилъ...

И мигомъ я понялъ, что это
Была не мужская рука:
У ней были нѣжные пальцы,
Она была стройно легка.

И такъ эту руку схватилъ я,
Какъ будто добычу поймалъ—
И такъ я былъ радъ, что казалось,
На время дышать пересталъ.

«Ага! не одинъ я—не всѣ мы
Пропали!» я думалъ. «Есть грудь
Другая, которая можетъ
И закричать, и вздохнуть».

«О, кто ты?» шепталъ я: «хоть слово
Скажи мнѣ, хоть слово! и мнѣ
Оно будетъ музыкой въ этой
Могильной, нѣмой тишинѣ...

«Откуда ты шла? Гдѣ застигла
Тебя эта тьма?—Говори!
Мнѣ звуки рѣчей твоихъ будутъ
Сіяніемъ новой зари».

Молчанье—молчанье; ни слова,
Ни вздоха... Одна лишь рука
Незримая руку мнѣ жала
И трепетала слегка.

Напрасно порывисто, жадно
Уста я устами ловилъ,
Напрасно лобзалъ ее въ очи,
И плечи слезами кропилъ.

Она предавала все тѣло
Мучительнымъ ласкамъ моимъ;
А я — я шепталъ: «умоляю,
Порадуй хоть словомъ однимъ».

Молчанье, молчанье—и вотъ ужъ
Я самъ пересталъ говорить,
И помню, во снѣ, какъ безумецъ,
Готовъ былъ ее укусить!!

Но въ эту минуту, рванувшись,
Какъ змѣй ускользнула она,
И стало опять: мракъ во мракѣ
И въ тишинѣ—тишина...

Съ простертыми долго руками
Ходилъ я, рыдая, стеня,
Шатаясь—и тьму обнималъ я,
И тьма обнимала меня.

Споткнувшись на что-то, я поднялъ
Какую-то книгу—раскрылъ
Страницы—и легъ съ ней на землю—
И лбомъ къ ней припалъ—и застылъ.

Изъ книги, мнѣ чудилось, буквы
Всплывали,—и ярче огня
Сверкали и въ жгучія строки
Слагались въ мозгу у меня.

И страшныя мысли читалъ я
Въ невидимой книгѣ—какъ вдругъ
На словѣ «проклятье» очнулся—
И оглянулся вокругъ.—

О, Боже мой! гдѣ я!!—Сквозь щели
Затворенныхъ ставень сквозятъ
Лучи золотые! то солнца
Глаза золотые глядятъ.

Глядятъ и смѣются,—и сердце
Очнулось и, жизни привѣтъ
Почуя, взыграло, какъ будто
Впервые увидѣло свѣтъ...

Туманъ.

Какой туманъ! ни солнца нѣтъ, ни тучи!
Деревья облеклись въ какой-то дымъ пловучій;
И тянется сырой, бревенчатый заборъ
Вдоль грязной улицы, обманывая взоръ...
Вотъ нашей осени унылая картина!
Нѣтъ, что ни говори, здѣсь грустно безъ хлопотъ;
Меня здѣсь подъ ярмо сама природа гнетъ...
Недаромъ—эта блажь, безсонница, кручина,
Холодный сонъ души, или страстей обманъ,
Иль робость школьника, который передъ носомъ
Учителя стоитъ, запуганный вопросомъ;
Недаромъ иногда сквозь сѣющій туманъ,
Все, чѣмъ жила душа, мнѣ кажется хаосомъ.
О, гдѣ ты? гдѣ, покинутая мной
Въ тѣ дни, когда я жилъ не сердцемъ, а мечтой,
И къ подвигамъ себя берегъ въ часы досуга?
Откликнись! воротись, утѣшь названьемъ друга!
Но—я на сѣверѣ, а ты подъ солнцемъ юга—
И мой тяжелый вздохъ къ тебѣ не долетитъ.

She walks in beauty like the night.
Byron.

Тѣнь ангела прошла, съ величіемъ царицы:
Въ ней были мракъ и свѣтъ, въ одно видѣнье слиты.
Я видѣлъ темныя, стыдливыя рѣсницы,
Приподнятую бровь и блѣдныя ланиты...
И съ гордой кротостью уста ея молчали:
И мнилось, еслибъ вдругъ они заговорили,
Такъ много бы прекраснаго сказали,
Такъ много бы высокаго открыли,
Что и самой бы стало ей невольно
И грустно, и смѣшно, и тягостно, и больно.

Какъ воплощенное страданіе поэта,
Она прошла въ толпѣ съ величіемъ смиренья;
Я проводилъ ее глазами безъ привѣта
И безъ восторженныхъ похвалъ, и безъ моленья.
Съ благоговѣніемъ уста мои молчали,
Но еслибъ какъ нибудь они заговорили,
Такъ много бы безумнаго сказали,
Такъ много бы сердечныхъ язвъ раскрыли,
Что самому мнѣ стало бъ вдругъ невольно
И стыдно, и смѣшно, и тягостно, и больно.

Утрата.

Когда предчувствіемъ разлуки
Мнѣ грустно голосъ вашъ звучалъ;
Когда, смѣясь, я ваши руки
Въ моихъ рукахъ отогрѣвалъ;
Когда дорога яркой далью
Меня манила изъ глуши—
Я вашей тайною печалью
Гордился въ глубинѣ души.

Передъ непризнанной любовью
Я веселъ былъ въ прощальный часъ,
Но, Боже мой! съ какою болью
Въ душѣ очнулся я безъ васъ!
Какими тягостными снами
Томитъ, смущая мой покой,
Все недосказанное вами
И недослушанное мной!

Напрасно голосъ вашъ привѣтный
Звучалъ мнѣ, какъ далекій звонъ,
Изъ-за пучины: путь завѣтный
Мнѣ къ вамъ навѣки прегражденъ!
Забудь же, сердце, образъ блѣдный,
Мелькнувшій въ памяти твоей,
И вновь у жизни чувствомъ бѣдной
Ищи подобья прежнихъ дней!

Хандра.

На старый онъ диванъ ничкомъ
Ложился, протянувши ноги,
И говорилъ, дыша съ трудомъ,
Такіе монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
Какіе страшные пигмеи!
Добро бъ глупцы, добро бъ злодѣи
Неотразимою враждой
Меня терзали!.. Нѣтъ! съ глупцами
Я бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
Я бъ вышелъ на открытый бой.
Кто безкорыстно правдѣ служитъ,
Кто за себя стоитъ—не тужитъ!
Но какъ бороться съ пустотой
Полу-слѣпой, полу-глухой,
Которая мутитъ и кружитъ?
Бороться радъ бы—силы нѣтъ...
Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость,
И весь я сталъ ни то, ни се...
И жизнь подчасъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!
Я только вздоръ одинъ предвижу,
Какая-то галиматья
Выходитъ изъ того, что я
Вседневно слышу, или вижу!
Не только некого любить,
Мнѣ даже некого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.

Я точно—личность безъ лица.
Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ занозъ,
А разомъ вспыхнуть не умѣю;
Когда я плачу—стыдно слезъ,
Когда смѣюсь—за смѣхъ краснѣю...
Какая жизнь! какой хаосъ!»

Холодѣющая ночь.

(фантазія).

(Посв. М. Ѳ. Штакеншнейдеръ).

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ—
Странникъ бѣдный—только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги—
Юга царственную дочь.

И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зари,
На пути, въ пространствахъ неба,
Зажигая алтари.

Боже! какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!

Но, увы! судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ ночи:
«Ненаглядная, прости!»

А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла...
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Вслѣдъ за мной она текла.

То сходила на долину
Съ томно-блещущимъ челомъ,
И задумчиво стояла
Надъ моимъ степнымъ костромъ;

То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано скошенныхъ луговъ...

Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шелъ, чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:

То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяцъ прятала въ кольцо;
То съ одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.

Чѣмъ я дальше шелъ на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.

И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моей!»

И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутилися глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.

И пошла она, и бѣлымъ
Замахала рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжные столбомъ.

Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрелъ домой.
Вижу—ночь лежитъ въ долинѣ
Подъ серебряной парчей—

И беззвучно мнѣ лепечетъ:
«Погляди, какъ я мертва:
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣетъ голова».

«Но гляди—все тѣ же звѣзды
Надъ моею головой...
Красотой моею мертвой
Полюбуйся, милый мой!»

«И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ,
Въ прежнемъ блескѣ я возстану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!»

«Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоню главу мою,
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣсню райскую спою».

* * *

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Многоли жь дѣлъ мы запишемъ—
Много ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ, и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Ночь въ Соренто.

Волшебный край! Соренто дремлетъ—
Умъ колобродитъ—сердце внемлетъ...
Тѣнь Тасса начинаетъ пѣть,
Луна сіяетъ, море манитъ,
Ночь по волнамъ далеко тянетъ
Свою серебряную сѣть.

Волна, скользя, журчитъ подъ аркой;
Рыбакъ зажегъ свой факелъ яркій
И мимо берега плыветъ.
Надъ моремъ, съ высоты балкона,
Не твой ли голосъ, примадонна,
Взвился и замеръ?—Полночь бьетъ.

Холодной мѣди бой протяжный,
Будильникъ совѣсти продажной.
Ты не разбудишь никого!
Одно невѣжество здѣсь дышитъ:
Все исповѣдуетъ, все слышитъ,—
Не понимая ничего...

Но отъ полуночнаго звона,
Зачѣмъ твой голосъ, примадонна,
Оборвался и онѣмѣлъ?
Кого ты ждешь, моя синьора?
О! ты не та Елеонора,
Которую Торквато пѣлъ...

Кто тамъ, на звонъ твоей гитары,
Прошелъ въ тѣни съ огнемъ сигары?
Зачѣмъ махнула ты рукой,—
Облокотилась на перила,
Лицо и кудри наклонила,
И вновь поешь: «О, идолъ мой!»

Объятый трепетомъ и жаромъ,
Я чувствую, что здѣсь не даромъ
Италія горитъ въ крови...
Луна сіяетъ—море дремлетъ—
Умъ колобродитъ—сердце внемлетъ,
Тѣнь Тасса плачетъ о любви.

Чивита-Векіа.

Встала надъ моремъ съ казарменной скукою
Крѣпость, угрюмѣе моря суроваго...
Въ миломъ лицѣ я искалъ предъ разлукою,
Нѣтъ ли для сердца чего нибудь новаго.

Долго смотрѣлъ я, какъ лодка качалася—
Ты уплыла—я остался надъ палубой,
И ничего для меня не осталося
Кромѣ неволи съ безплодною жалобой.

Снова помчуся я въ море шумящее,
Новыя пристани ждутъ меня странника;
Лишь для тебя, мое сердце скорбящее,
Нѣтъ родной пристани, какъ для изгнанника.

Одному изъ дѣтей въ Парижѣ.

Съ отрадной вѣрою въ твое предназначенье,
Пусть папа шлетъ тебѣ свое благословенье,
Пусть мать, съ улыбкою склоняясь надъ тобой,
Лепечетъ своему супругу и герою:
«Не правда ли, онъ милъ». Пусть весь Парижъ толпою
Сбѣгается глазѣть на пестрый твой конвой,
Когда въ Булонскій лѣсъ, въ каретѣ откидной
Ты ѣдешь, саблями со всѣхъ сторонъ прикрытый:—
Мнѣ жаль, мнѣ жаль тебя, ребенокъ знаменитый.
Ты зла не совершилъ, не мыслилъ даже зла:
Въ тебѣ, какъ и во мнѣ, есть только зла возможность.
Откуда же враги и эта осторожность?
Какая власть тебя такъ рано обрекла
На этотъ вѣчный страхъ!—Кто тайный мечъ повѣсилъ
Надъ головой твоей?!—Гляди, какъ пышенъ дворъ,—
Какъ радостенъ Парижъ,—какъ ласковъ разговоръ
Придворныхъ дамъ,—и какъ отецъ твой веселъ!
Предвидя сумрачной, усталою душой,
Грядущихъ праздниковъ ненужныя затѣи,
Отецъ твой, маршаловъ блестящею толпой
Сопровождаемый, побѣдные трофеи
Сегодня внесъ въ Парижъ; и барабанный бой,
И музыка, и гулъ, и радостные клики
Еще звенятъ въ ушахъ державнаго владыки.—
Тебя цѣлуетъ онъ; ужь дѣтскія мечты
Твои упоены,—невидимой отравы
Огонь передъ тобой рисуетъ призракъ славы
И самовластія—и не узнаешь ты,
Средь лицемѣрія восторговъ и смиренья,
Какъ міру не легко сносить твое рожденье.

Счастливое дитя! чтобъ цвѣтъ твой не увялъ,
Отецъ твой Францію наполнилъ чуднымъ чадомъ.
Чтобъ ты былъ невредимъ, отецъ твой сладкимъ ядомъ
Свободу отравилъ . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Счастливое дитя! чтобъ сонъ твой былъ покоенъ,
Отецъ твой доказалъ, что онъ искусный воинъ:
Ужъ сотни тысячъ спятъ въ землѣ холоднымъ сномъ,
Уже Италія, что ныла подъ ярмомъ,
Очнувшись, вновь должна страдать и надрываться,
Чтобъ могъ ты сладко спать и сладко улыбаться.
1859.

На Женевскомъ озерѣ.

На Женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветъ.
Ѣдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребетъ,
Видитъ онъ—по злачному
Скату береговъ,
Много въ темной зелени
Прячется домовъ;
Видитъ, подъ окошками
Возлѣ синихъ водъ,
Въ виноградномъ садикѣ
Красный макъ цвѣтетъ;
Видитъ,—изъ-за домиковъ,
Въ вѣковой пыли,
Колокольни сѣрыя

Подняли шпили,
А за ними вѣчныя
Въ снѣжныхъ пеленахъ,
Выси допотопныя
Тонутъ въ облакахъ—
И душой мятежною
Погрузился онъ
О далекой родинѣ
Въ неотвязный сонъ.
У него на родинѣ
Ни озеръ, ни горъ;
У него на родинѣ
Степи да просторъ.—
Изъ простора этого
Некуда бѣжать.
Думы съ вѣтромъ носятся—
Вѣтра не догнать.

Женщинѣ.

Когда во мнѣ душа кипѣла,—
Когда она, презрѣвъ судьбу,
Рвалась изъ тѣснаго предѣла
На свѣтъ, на волю, на борьбу.—
Зачѣмъ тогда не укротила
Ты духъ мой гордый и слѣпой,
Чтобъ даромъ не погибла сила
Въ борьбѣ безплодной и пустой?

Когда тоскливый, безпокойный,
Безъ цѣли—въ даль отъ суеты,
То мчался я по степи знойной,
То лѣзъ на снѣжные хребты.—

Зачѣмъ звѣздою путеводной
Ты не сіяла предо мной?
Быть можетъ, гордый и свободный,
Нашелъ бы я мой путь прямой.

Когда отъ жизни уставая,
Въ нетрезвомъ полузабытьи
Я повторялъ: о, жизнь пустая!
О, силы прежнія мои!—
Какъ лучъ востока благодатный,
Зачѣмъ тогда не разбудилъ
Меня твой голосъ, сердцу внятный,
И падшихъ силъ не обновилъ?

Когда лампаду трудовую,
Какъ рабъ нужды, зажегъ я вновь,
И проклиналъ страну родную
Безъ вѣры въ славу и любовь...
Зачѣмъ, когда лампада гасла,
Не ты пришла, и въ поздній часъ,
Какъ другъ, спасительнаго масла—
Не ты влила, чтобъ свѣтъ не гасъ?

Когда по слякоти шагая,
Въ туманъ,—я отличалъ едва
Себя отъ грязи—такъ больная
Была туманна голова.—
Зачѣмъ отъ этого ненастья
Ты разумъ мой не сберегла,
И отъ постыднаго участья
Своимъ участьемъ не спасла?

Но кто же ты?—къ кому упреки!..
Тебя я съ юныхъ лѣтъ не зналъ:
Не ты давала мнѣ уроки,
Когда мой слабый умъ блуждалъ,

Не ты любить меня учила,
Когда безумно я любилъ,
Не ты меня благословила
Бороться до утраты силъ.

Шли годы.—Съ упованьемъ тайнымъ
Разстался я.—Къ чему жъ теперь,
Видѣньемъ свѣтлымъ и случайнымъ,
Ты къ старику стучишься въ дверь—
И слезы позднія роняя,
Мнѣ шепчешь: о! какъ ты грѣшилъ!
Какъ низко падалъ!—но—святая,
Гдѣ ты была, когда я жилъ?

1859.

Иная зима.

Я помню, какъ дѣтьми съ румяными щеками
По снѣгу хрупкому мы бѣгали съ тобой,
Насъ добрая зима косматыми руками
Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой.
А позднимъ вечеромъ твои сіяли глазки,
И на тебя глядѣлъ изъ печки огонекъ,
А няня старая намъ сказывала сказки,
О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ.

Но та зима отъ насъ ушла съ улыбкой Мая,
И лѣтній жаръ простылъ—и вотъ, заслыша вой
Осенней бури, къ намъ идетъ зима иная,—
Зима бездушная,—и ужъ грозитъ клюкой...
А няня старая ужъ ножки протянула—
И спитъ себѣ въ гробу, и даже не глядитъ,
Какъ ты, усталая, къ моей груди прильнула,

Какъ будто слушаешь, что́ сердце говоритъ.
А сердце въ эту ночь, какъ няня, къ дѣтской ласкѣ
Неравнодушное, раздуло огонекъ,
И на ушко тебѣ разсказываетъ сказки
О томъ, какъ жилъ да былъ на свѣтѣ дурачекъ.

Казачка.

Ужъ осень! Кажется, давно ли
Цвѣтущимъ ландышемъ дремучій па́хнулъ лѣсъ,
И рѣки, какъ моря, сливалися по волѣ
Весною дышущихъ небесъ!

Давно ль ладья моя качалась
Тамъ, гдѣ теперь скрипятъ тяжелые возы;
Давно ли жаркая въ разливѣ отражалась
Заря, предвѣстница грозы!

Я помню—облаковъ волокна
Сплывалися, и ночь спускалася кругомъ
На крыльяхъ вѣтра, а вдали сверкали о́кна,
И грохоталъ весенній громъ.

И въ блескѣ молній мнѣ казалось
Волшебнымъ островомъ знакомое село.
Я плылъ—горѣла грудь—ладья моя качалась
И вырывалося весло.

Я правилъ къ берегу разлива,
И хата, крытая соломою, съ крыльцомъ,
Ко мнѣ навстрѣчу шла, мигая мнѣ пугливо
Уединеннымъ огонькомъ.

Стихало. Туча громовая
Отодвигалася за дальніе плетни;
Пѣлъ соловей, а я причаливалъ, бросая
Весло свое на дно ладьи.

О, ночка, золотая ночка,
Какъ ты свѣжа была, безлунная, въ звѣздахъ!
Какъ ты притихла вдругъ, когда ея сорочка
Мелькнула въ темныхъ воротахъ.

Казачка бѣдная! пугливой
Голубкой ты росла;—но ты меня рукой,
Манила издали,—меня твой взоръ ревнивый
Могъ узнавать во тьмѣ ночной.

Не диво! Корень приворотный
Мнѣ за карбованецъ отецъ твой навязалъ,
И ужъ чего-чего старикъ словоохотный
Мнѣ про него не насказалъ.

Когда послѣдній шкаликъ водки
Хвативъ, онъ поклялся, хмѣльной, на образахъ,—
Ты вышла, блѣдная, изъ-за перегородки,
И долго плакала въ сѣняхъ.

И недоступная дѣвчина,
Ты въ эту ночь пошла, какъ тѣнь пошла за мной...
Я помню, лѣсъ былъ тихъ и сонная долина
Въ росѣ бѣлѣлась подъ луной.

Когда холодными руками
Ты обвила меня, и съ головы платокъ
Скатился на плеча,—прильнувъ къ устамъ устами,
Я страсти одолѣть не могъ...

На самомъ дѣлѣ оправдала
Ты знахарство отца: ни плеть его съ тѣхъ поръ,
Ни брань, ни кулаки, ничто не помогало...
Силенъ былъ вражій приговоръ...

На посидѣлкахъ опустѣла
Въ кругу дѣвчатъ твоя обычная скамья.
Ты мнѣ лишь одному степныя пѣсни пѣла,
Свои предчувствія тая.

Бѣдняжка! въ корень приворотный
Ты вѣрила; а я,—я вѣрилъ, что весна
Колдуетъ и въ гнѣздѣ у птички беззаботной,
И у косящата окна.

---

* *
*

Моей молоденькой сосѣдкѣ
Ужь минуло шестнадцать лѣтъ;
У ней голубенькіе глазки
И очень узенькій корсетъ.
Bonjour! я ей сказалъ однажды,
И ей отвѣсилъ мой поклонъ.
Съ тѣхъ поръ, при каждой нашей встрѣчѣ,
Она краснѣетъ, какъ піонъ.
Не говоритъ со мной, дичится,
Отъ маменьки не отстаетъ;
Мой Богъ! чего она боится?
Она не мышь, а я не котъ.
Ей-ей, не нахожу причины...

А впрочемъ, господа,—
Листы молоденькой осины
Дрожатъ безъ вѣтра иногда.

Натурщица.

Много дней, ночей тоскливыхъ,
Посреди родныхъ слезливыхъ,
Искалѣченныхъ нуждой,
Провела я, голодая,
Прежде чѣмъ, полунагая,
Появилась въ мастерской.

Помню все, какъ я дрожала,
Колебалась, умоляла:
«Завяжите хоть глаза!»
И когда я вдругъ явилась
Нимфой,—горькая скатилась
По щекѣ моей слеза.

Стыдъ прошелъ, и вотъ изъ нужды,
Я служу искусству; чужды
Мнѣ приличья свѣтскихъ дамъ:
Какъ онѣ, я не скрываюсь,
И, когда я раздѣваюсь,
Раздѣвать себя не дамъ.

Дальше руки! Наготою—
Богомъ данной красотою,
Я пришла не соблазнять.
Обожай, какъ душу, тѣло.
Вотъ оно—скорѣй за дѣло—
Начинай съ меня писать.

Изъ окна здѣсь вѣетъ лѣтомъ,
Весь мой торсъ проникся свѣтомъ
Отъ плеча и до колѣнъ.

Мнѣ не стыдно, не обидно;
Только такъ... порой завидно;
Для чего я не манкенъ!

Твой манкенъ не проситъ хлѣба,
Не боится кары неба,
Не клянетъ своей судьбы;
Онъ не зналъ обидъ напрасныхъ,
Соблазнителей безстрастныхъ,
Сокрушительной борьбы.

Кисть изъ рукъ твоихъ упала...
И тебѣ борьбы не мало
Предстоитъ. Бѣднякъ, учись!
Напряги свое вниманье.
Я стою, какъ изваянье,
Ты въ терпѣнье превратись.

Дни, года пройдутъ, быть можетъ,
Нагота моя поможетъ
И тебѣ карманъ набить.
Я же, снова голодая,
Можетъ быть, прійду, больная,
Подъ окно твое просить.

Переходъ черезъ Нѣманъ.

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: «Vivat!»
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,
На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ—
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ, и видитъ—
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
«Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!»—
И мнится ему въ то-же время—сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ...

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!» говорятъ ему слава и геній.
«Впередъ, императоръ! впередъ!»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ—
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

* *
*

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи,
Знойнымъ вечеромъ блуждали,
И на грудь скалы горючей
Къ ночи медленно сползали.
Но—сошлись—не уступили
Той скалы другъ-другу даромъ,
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ,—по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала—такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказалась,
Такъ вздохнула,—что не смѣли
Повторить удара тучи,
И у ногъ скалы горючей
Улеглись и обомлѣли.

---

* *
*

Свѣтъ восходящихъ звѣздъ—вся ночь, когда она
Свѣтла безъ мѣсяца, безъ облаковъ темна,
Заключена въ глазахъ твоихъ чудесныхъ.
При нихъ теряюсь я, и не могу понять—
И словомъ не могу понятнымъ передать
Волненій, сердцу неизвѣстныхъ.
Я вѣрю иногда, что мнѣ въ глазахъ твоихъ
Читать любовь—была бъ отрада;
А иногда мнѣ страшно возлѣ нихъ,
Какъ темной ночью возлѣ клада.

Что выражаетъ мнѣ твой непонятный взглядъ,
Когда глаза твои глядятъ и не глядятъ
Изъ-подъ рѣсницъ тяжеловѣсныхъ?
Не такъ ли двѣ звѣзды, двѣ путницы небесныхъ,
Не зная, чьи мечты за ними вслѣдъ текутъ,
Горятъ—не грѣютъ, но влекутъ...

Сумасшедшій.

Кто говоритъ, что я съ ума сошелъ?!
Напротивъ...—я гостямъ радешенекъ... Садитесь!..
Какъ это вамъ не грѣхъ! неужели я золъ!
Не укушу—чего боитесь!

Давило голову—въ груди лежалъ свинецъ...
Глаза мои горятъ—но я давно не плачу—
Я все скрывалъ отъ васъ... Внимайте, наконецъ,
Я разрѣшилъ мою задачу!..

Да, господа! міръ обновленъ.—Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку.
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку.—

Народы поднялись и обнажили мечъ;
Но образумились и обнялись какъ братья.
Гербы и знамена—все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное—свѣтло—
Просторно...—На землѣ нѣтъ ни одной столицы,

Тирановъ также нѣтъ—и все какъ сонъ прошло:
Рабы, оковы и темницы—

Науки царствуютъ—видѣнья отошли,
Одни безумцы ими одержимы...
Чу! слышите—поютъ со всѣхъ концовъ земли
Невидимые херувимы.

Ликуйте! вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райской гимнъ изъ сердца такъ и рвется—
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ, въ одну струну—
Что если сердце оборвется!!..

Тишь.

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны, ни парусовъ.
Мореплаватель сердито
Въ даль пустую не гляди;
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась... погоди!

Увѣщанье.

Неизмѣнною душою
Одарилъ тебя творецъ,
Влюблена ты—все напрасно!—
Онъ женихъ—всему конецъ!

Голосъ чести—правды голосъ
Отзывается въ тебѣ,
И сочувствіе находитъ
Все, что падаетъ въ борьбѣ.

Къ молодому поколѣнью,
Безучастный и слѣпой,
Онъ не нынче—завтра будетъ
Обладать твоей рукой.

Кто-жъ изъ васъ кого накажетъ—
Онъ тебя, иль ты его?
Кто кого скорѣе свяжетъ
И погубитъ?—Для чего!..—

Для того-ль, чтобъ всѣ сказали:
Вотъ примѣрная жена,
Мужъ у ней по дудкѣ пляшетъ,
А она ему вѣрна!—

Иль напротивъ:—вотъ примѣрный,
Честный мужъ, по старинѣ,
Не даетъ онъ много воли,
Ни лакеямъ, ни женѣ...

Развѣ можетъ быть чертогомъ
Развалившійся чертогъ!
Иль оптическимъ обманомъ
Онъ мечты твои увлекъ...

Такъ развалина глухая,
Жаркой тронута зарей,
Словно замокъ издалека
Приглашаетъ на покой.

Подойди—и гдѣ твой замокъ!—
— Стѣнъ обломки, да трава—
Да въ окнѣ сидитъ слѣпая,
Пучеглазая сова.

Финскій берегъ.

(Посв. М. Е. Кублицкому).

Лѣсъ да волны, берегъ дикій;
А у моря, домикъ бѣдный.
Лѣсъ шумитъ; въ сырыя окна
Свѣтитъ солнца призракъ блѣдный.

Словно звѣрь голодный, воя,
Вѣтеръ ставнями шатаетъ.
А хозяйки дочь, съ усмѣшкой,
Настежь двери отворяетъ.

Я за ней слѣжу глазами,
Говорю съ упрекомъ: гдѣ ты
Пропадала? Сядь хоть нынче
Доплетать свои браслеты.

И окошко протирая
Рукавомъ своимъ суконнымъ,
Говоритъ она лѣниво
Тихимъ голосомъ и соннымъ:

«Для чего плести браслеты?
«Господину не въ охоту—
«Ѣхать моремъ къ утру, въ городъ,
«Продавать мою работу!»

— «А скажи-ка, помнишь, ночью,
«Какъ погода бушевала,
«Изъ сѣней укравши весла,
«Ты куда отъ насъ пропала?

«Въ эту пору, надъ заливомъ,
«Что мелькало? не платокъ ли?
«И зачѣмъ, когда вернулась,
«Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
Обернулась и сказала:
«Какъ не помнить! Я на островъ
«Въ эту ночь ладью гоняла...

«И сосѣдъ меня на камнѣ
«Ждалъ, а ночь была лихая—
«Тамъ ему былъ нуженъ хворостъ,
«И ему его свезла я—

«На мысу—въ ночную бурю,
«Тамъ костеръ горитъ и свѣтитъ;
«А зачѣмъ костеръ?—на это
«Каждый вамъ рыбакъ отвѣтитъ...»

— Пристыженный, сталъ я думать,
Грустно голову понуря:
Тамъ, гдѣ любятъ, помогая,
Тамъ сердца сближаетъ буря ..

Передъ закрытой картиной.

(Посвящ. М. Л. Михайлову).

I.

Когда-то въ Мемфисѣ стоялъ Изиды храмъ,
Всей кастой царственной, учеными жрецами
Благоговѣйно чтимый. Тамъ
Въ глубокой нишѣ, за гранитными столбами,
Покрытыми до потолка
Таинственныхъ письменъ узорными чертами,
Стоялъ кумиръ, несчетные вѣка
Переживающій, въ народахъ знаменитый,
Богъ вѣсть, когда и кѣмъ со всѣхъ сторонъ покрытый
Какимъ-то допотопнымъ полотномъ.
Кумиръ тотъ, *Истиной закрытой* именуя,
И, только избраннымъ толкуя
Значенье символовъ, начертанныхъ кругомъ,
Жрецы ей жертвы жгли съ особымъ торжествомъ.

II.

Къ ея подножью шли не только царь-избранникъ,
Не только истый жрецъ, но и безвѣстный странникъ,
И воинъ, и купецъ, и сумрачный изгнанникъ,
(Изъ вавилонскихъ стѣнъ бѣгущій отъ цѣпей,

Иль изъ Аѳинъ отъ славы слишкомъ громкой),
И просто ученикъ, изъ-за чужихъ морей,
Принесшій лавра вѣтвь съ дорожною котомкой.
Но видѣть Вѣчную никто изъ нихъ не могъ...
Хотя на пьедесталъ съ чела до самыхъ ногъ
Спускаясь въ тысячи неуловимыхъ складокъ,
Казалось, не тяжелъ былъ дѣвственный покровъ,
Скрывающій разгадку всѣхъ загадокъ,
Задачу всѣхъ задачъ и тайну всѣхъ вѣковъ,
Никто не смѣлъ поднять и края покрывала...
Нѣмая Истина заклятіемъ боговъ,
Какимъ-то ужасомъ холоднымъ обдавала
Умы запальчивыхъ головъ.

III.

Былъ полдень. Тихій Нилъ, среди своихъ песковъ,
Роскошно нѣжился. Тяжелыя вѣтрила,
Сплетенныя изъ тонкихъ тростниковъ,
Бродили медленно; — за ними крокодила
Зубчатая спина, сверкая, бороздила
Поверхность сонныхъ струй. Вершины пирамидъ
Синѣлись въ воздухѣ, и солнце жгло гранитъ.
Отъ обелисковъ стала тѣнь короче.
Народъ по улицамъ сновалъ, какъ рой тѣней;
На Нилъ, и на толпу, и на дворцы царей
Глядѣли сфинксовъ каменныя очи,
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды темный храмъ отворенъ настежь былъ;
Въ тѣни его столбовъ широкихъ на ступеняхъ
Сидѣлъ маститый жрецъ, и на его колѣняхъ
Лежалъ развѣрнутый папирусъ: онъ читалъ—
Онъ неподвижностью своей напоминалъ

Боговъ сидящихъ изваянья,
И на его лицѣ была печать молчанья.

IV.

Былъ нѣмъ и пустъ открытый настежь храмъ.
Какъ вдругъ — шаги: по лѣстничнымъ плитамъ
Идутъ въ тѣни столбовъ и — спорятъ... «Это греки!»
Подумалъ старый жрецъ, приподнимая вѣки
Къ своимъ насупленнымъ бровямъ.
И двое юношей, два чужеземца съ виду,
Руками голыми широкую хламиду
Придерживая на груди,
Спросили у жреца: войти ли въ храмъ?

«Войдите!»
— Не здѣсь ли Истина?

«Ступайте и смотрите».

— Наставникъ! вымолвилъ одинъ: — не осуди
Вопроса моего, и не лиши отвѣта:
Что будетъ, если я безъ страха подойду
Къ закрытой Истинѣ? и если я найду
Довольно смѣлости?...
«Нѣтъ!» возразилъ на это
Сопутникъ юноши, тревожный и худой,
Его плеча слегка дотронувшись рукой:—
«Себѣ не слишкомъ вѣрь, и знай — рука поэта
Лишь сердцу повинуется; — а ты
Поэтъ, и знаешь самъ, какъ робко сердце бьется...
Минерва строгая надъ чувствами смѣется.
Безсмертной истины холодныя черты
Лишь одному философу доступны:

Одно стремленье къ ней въ насъ съ нами рождено...
Учитель! развѣ мы, ища ее, преступны?
И развѣ намъ искать ее запрещено!
Казнить ли насъ за то, что истины мы просимъ,
Что, жажду чувствуя, мы жажды не выносимъ...
Нѣтъ, что ни говори, а нами мудрено
Распоряжаются завистливые боги!»

V.

И отвѣчалъ имъ жрецъ: «Боговъ законы строги:
Не оскорбляйте ихъ!»...

— Но мы оскорблены:
Намъ вмѣсто истины даютъ пустые сны,
Которые сбиваютъ насъ съ дороги...
Такъ смѣю думать я, такъ смѣю говорить!

На раздраженнаго бросая взглядъ сердитый —
«Ты огорченъ», сказалъ старикъ маститый:
«Не тѣмъ ли, что въ сосудъ не можешь моря влить?
«Ты невозможность называешь горемъ;
«Разбейся въ атомы — и ты сольешься съ моремъ
«И будешь утоленъ, иль новый примешь видъ,
«Чтобъ жаждать вновь, пока вновь будешь не разбитъ».

— Ты говоришь хитро, и мы съ тобой не споримъ:
Мы школьники—а ты недаромъ стражъ боговъ.
Скажи мнѣ, стражъ боговъ, ужели недостало
Ни въ комъ той смѣлости, чтобъ съ Истины покровъ
Поднять или сорвать, не тратя лишнихъ словъ.

VI.

Жреца Изиды поражала
Надменность пришлеца; казалось, онъ привсталъ,
Чтобъ отвѣчать ему, и мрачно отвѣчалъ:

«Да, былъ одинъ смѣльчакъ — святое покрывало
«Онъ дерзко приподнялъ, но ахнулъ и упалъ:
«Очнувшись, никого изъ насъ онъ не узналъ,
«И все, что бредилъ онъ, такъ ново и такъ дико
«Казалось намъ, что понимать его,
«Безумца, не нашлось въ толпѣ ни одного.
«Не забывайте же, какъ страшно и велико
«То, что отъ нашихъ глазъ Изидою сокрыто!»
И оба странника, замѣтно поблѣднѣвъ,
Спустили съ плечъ свои хламиды,
И съ тайнымъ трепетомъ вступили въ храмъ Изиды;
А жрецъ прочелъ имъ вслѣдъ молитву на-распѣвъ,
Потомъ задумался — и долго, до заката,
Сидѣлъ, какъ бы рѣшась дождаться ихъ возврата.

VII.

День вечерѣлъ. Вершины пирамидъ
Своими верхними ступенями сіяли:
Дворцовыхъ лѣстницъ простывалъ гранитъ;
Межъ дальнихъ отмелей кой-гдѣ едва мелькали
Повисшіе надъ Ниломъ паруса.
Слетались ибисы на гнѣзда. Тѣнь ложилась,
Какъ будто для того, чтобъ ярче золотилась
Заря, и пурпуромъ сквозили небеса.
На роскошь приближающейся ночи
Глядѣли сфинксовъ каменныя очи,
И тайной вѣяло отъ царственныхъ могилъ.
Изиды храмъ еще отворенъ былъ...
И тотъ же строгій жрецъ, при входѣ, на ступеняхъ,
Сидѣлъ, какъ статуя, со свиткомъ на колѣняхъ.

VIII.

Онъ ждалъ—и наконецъ изъ храма вышелъ тотъ,
Кого товарищъ называлъ поэтомъ.
Ему въ лицо закатъ сіялъ горячимъ свѣтомъ;
Онъ шелъ торжественно; съ чела струился потъ,
И кудри черныя надъ нимъ вѣнцомъ качались;
Полураскрытыми уста его казались,
Какъ-будто въ первый разъ онъ взоромъ обнималъ
Пространство—и ему въ пространствѣ улыбались
И небо, и рѣка, и камни...

«Что?» сказалъ

Имъ пораженный жрецъ.

— «Непостижимо!
Сказалъ восторженно поэтъ, шагая мимо:
«*Она*—гармонія—свѣтъ—сила—красота!
«Все сердцемъ понято—не имутъ словъ уста...
И не докончилъ онъ... И по ступенямъ храма
Сходилъ, какъ полубогъ, какъ свѣтлый Аполлонъ,
Когда онъ шествуетъ, стряхнувши горній сонъ,
Вкушать молебный дымъ земного ѳиміама.

IX.

Но не успѣлъ онъ скрыться за толпой,
Какъ по слѣдамъ его, изъ-за столба, другой
Явился, блѣдный, сумрачно-унылый;
Казалось, попирая прахъ,
Онъ шелъ съ презрительной улыбкой на устахъ.

Лицо его дышало мертвой силой,
Зловѣщимъ пламенемъ въ очахъ его сіялъ
Вечерній свѣтъ лучей прощальныхъ.
И голосъ тяжело, отрывисто звучалъ,
Какъ будто умъ его, томясь, перегоралъ
Въ хаосѣ думъ нестройныхъ и печальныхъ.
Онъ говорилъ:—«Ну да! я сознаю, что нѣтъ
«Во мнѣ той смѣлости, чтобъ разомъ
«Нагую истину явить на Божій свѣтъ;
«Но мнѣ недаромъ данъ несокрушимый разумъ:
«Подъ вашей тайною скрывается—скелетъ,
«Уничтоженія всего символъ нетлѣнный...
«Пустая вѣшалка—подставка всей вселенной...
«Чтобъ этотъ гордый міръ не рухнулъ, стражъ боговъ,
«Ты правъ, что истину поставилъ подъ покровъ!»

И съ этимъ словомъ онъ ушелъ, потупивъ очи.

Мастистый жрецъ одинъ сидѣлъ до поздней ночи:
Онъ долго наблюдалъ движеніе свѣтилъ,
Потомъ глаза закрылъ въ глубокомъ размышленьѣ
И медленно, какъ бы въ пророческомъ томленьѣ
Бесѣдуя съ двумя духами, говорилъ:
— «Духъ творчества! и ты, духъ темный разрушенья!
«Одно стремленье васъ когда нибудь сроднитъ...
«Враждуйте—потому что истина молчитъ!
«Когда жь съ народами она заговоритъ,
«Міръ вашу старую вражду, какъ сонъ, забудетъ.
«Но, боги!—что тогда! ужель тогда не будетъ
«Ни храма этого, ни этихъ пирамидъ?»

Чайка.

Поднялъ корабль паруса;
Въ море спѣшитъ онъ, родной покидая заливъ,
Буря его догнала и швырнула на каменный рифъ.

Бьется онъ грудью объ грудь
Скалъ, опрокинутыхъ вѣчнымъ прибоемъ морскимъ,
А бѣлогрудая чайка летаетъ и стонетъ надъ нимъ.

Съ бурей обломки его
Въ даль унеслись;—чайка сѣла на волны—и вотъ,
Тихо, волна, покачавъ ее, новой волнѣ отдаетъ.

Вонъ—отдѣлились опять
Крылья отъ скачущей пѣны—и вѣтра быстрѣй
Мчится она, упадая въ объятья вечернихъ тѣней.

Счастье мое, ты—корабль.
Море житейское бьетъ въ тебя бурной волной.—
Если погибнешь ты, буду какъ чайка стонать надъ тобой.

Буря обломки твои
Пусть унесетъ! но, пока будетъ пѣна блестѣть,
Дамъ я волнамъ покачать себя, прежде чѣмъ въ ночь улетѣть.

Фрина.

Свободная Фрина судей пристыдила,
Когда обвинённая, до наготы
Роскошное тѣло свое обнажила—
Явилась имъ вся въ божествѣ красоты.
Смутился доносчикъ, и ахнулъ судья.
— Я знаю, кто вы, и вы знайте, кто я,—
Сказала гетера:—и вотъ какова я!
Стою на судѣ передъ вами нагая!
Дрожите?.. За что жь вы меня такъ безславили!..
И все зашумѣло; восторженный крикъ:
«Богиня, богиня!» на площадь проникъ.
И судьи трибуну, какъ дѣти, оставили
И въ храмъ потекли—и алтарь ей поставили.

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полна красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина, нагая,
Во всемъ обаяньѣ своей наготы.
И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!
Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья.
И полны восторгомъ, и полны смятеніемъ
Толпы за тобой потекутъ съ увлеченіемъ.

* *
*

Я ль первый отойду изъ міра въ вѣчность! ты ли,
Предупредивъ меня, уйдешь за грань могилъ,
Повѣдать небесамъ страстей земныя были,
Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силъ!
Мы оба поразимъ своимъ разсказомъ небо
Объ этой злой землѣ, гдѣ братъ мой проситъ хлѣба,
Гдѣ золото къ враждѣ, къ безумію ведетъ,
Гдѣ ложь всѣмъ явная наивно лицемѣритъ,
Гдѣ робкое добро себѣ пощады ждетъ,
А правда такъ страшна, что сердце ей не вѣритъ,
Гдѣ—ненавидя—я боролся и страдалъ,
Гдѣ ты—любя—томилась и страдала;
Но...
Ты скажи, что я не проклиналъ;
А я скажу, что ты благословляла!...

На мызѣ.

(Е. А. Штакеншнейдеръ).

Ползетъ ночная тишина
Подслушивать ночные звуки...
Травою пахнетъ и влажна
Въ саду скамья твоя. Больна,
На книжку уронивши руки,
Сидишь ты, въ тѣнь погружена,
И говоришь о дняхъ грядущихъ,
Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,

О роковой растратѣ силъ,
Которыхъ ключъ едва пробилъ
Кору тупого закоснѣнья;
О всемъ, что губитъ вдохновенье,
Чѣмъ такъ униженъ человѣкъ,
И что̀ великаго презрѣнья
Достойно въ нашъ великій вѣкъ.

А тамъ—сквозь тѣнь—огни за чаемъ,
Сквозь окна—музыка... Серпомъ
Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ,
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ, и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земного рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ;
На тундрахъ домъ возникъ,—и вотъ,
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило: нежданнымъ
Паденьемъ безмятежныхъ водъ
Возмущены ночныя тѣни,
И усыпительно для лѣни,
Однообразно жернова
Шумятъ,—и лодка у плотины,
И Термуса изъ бѣлой глины
Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай, и ты привыкла
Къ благополучью своему.
Здѣсь рай! Зачѣмъ же ты поникла
И вновь задумалась? къ чему?

Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
Для гражданина и для пѣсенъ,
Что мысли здѣсь займутъ луна,
Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
И новой жизни сѣмена
Взойдутъ, быть можетъ, пустоцвѣтомъ;
Что въ этомъ маленькомъ раю
Все измельчаетъ понемногу.
Иные скажутъ: «слава Богу!»
А ты,—ты, голову свою
Повѣсивъ, будешь, какъ нѣмая,
Сидѣть и думать: «Боже мой!
Какъ хорошо бѣжать изъ рая
И окунуться съ головой
Въ жизнь, поднимающую вой,
Какъ злое море подъ грозой...»

Мельникъ.

(Посвящается А. Н. Островскому).

Мельникъ съ похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будитъ сынишка:
«Батька! куда ты съ дороги свернулъ?»

— Полно ты, полно, трусишка!..
Глуше, все глуше становится лѣсъ...
Что тамъ? Не мѣсяцъ ли всходитъ?
Али, съ зажженой лучиною, бѣсъ
Между деревьями бродитъ?
Ѣдетъ старикъ, инда сучья трещатъ...
«Батька! куда ты? Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ;
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ,—слышь—
Наши ребята гуляютъ.

Смотритъ ребенокъ, и видитъ—огни,—
Искры летятъ, тѣни пляшутъ;
Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачутъ, хохочутъ и машутъ...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
«Батька! мнѣ страшно!» ребенокъ кричитъ.

— Что тутъ за страсти! откуда ты взялъ!
Билъ я тебя—билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышутъ огни; вотъ, изъ лѣсу идетъ
Мельника старшая дочка;
Косы свои распустила, поетъ:
«Эхма ты, ноченька—ночка!»
Парень ее сзади ловитъ рукой...
Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постой!..»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь—
Дай ужь ты мнѣ нагуляться,—
Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
Завтра съ постели подняться.

Пышутъ огни; вотъ, качаясь, идетъ
Мельника младшая дочка.
Вся разгорѣвшись, идетъ она—льнетъ
Къ бѣлому тѣлу сорочка.
«Эхъ!» говоритъ: «загуляю, запью
Злую неволю-кручину свою!...»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ спроса гулять!»
Мельникъ ворчитъ: «эко дѣло!...»
Медленно сталъ онъ съ телѣги слѣзать—
Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ—въ шубенкѣ стоитъ
Кумъ его—точно Еремка.
Зубы оскаливши: «кумъ», говоритъ,
«Полно сердчать-то,—пойдемъ-ка,
Выпьемъ-ка съ горя... Чего замигалъ?...
Али ты, милый, меня не узналъ!»

— «Какъ не узнать!» глухо молвилъ старикъ,
«Ну, и пойдемъ... обоприся...»
— «Батька!» раздался ребяческій крикъ:
«Это не кумъ... воротися!»

Мельникъ не слышитъ—и съ кумомъ своимъ
Сталъ за кострами теряться.
Хохотъ, какъ буря, пронесся за нимъ;
Начали тѣни сгущаться;
И красноватыми пятнами сталъ
Дымъ пропадать, пропадать—и пропалъ.

Только туманъ изъ-за низменныхъ пней
Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
Дождикъ дробилъ по листамъ, да ручей
Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
Шорохъ проснувшихся галокъ...
«Батька!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
Къ утру ребята съ рогатиной шли
Въ лѣсъ по медвѣдя—телѣгу нашли...

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
Въ лужѣ съ болотною тиной.
Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
Душу сгубилъ. Толковали:
Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
«Пьянъ, такъ отъ лѣсу подалѣ».
Но и донынѣ душа старика
Стонетъ въ лѣсу позади кабака...

Безумiе горя.

(Посв. пам. Ел... П....й).

Когда, держась за ручку гроба,
Мой другъ! въ могилу я тебя сопровождалъ,—
Я думалъ: умерли мы оба—
И какъ безумный—не рыдалъ.
И представлялось мнѣ два гроба:
Одинъ былъ твой—онъ былъ уютно-малъ,
И я его съ тупымъ, безсмысленнымъ вниманьемъ
Въ сырую землю опускалъ;
Другой былъ мой,—онъ былъ просторенъ,
Лазурью, зеленью вокругъ меня пестрѣлъ;
И солнца дискъ, къ нему прилаженный, какъ бляха
Роскошно золоченая, горѣлъ.
Когда твой гробъ исчезъ, забросанный землею,
Увы! мой—все еще насмѣшливо сіялъ—
И озирался я, покинутый тобою,
Душа души моей—и смутно сознавалъ,

Какъ не легко въ моемъ громадно-пышномъ гробѣ
Забыться—умереть настолько, чтобъ забыть
Любви утраченное счастье,
Свое ничтожество и жажду вѣчно жить.
И порывался я очнуться,—встрепенуться,—
Подняться,—вѣчную мою гробницу изломать—
Какъ саванъ сбросить это небо,
На солнце наступить и звѣзды разметать,—
И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками свѣтилъ,
Туда, гдѣ ты—гдѣ нѣтъ воспоминаній,
Прикованныхъ къ ничтожеству могилъ.

Послѣдній вздохъ.

«Поцѣлуй меня...
Моя грудь въ огнѣ...
Я еще люблю...
Наклонись ко мнѣ».
Такъ въ прощальный часъ
Лепеталъ и гасъ
Тихій голосъ твой,
Словно тающій,
Въ глубинѣ души
Догарающей.
Я дышать не смѣлъ—
Я въ лицо твое
Какъ мертвецъ глядѣлъ—
Я склонилъ мой слухъ...
Но, увы! мой другъ,

Твой послѣдній вздохъ
Мнѣ любви твоей
Досказать не могъ.
И не знаю я,
Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя!
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь твоя!

---

*
* *

Я читаю книгу пѣсенъ.
«Рай любви—змѣя любовь»—
Ничего не понимаю—
Перечитываю вновь.

Что со мной!—съ невольнымъ страхомъ
Въ душу крадется тоска...
Словно книгу заслонила
Чья-то мертвая рука—

Словно чья-то тѣнь поникла
За плечомъ—и въ тишинѣ
Тихо плачетъ—тихо дышитъ
И дышать мѣшаетъ мнѣ.

Словно эту книгу пѣсенъ
Прочитать хотятъ со мной
Потухающія очи
Съ накипѣвшею слезой.

Бѣглый.

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока,
Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
Не ушелъ ли ты отъ матери, отца?
Не гулялъ ли ты за Волгою въ степи?
Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи?

«Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгою въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ,
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.

«Какъ въ острогѣ-то послышалося намъ,
Что про волю-то читаютъ по церквамъ,—
Ужь откуда сила-силушка взялась,
Цѣпь желѣзная—и та, вишь, порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать;
Божья ночка обѣщалась покрывать.

«Я бѣжалъ—ногъ не чуялъ подъ собой...
Очутился на сторонушкѣ родной.
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.
Я сначала постучуся у окна—
Выходи, скажу, на улицу, жена!

«Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди.

Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да вишь, какъ-то по дорогѣ все растресъ:
Я вина не пилъ—съ воды былъ пьянъ,
Были деньги—не зашилъ карманъ.

«Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмѣленъ не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру,—
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.
Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?!»

— Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока,
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,—
Ночь-то мѣсячна,—признать тебя легко.
Знать, тебѣ въ дому хозяиномъ не быть—
По дорогамъ, значитъ, велѣно ловить...

Давнишняя просьба.

Митяевъ! юный нашъ поэтъ,
Литературный обличитель,
Учитель мой и покровитель,
Мнѣ безъ тебя спасенья нѣтъ.

Учи меня, снабди совѣтомъ:
Какъ мнѣ писать, какъ мнѣ не быть
Кабалистическимъ поэтомъ,
И чѣмъ тебя развеселить?

Какъ *лучшія свои надежды*
И впрованья осмѣять,
Съ тѣмъ, чтобъ на глупый бредъ невѣжды
Благоговѣйно уповать?

Отдѣлаться отъ идеала
Искусственныхъ понятій—и
Взять роль искуснаго нахала
Или войти во вкусъ свиньи?

Какъ наплевать въ лицо искусству,
Съ тѣмъ, чтобъ искуснѣе писать?
Какъ, покоряясь только чувству,
Въ минуту скорби хохотать!

Какъ злиться мнѣ, когда нѣтъ злости!
Хоть ты попробуй разозлить:
Я, злой, готовъ къ тебѣ же въ гости
Пріѣхать и благодарить.

Быть можетъ, съ *темнымъ человѣкомъ*
Я у тебя кой-какъ сойдусь,
И вмѣстѣ съ нимъ за юнымъ вѣкомъ
Идти въ потемкахъ соглашусь...

И стану я о бѣдномъ братѣ
Сквозь видный міру смѣхъ рыдать,
И какъ на *вздернутомъ канатѣ*
На полѣ фразъ начну плясать.

Тогда-то мой зоилъ и чувство
И мысль въ стихѣ моемъ найдетъ,
Онъ и теперь за мной искусство
Прически дѣлать признаетъ.

За комплиментъ не принимаю
Дѣйствительную похвалу:
Я и теперь изобрѣтаю,
Прическу одному ослу.

Искусство есть, а злости мало,
Взбѣси меня, мой другъ, поэтъ,
И я начну кого попало
Трепать, свистя на цѣлый свѣтъ.

Но какъ трепать?! учи, совѣтуй,
Я благодарность окажу,
И въ дни всеобщей трепки этой
Твою прическу пощажу.

1862.

Юбилей Шиллера.

(1862).

Съ вавилонскаго столпотворенья
И до нашихъ дней—по всей землѣ
Духъ вражды и духъ разъединенья
Держатъ міръ въ невѣжествѣ и злѣ.
Люди на людей куютъ во мракѣ цѣпи,
Истина не смѣетъ быть нагой,
И съ морями берега, съ горами степи
Безъ конца ведутъ кровавый бой.

Отчего же вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей?

У разноязычныхъ, у разноплеменныхъ,
У враждебныхъ странъ во всѣ вѣка
Только два и было неизмѣнныхъ,
Всѣмъ сердцамъ понятныхъ языка:
Не кричитъ ли міру о союзѣ кровномъ
Каждаго ребенка первый крикъ,
Не для всѣхъ ли націй въ родникѣ духовномъ
Черплетъ силу генія языкъ?

Не затѣмъ ли вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей?

Лучшихъ дней не скоро мы дождемся:
Лишь поэты, вѣстники боговъ,
Говорятъ, что всѣ мы соберемся
Мирно раздѣлять плоды трудовъ;
Что безумный произволъ свобода свяжетъ,
Что любовь прощеньемъ свяжетъ грѣхъ,
Что побѣда мысли смертнымъ путь укажетъ
Къ торжеству, отрадному для всѣхъ.

Путь далекъ—но вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Но, впередъ шагая съ каждымъ вѣкомъ,
Что мы видимъ въ нашъ желѣзный вѣкъ?..
Видимъ—въ страхѣ передъ человѣкомъ
Опускаетъ руки человѣкъ—
Въ побѣжденныхъ сила духа воскресаетъ;
Побѣдитель, раздражая свѣтъ,

Не затѣмъ ли мечъ свой грозный опускаетъ,
Что его пугаетъ громъ побѣдъ.

Мечъ упалъ, и вся Европа встала.
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Знаемъ мы, какъ чутко наше время:
Какъ шпіонъ за всѣмъ оно слѣдитъ
И свободы золотое сѣмя
Отъ очей завистливыхъ таитъ.
Но встаетъ вопросъ—народы ждутъ отвѣта...
Страшно не признать народныхъ правъ,—
И для мысли, какъ для воздуха и свѣта,
Невозможно выдумать заставъ.

Всталъ вопросъ—и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Сколько разъ твердила чернь поэту:
Ты какъ вѣтеръ не даешь плода,
Хлѣбныхъ зеренъ ты не сѣешь къ лѣту,
Жатвы не сбираешь въ осень.—Да,—
Духъ поэта—вѣтеръ; но когда онъ вѣетъ,
Въ небѣ облака съ грозой плывутъ,
Подъ грозой тучнѣй родная нива зрѣетъ
И цвѣты роскошнѣе цвѣтутъ.

Духъ повѣялъ—и Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

Шиллеръ!.. Чье полнѣе сердце было
Пѣсенъ вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ!
Чья душа сильнѣй людей любила,
И стояла горячѣй за нихъ!
О, не ты ль смѣшалъ людей съ полубогами—
Въ идеалѣ видѣлъ божество,
Свѣту разума надъ мракомъ и страстями
Приготовилъ въ мірѣ торжество.

О, не ты ль?—и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней,
И отпѣла и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.

О, Германіи поэтъ всемірный!
Для тебя народы всѣ равны.
Откликаюсь я на звонъ твой лирный
Тихимъ трепетомъ одной струны,
Той живой струны, что въ глубинѣ сердечной,
Братія, у всѣхъ у насъ звучитъ
Всякій разъ, когда любви намъ голосъ вѣчный—
Божій голосъ—громко говоритъ.

Вѣкъ.

Вѣкъ девятнадцатый—мятежный,—строгій вѣкъ—
Идетъ и говоритъ: «бѣдняжка человѣкъ!
О чемъ задумался? бери перо, пиши:
Въ твореньяхъ нѣтъ творца, въ природѣ нѣтъ души:
Твоя вселенная—броженье силъ живыхъ,
Но безсознательныхъ,—творящихъ, но слѣпыхъ.

Нѣтъ цѣли въ вѣчности; жизнь льется какъ потокъ,
И,—на ея волнахъ мелькнувшій пузырекъ,
Ты лопнешь, падая въ пространство безъ небесъ,
Туда жь, куда упалъ и рабъ твой, и Зевесъ,
И червь, и твой кумиръ: фантазію твою
Я разбиваю въ прахъ... покорствуй, я велю!»
Онъ пишетъ—вѣкъ идетъ; онъ кончилъ—вѣкъ проходитъ.
Сомнѣнья вновь кипятъ, умъ снова колобродитъ,—
И снова слушаетъ бѣдняжка-человѣкъ,
Что̀ будетъ диктовать ему грядущій вѣкъ...

Муза.

Въ туманъ и холодъ, внемля стуку
Колесъ по мерзлой мостовой,
Тревоги духа, а не скуку
Дѣлилъ я съ музой молодой.

Я съ ней дѣлилъ неволи бремя—
Наслѣдье мрачной старины
И жажду пересилить время—
Уйти въ пророческіе сны.
Ея нервическаго плача
Я былъ свидѣтелемъ не разъ—
Такъ тяжела была для насъ,
Намъ жизнью данная задача!
Безсилья крикъ, иль неудача
Людей, сочувствующихъ намъ,
По дѣвственнымъ ея чертамъ
Унылой тѣнью пробѣгала,
Дрожала блѣдная рука

И олимпійскаго вѣнка
Съ досадой листья обрывала.
За то печаль моя порой
Ее безжалостно смѣшила,
Она въ вѣнокъ лавровый свой
Меня, какъ мальчика, рядила
Безъ вѣры въ ясный идеалъ
Смѣшно ей было вдохновенье,
И звонкій голосъ заглушалъ
Мое риѳмованное пѣнье.
Смѣшонъ ей былъ весь нашъ Парнасъ
И нами пойманная кляча—
Давно измученный Пегасъ;
Но этотъ смѣхъ—предвѣстникъ плача—
Ни разу не поссорилъ насъ.

И до сего дня муза эта
Приходитъ тайно раздѣлять
Тревоги бѣднаго поэта,
Бодритъ и учитъ презирать
Смѣхъ гаера и холодъ свѣта.

Поэту-Гражданину.

О, гражданинъ съ душой наивной!
Боюсь, твой грозный стихъ судьбы не пошатнетъ.
Толпа угрюмая, на голосъ твой призывный
Не откликаяся, идетъ.

Хоть прокляни,—не обернется...
И вѣрь, усталая, въ досужій часъ скорѣй

Любовной пѣсенкѣ сердечно отзовется,
Чѣмъ музѣ ропщущей твоей.

Хоть плачь,—у ней своя задача:
Толпа-работница считаетъ каждый грошъ,
Дай руки ей свои, дай голову,—но плача
По ней, ты къ ней не подойдешь;

Тупая, сильная, не вникнетъ
Въ слова, которыми ты любишь поражать,
И къ поэтическимъ страданьямъ не привыкнетъ,
Привыкнувъ иначе страдать.

Оставь напрасныя воззванья!
Не хныкай!—Голосъ твой пусть льется изъ груди,
Какъ льется музыка,—въ цвѣты ради страданья,
Любовью—къ правдѣ насъ веди!

Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда—безъ творческой мечты...

Одному изъ усталыхъ.

Ожесточила ли тебя людская тупость,
Иль повседневная суетъ ихъ кутерьма,
Ихъ сердца старческая скупость,
Или ребячество ихъ гордаго ума;—
Вся эта современность злая,
Вся эта безтолочь живая,

Весь этотъ сонмъ тирановъ и льстецовъ,
Иль эта кучка маленькихъ бойцовъ,
Самолюбивыхъ и въ припадкахъ гнѣва
Готовыхъ бить направо и налѣво...
Усталъ ли ты науку догонять,
Иль гнаться по слѣдамъ младого поколѣнья—
Не говори, что хочешь ты бѣжать,
Въ глуши искать уединенья.
Къ чему!—Прошли тѣ дни, когда лѣсную глушь
Преданье чудными духами населяло,
Когда отшельника незримо навѣщала
Семья оплаканныхъ имъ душъ,
Когда дитя фантазіи народной
Со дна рѣки на свѣтъ луны холодной
Всплывала и его дразнила наготой
Русалка блѣдная съ зеленою косой;
Когда подъ шумный говоръ лѣса
Пустынникъ, тихую лампаду засвѣтя,
Молился; а его, какъ малое дитя,
Хранитель-ангелъ блюлъ отъ бѣса.
И одинокимъ не былъ онъ,
Безплотныхъ силъ толпой повсюду окруженъ,
И были для него какъ міръ разнообразны,
Неизъяснимые то страхи, то соблазны.
Ну, а тебя, товарищъ старый мой,
Всѣ эти чудеса займутъ едва ли?
Мы отъ миѳическихъ годовъ съ тобой отстали
И унесемъ въ пустыню за собой,
На днѣ души разбитой, но живой,
Невыносимыя воспоминанья,
Неутолимыя, законныя желанья,
И жажду жить и двигаться съ толпой.
О! я бъ и самъ желалъ уединиться,

Но, другъ, мы и въ глуши не перестанемъ злиться,
И къ злой толпѣ воротимся опять.
Не говори мнѣ, что природа—мать,
Она дѣтей не любитъ одинокихъ,
Ожесточенныхъ, также какъ жестокихъ,
Природа не умѣетъ утѣшать.
И ничего не сдѣлаетъ природа
Съ такимъ отшельникомъ, которому нужна
Для счастія законная свобода,
А для свободы—вольная страна.

Жалобы музы.

I.

Не жди ты меня,
Не кличь! не зови меня музою!—Нѣтъ,
На закатѣ тревожнаго дня
Я пѣть не могу,—я устала, поэтъ!

Я пѣть не могу,—
Я встрѣчаю на каждомъ шагу
Озлобленныхъ, бѣдныхъ, измятыхъ судьбой:
Идутъ они порознь изъ сумрака въ мглу,
Отъ извѣстнаго зла къ неизвѣстному злу,
И не ищутъ звѣзды путевой,
И не нужно имъ сердце мое—факелъ мой!—

Сама я сняла
Вѣнокъ съ моего молодого чела,

И все позабыла, не знаю о чемъ
Бесѣдуютъ звѣзды въ туманѣ ночномъ,
И точно ли жаждутъ упиться росой
Цвѣты полевые въ полуденный зной.
Не знаю, о чемъ волны моря шумятъ,
О чемъ грезятъ сосны, когда онѣ спятъ,
Чей голосъ звенитъ надъ рѣкой,
Что думаетъ роза весной,
Когда ей во мракѣ поетъ соловей—
И даже не знаю, поетъ ли онъ ей!..

Въ толпѣ я бродила, гдѣ труженикъ чуждъ
Свободы и славы, подъ бременемъ нуждъ;
И не цвѣты, и не мирты росли
На пажитяхъ пóтомъ политой земли—
Бурьянъ всюду росъ, за бурьяномъ росла
Нужда за нуждой и къ работѣ звала.

Ни свѣтъ—ни заря вышелъ пахарь; за нимъ—
За плугомъ его я пошла полосой;
Помочь не могла ему слабой рукой.—
Хотѣла помочь ему пѣньемъ моимъ:
Но пахарь и слушать меня не хотѣлъ,
По прежнему пѣсню степную онъ пѣлъ,
Сама я заслушалась пѣсни родной,—
И въ городъ ушла за рабочей толпой.

Какъ вешняго солнца сквозь пыльную щель
Пробившійся лучъ къ бѣдняку на постель,
Я съ пѣньемъ проникла на темный чердакъ,
Но встрѣтилъ меня горькимъ словомъ бѣднякъ;
«Ступай, онъ сказалъ мнѣ, угрюмый какъ ночь:—
Ты можешь утѣшить,—не можешь помочь.
Ты къ свѣту зовешь—благъ земныхъ не даешь...
На вытертый грошъ

Не вижу я пользы отъ пѣсенъ твоихъ!
Пусть уши богатыхъ ласкаетъ твой стихъ!»
И вотъ, проходя вереницей колоннъ
Къ палатамъ, гдѣ царствуютъ нѣга и сонъ,
Я стала стучаться въ чертогъ богача.
Онъ принялъ меня, про себя бормоча:
«Какъ бѣдно одѣта! какъ трудно узнать!
Гдѣ прежнія рѣчи, гдѣ прежняя стать!»
О бѣдныхъ ему я шепнула; богачъ
Сказалъ мнѣ: все знаю—напрасно не плачь...
Не нужно мнѣ горькихъ совѣтовъ твоихъ,
Пускай бѣдняка развращаетъ твой стихъ!—

— Зашла я въ больницу и слышала бредъ
Преступницы бѣдной семнадцати лѣтъ:
Во снѣ она плакала, Бога звала,—
Проснувшись, опять равнодушна была
И усмѣхалась при словѣ «развратъ».
Никто не зашелъ къ ней—ни сестры, ни братъ,
Ни другъ, только я наклонилась надъ ней,
Какъ няня, съ сердечною пѣсней моей...
Напрасно! Больная махнула рукой,
И молвила мнѣ:—уходи! Богъ съ тобой!
Я вѣрила грезамъ—пора перестать...
Я пала, и знаю, что мнѣ ужь не встать...
— И съ горькимъ упрекомъ пошла я къ тому,
Кто бросилъ дитя это въ вѣчную тьму.
. . . . . .
Его уязвила я мѣткимъ стихомъ;
Но мѣдному лбу стихъ мой былъ ни почемъ.

— Зашла я въ темницу—мнѣ сторожъ помогъ
Переступить заповѣдный порогъ.—

Къ холодной стѣнѣ прислонясь головой,
Сидѣлъ тамъ одинъ человѣчекъ больной.
Я знала его: то былъ сущій добрякъ,
Убить комара не рѣшился бъ никакъ,
Подстрѣленной птицы ему было жаль,—
Сидитъ онъ—мечта унесла его вдаль—
И шепчетъ онъ: О! еслибъ воля да власть!
Я могъ бы все сдвинуть, поднять и потрясть.
Я залилъ бы кровью предѣлы земли,
Чтобъ новые люди родиться могли...

—И ты—я сказала:—ручаешься въ томъ,
Что новая будетъ природа потомъ,
Что терны и роза—царица садовъ—
Политые кровью взойдутъ безъ шиповъ?
«Ручаюсь!» сказалъ онъ—и ты поручись,
Вѣрь новому чуду—не то провались!
—Мой другъ, провалиться я рада,—но какъ?!
Мнѣ руку пожалъ и заплакалъ бѣднякъ:
Вдали колокольный послышался звонъ,
И съ сердцемъ измученнымъ вышла я вонъ.
Куда жь мнѣ уйти отъ неволи и думъ!
Что новаго скажетъ мнѣ уличный шумъ!
Отъ гула шаговъ, да отъ стука колесъ
Раздастся ли въ воздухѣ новый вопросъ?...
И чудилось мнѣ... мысль носилась одна:
— И мы всѣ не нужны, и ты не нужна...
. . . . . .

II.

И покинула я этихъ каменныхъ стѣнъ,—
Этихъ клѣтокъ настроенныхъ тягостный плѣнъ,

Захотѣла я дальше уйти отъ людей,
Отъ безстрастныхъ враговъ,
Отъ пристрастныхъ судей,
Отъ разврата, нужды и оковъ...

Отъ разбитыхъ надеждъ я въ груди сберегла
Драгоцѣнный обломокъ одинъ—
И ушла въ даль широкую.—Съ юга весна
Подвигалась—пестрѣли цвѣты—и пышна
Была зелень холмистыхъ долинъ.

Ночь была—пахло свѣжей травой,
Рокоталъ соловей надъ померкшей рѣкой,
И какъ искорки слезъ у ребенка въ глазахъ,
Отраженія звѣздъ трепетали въ волнахъ,
И тѣснились у берега семьи березъ,
И сирень тамъ росла, и шиповникъ тамъ росъ,
И струился родникъ изъ-подъ камня—и дубъ
Погружалъ въ него мшистые корни свои...
Я о вѣчной, повсюду творящей любви
Думу думала—шла—и наткнулась на трупъ!
О, поэтъ! Отъ живыхъ,
Суетящихся, плачущихъ, глупыхъ и злыхъ,
И отъ жалкаго ропота ихъ безъ конца—
Для того ль я ушла, чтобъ найти мертвеца!?..
Въ полусвѣтѣ луны, въ полу-тѣни ночной,
Окровавленный, страшный, нѣмой,
Онъ и мертвый не могъ свои пальцы разжать,
Крѣпко стиснувши сабли своей рукоять;
И на темной травѣ отъ руки полосой
Серебрился той сабли холодный булатъ.
Бѣдный братъ! для чего умеръ ты?
За кого ты погибъ?—бѣдный братъ!

Я хотѣла вглядѣться въ черты
Молодого бойца—и шептала: очнись!
Дай мнѣ руку и съ миромъ домой воротись!
Тамъ рѣзная скамья, гдѣ сидѣлъ прадѣдъ твой,
Занята въ эту ночь молодою женой:
Молодая жена у камина сидитъ
И не видитъ огня—и не видитъ кругомъ
Темныхъ стѣнъ—въ ожиданьи ночномъ,
Только вздрогнетъ порой, да въ окно поглядитъ—
Я тебя проведу къ ней—пойдемъ!...

Какъ сестра, я поникла надъ нимъ вся въ слезахъ,
И ему говорила: пойдемъ же?... но страхъ,
Страхъ невѣдомый тайно мнѣ въ сердце проникъ;—
Мертвой силой дохнулъ его ликъ,
И прочла я въ его неподвижныхъ зрачкахъ,
И на лбу, и на сжатыхъ губахъ,
Выраженье такой безконечной вражды,
Что, казалось, ея роковые слѣды
Были глубже слѣда самой смерти его.
Онъ какъ будто сквозь зубы шепталъ мнѣ: Ого!
Какъ нѣжна ты!—запой! можетъ быть,
И очнусь я на звукъ хитрой пѣсни твоей;
Хоть на мигъ оживи, чтобъ я могъ раскроить
Тебѣ голову саблей моей!...

. . . . . .

Отошла я... заря занялась;
Изъ-за горъ солнца пламенный выглянулъ глазъ,
Словно въ душу мою онъ проникнуть желалъ,
Ясной радости ждалъ, и какъ радость сіялъ.
Но на мой, возникавшій у сердца привѣтъ
Восходящему утру—въ отвѣтъ,
Изъ-за рощи зловѣщій послышался гулъ—

И не птица, свистя, пронеслась межъ вѣтвей,
И не вѣтеръ листы колыхнулъ,
И не вихорь съ налета ветлу покачнулъ—
Затрещалъ—отлетѣлъ перешибленный сукъ,
И отгрянулъ вдали громъ, похожій на стукъ.
Я, безсмертная, смерти готовилась ждать,—
Замерла, и стояла скрестя пальцы рукъ.
Изъ-за рощи въ лощину спустилася рать;
Грянулъ залпъ—точно взрывъ—и другой
Залпъ въ отвѣтъ ему грянулъ,—стѣной
Шли враги другъ на друга—и дымъ
Ихъ штыки заволакивалъ флеромъ своимъ,
Словно этимъ хотѣлъ онъ отъ глазъ заслонить
И того, кто убитъ, и кто хочетъ убить...
О, поэтъ! не желая, чтобъ кто-нибудь палъ,
Ты кому бы изъ нихъ сталъ побѣды желать?
Возсылая мольбы, за кого бы страдалъ!?
Въ этотъ мигъ, отвѣчай мнѣ скорѣй,
Что могла бы я пѣть, еслибъ ты пожелалъ
Новыхъ пѣсенъ отъ музы твоей?
Уходи! закричала мнѣ съ гнѣвомъ въ очахъ
Вражда:—я царица на этихъ поляхъ;
Во имя грядущаго льется здѣсь кровь;
Здѣсь нѣтъ настоящаго—къ чорту любовь!!

И я отошла—и я знаю, текли
Безполезно горячія слезы мои.
О, гдѣ же она,—
Та гармонія мысли и силъ,
Та великая жизнь, тотъ живительный свѣтъ,
И все то, чему вѣрить не ты ли, поэтъ—
Мечтатель!—меня научилъ?
Куда я пойду теперь?—теменъ мой путь—

Кличь музу иную—меня позабудь!
И знай—появись мнѣ самъ богъ Аполлонъ,
Мнѣ дивный восторгъ его былъ бы смѣшонъ.
Меня, утомленную, царственный богъ
Не могъ бы узнать—и судить бы не могъ!

---

* *
*

Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,—
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается.
Пусть чиликаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется—нарядится,
И сова—пусть она не тревожитъ мой слухъ
И, слѣпая, подальше усядется.

Вавилонское столпотворенье.

I.

Немврод.

Къ небу тащите каменья, рабы!
Стройте надъ сводами своды;
Тамъ будутъ жалкія ваши мольбы
Ближе къ владыкѣ природы.

Стройте, пока царь бичами васъ бить
Не отмѣнилъ повелѣнья,
Мысли великой должны вы служить,
Мысль эта—столпотворенье.

Вѣрьте вы радугѣ, данной въ залогъ!
Нѣтъ, она сонъ мой тревожитъ;
Тотъ, кто хоть разъ потопить землю могъ,
Вновь потопить ее можетъ.
Поднятый грубою силой рабовъ,
Я отстою силу знанья.
Шире моихъ вавилонскихъ дворцовъ,
До облаковъ стройте зданье!

Пусть мой творецъ топитъ мой Вавилонъ,
Пусть утучняетъ костями
Мой вертоградъ,—я поставлю мой тронъ
Надъ облаками, съ звѣздами...
Выше громовъ я возсяду на немъ,
И не смущаемый ревомъ
Хлябей морскихъ, буду съ гнѣвнымъ творцомъ
Я говорить съ тѣмъ же гнѣвомъ.

Пусть, я скажу ему, стрѣлы твои
Славу мою озаряютъ,
Тучи твои лижутъ ноги мои,
Бури твои—освѣжаютъ.
Звѣздный вѣнецъ твой горитъ надо мной,
Въ то же одѣтъ я убранство,
Той же вселенной я вмѣстѣ съ тобой
Обозрѣваю пространство...

II.

Голосъ въ толпѣ.

Іегова длань простеръ и зоветъ.
Гласъ его—громъ. Одѣянье—
Туча, которую буря несетъ.
Гнѣвъ его—молній сверканье...
Ужасъ насталъ—помутились умы.
День почернѣлъ отъ испуга.
Ненависть насъ разобщила, и мы
Не понимаемъ другъ друга...
Изъ береговъ выступаетъ Евфратъ;
Столпообразная наша
Треснула башня, подмостки горятъ—
Зла переполнилась чаша.
Слышится вопль:—палъ нашъ гордый пророкъ!—
Плачущихъ женъ мы уводимъ...
Западъ, пріими насъ!—Пріими насъ, востокъ!..
Боже! спаси насъ—уходимъ...

Голосъ Немврода.

Пусть, изъ-за тучъ низлетая, гремятъ
Огнезубчатыя стрѣлы,
Пусть эти своды, шатаясь, трещатъ
И загораются,—смѣлый
Духъ мой не дрогнетъ. Все тотъ же я царь.—
Трусы! не войте, молчите!
Передо мной ставьте тотъ же алтарь,
Тѣ жь ѳиміамы курите.

Пусть разбѣгаются овцы-рабы—
Не побѣгу я... Природа
Та же раба. Сила грозной судьбы
Не пересилитъ Немврода:
Новую башню воздвигну я—и
Несокрушимая станетъ
Твердымъ оплотомъ людей и земли—
И—въ небеса громъ мой грянетъ!!..

---

* *
*

Разсказать ли тебѣ, какъ однажды
Хоронилъ другъ твой сердце свое,
Всѣхъ знакомыхъ на пышную тризну
Пригласилъ онъ и позвалъ *ее*.

И въ назначенный часъ панихиды,
При сіяніи лампъ и свѣчей,
Вкругъ убитаго сердца толпою
Собралось много всякихъ гостей.

И *она* появилась, все также
Хороша, холодна и мила—
Онъ съ улыбкой красавицу встрѣтилъ;
Но *она* безъ улыбки вошла.

Поняла ли *она*, что̀ за праздникъ
У него на душѣ въ этотъ день,
Иль убитаго сердца надъ нею
Пронеслась молчаливая тѣнь.

Иль боялась *она*, что воскреснетъ
Это глупое сердце—и вновь
Потревожитъ ее жаждой счастья—
Пожелаетъ любви за любовь!..

Въ честь убитаго сердца, заѣзжій
Музыкантъ «Marche funèbre» игралъ,
И гремѣла рояль—струны пѣли—
Каждый звукъ ихъ какъ будто рыдалъ.

Его слушая, томныя дамы
Опускали задумчивый взглядъ,
Вообще онѣ тронуты были,
Ѣли дули и пили оршадъ.

А мужчины стояли поодаль,
Исподлобья глядѣли на дамъ,
Вынимали свои папиросы
И курили въ дверяхъ өиміамъ.

Въ честь убитаго сердца какой-то
Балагуръ притчу намъ говорилъ—
Раздирательно-грустную притчу,—
Но до слезъ, до упаду смѣшилъ.

Въ два часа появилась закуска
И никто отказаться не могъ
Въ честь убитаго сердца отвѣдать,
Хорошо ли состряпанъ пирогъ.

Наконецъ—слава Богу! Шампанскимъ
Онъ *ее* и гостей проводилъ.
Такъ безъ жалобъ, роскошно и шумно
Другъ твой сердце свое хоронилъ.

1864.

Шекспиру.

Мартъ 1864 г.

Сквозь пыль отъ падавшихъ и возникавшихъ троновъ,
Сквозь паръ отъ тысячи злодѣйствъ,—изъ-за штыковъ
Побѣдоносныхъ и погибшихъ легіоновъ,
Изъ-за могилъ забытыхъ милліоновъ,
Изъ глубины протекшихъ трехъ вѣковъ,
Ты какъ живой глядишь—подходишь къ намъ и съ нами
Ведешь живую рѣчь, понятную сердцамъ;
И ярко межъ вѣнцовъ поблекшихъ—свѣтитъ намъ
Нетлѣнный твой вѣнецъ горячими лучами,
Какъ солнце изъ-за тучъ, послушныхъ всѣмъ вѣтрамъ.

Три вѣка минуло; но ты идешь съ вѣками.—
Куда они—туда и ты, Шекспиръ.
За нами—тѣнь твоя, твой геній—передъ нами.
Страстями говоритъ онъ съ нашими страстями,
И учитъ насъ борьбѣ, чтобъ водворить въ насъ миръ.

Европы сынъ, повитый Альбіономъ!
Пока растетъ Европа—ты растешь...
Какъ Греція прошла на Западъ съ Аполлономъ,
Такъ нынѣ на Востокъ съ Европою, съ закономъ
Искусства вѣчнаго, ты съ Запада идешь:
И раздвигается вдоль Сѣвера граница.
Такъ, если нѣкогда китайскимъ языкомъ
Заговорятъ тобой въ міръ вызванныя лица,
Мы за тобой въ Китай съ Европою войдемъ.

Подслушавъ тайны духа и природы,
Исчерпавъ тотъ родникъ, откуда плачъ и смѣхъ,
Ты взвѣсилъ цѣпи тѣ, которыми народы
Себя опутали,—сталъ вѣстникомъ свободы,
Предтечею наукъ,—наукою для всѣхъ.

Что за бѣда.

Что за бѣда, что старости уроки,
Предосторожности, угрозы и намеки
Ложатся на тебя, чтобъ остудить мечты
Твоей головки прихотливой.
Что за бѣда!—вѣдь и весной бурливой
Ложится поздній снѣгъ на ранніе цвѣты.
Но погоди, пройдетъ ненастная недѣля,
Проглянетъ солнце, и увидимъ мы,
Какъ были тщетны всѣ усилія зимы
Передъ затѣями апрѣля...

Старый Орелъ.

Еще на солнце я гляжу и не моргаю,
И вижу далеко играющихъ орлятъ,
Отлётъ ихъ жадными глазами провожаю,
И знать хочу—куда они летятъ...
Но я отяжелѣлъ—одряхъ—не безъ кручины
Сижу одинъ я на краю стремнины,

У разореннаго гнѣзда,
И только изрѣдка, позабывая годы,
На отдаленный шумъ ихъ крылъ и кличъ свободы:—
«Сюда, сюда старикъ, сюда!»
Я поднимаю машущія крылья,
Хочу летѣть, насколько хватитъ силъ...
Увы! напрасныя усилья!
Я только съ камней пыль сметаю взмахомъ крылъ
И, утомленный, вновь дремлю, сомкнувъ зѣницы,
И жду, когда въ горахъ погаснетъ красный день,
За мной появится блуждающая тѣнь
Моей возлюбленной орлицы...

Прости имъ.

Христосъ! не ты ли приходилъ
Сказать намъ: будьте яко дѣти.
Я какъ ребенокъ полюбилъ,
И хитрецами пойманъ въ сѣти.

Христосъ! не ты ли яко Богъ
Сказалъ: враговъ своихъ любите;—
Любя, я враждовать не могъ,
И молвилъ имъ: не осудите...

Но мнѣ отъ нихъ покоя нѣтъ,
Невѣжды туги на прощенье,
И не щадятъ они клеветъ,
Чтобъ истощить мое терпѣнье.

Христосъ! ты повелѣлъ прощать,
Прости имъ—такъ какъ я прощаю.
Меня во-вѣкъ имъ не понять,
А я ихъ глупость понимаю.

Плохой мертвецъ.

Схоронилъ я навѣкъ и оплакалъ
Мое сердце—и что жь, наконецъ!
Чудеса, наконецъ!—Шевелится,
Шевелится въ груди мой мертвецъ...
Что съ тобой, мое бѣдное сердце!
— Жить хочу, выпускай на просторъ!
Изъ-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздоръ!

Миръ съ тобой, мое бѣдное сердце!
Я недаромъ тебя схоронилъ,
Для кого тебѣ жить! Что за радость
Трепетать, выбиваться изъ силъ!
Никому ты не нужно—покойся!
— Жить хочу—выпускай на просторъ!
Изъ-за каждой хорошенькой куклы
Стану я умирать, что за вздоръ!

Поцѣлуй.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я недаромъ такъ жарко цѣлую тебя—

Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти,—былъ робокъ и нѣмъ,
И за ту, что̀ меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да убитая спитъ подъ могильнымъ крестомъ.

Все, что̀ въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Догарая, пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ.

---

* *
*

Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ,
Ты напомнила мнѣ полу-дѣтскимъ лицомъ
Все то счастье, которымъ мы грезимъ во снѣ,
Грезы дѣтской любви ты напомнила мнѣ.

* *
*

Ты напомнила мнѣ зноемъ темныхъ очей
Лучезарныя тѣни восточныхъ ночей—
Мракъ цвѣтущихъ садовъ,—блѣдный ликъ при лунѣ...
Бури первыхъ страстей ты напомнила мнѣ.

* *
*

Ты напомнила мнѣ много милыхъ тѣней
Простотой,—темнымъ цвѣтомъ одежды твоей.

И могилу, и слезы, и бредъ въ тишинѣ
Одинокихъ ночей ты напомнила мнѣ.

* *
*

Все, что̀ въ жизни съ улыбкой навстрѣчу мнѣ шло,
Все, что̀ время на-вѣкъ отъ меня унесло,
Все, что̀ гибло, и все, что̀ стремилось любить—
Ты напомнила мнѣ.—Помоги позабыть!

---

* *
*

Слышу я, моей сосѣдки
Днемъ и ночью, за стѣной,
Раздается смѣхъ веселый,
Плачетъ голосъ молодой—
За моей стѣной бездушной,
Чью-то душу слышу я,
Въ струнныхъ звукахъ чье-то сердце
Долетаетъ до меня.
За стѣной поющій голосъ
Духъ незримый, но живой,
Потому что и безъ двери
Проникаетъ въ уголъ мой,
Потому что и безъ слова
Можетъ мнѣ въ ночной тиши
На призывъ звучать отзывомъ,
Быть душою для души.

Бранятъ.

По всѣмъ землямъ, на всѣхъ моряхъ,
Ты слышишь гулъ извѣтовъ ложныхъ
И бранный крикъ на всевозможныхъ
Тебѣ знакомыхъ языкахъ!—
Бранитъ тебя иноплеменникъ,
Бранитъ тебя родной твой сынъ,—
Бранитъ свободный твой измѣнникъ
И братъ твой, плѣнный славянинъ.
Бранитъ хохолъ великорусскій,
Бранитъ малороссійскій ляхъ,
Великоруссъ, въ уздѣ французской,
И нѣмецъ, въ русскихъ орденахъ.
Бранятъ тебя—(какъ будто знаютъ!),
Бранятъ, когда воображаютъ,
Что ты наукой растлѣна,
И что измѣны сѣмена
Въ тебѣ посѣялъ врагъ лукавый.
Бранятъ за то, что ты вѣрна,—
Гордишься суетною славой
И чтишь орлы да знамена.
Бранятъ за то, что ты богата,
Не деньги любишь, а почетъ
И потеряла всякій счетъ
Тобой растраченнаго злата;
Бранятъ за то, что ты бѣдна,
Разорена, истомлена—
Громада слабости примѣрной.

Бранятъ за то, что ты страшна
Своею силой непомѣрной,
И можешь маніемъ руки
Поднять Европу на штыки.
Бранятъ за то, что лицемѣришь,
Таишь подъ маской простоты
Честолюбивыя мечты;
За то, что слишкомъ вѣришь ты,
За то, что ничему не вѣришь
И ничего не признаешь;
Бранятъ за правду и за ложь,
Бранятъ за раннюю свободу,
Бранятъ за то, что не даютъ
Свободы твоему народу:
За все бранятъ, за все клянутъ.
И если я, поэтъ твой бѣдный,
Свою надсаживая грудь,
Спою тебѣ какой-нибудь
Хвалебный стихъ иль гимнъ побѣдный—
О! закричатъ,—кого надуть
Онъ хочетъ?—человѣкъ онъ вредный,
Позоръ народа своего!
И ежели не лобъ онъ мѣдный,
То—льстецъ,—наплюемъ на него...

Но этихъ криковъ и клеветъ
Не струситъ никакой поэтъ—
Гордиться будетъ нареканьемъ,
Когда твой умъ или твой духъ
Ему послужитъ оправданьемъ.

1865.

Неизвѣстность.

Кто этотъ геній, что заставитъ
Очнуться насъ отъ тяжкихъ сновъ,
Разъединенныхъ мысли сплавитъ
И силу новую поставитъ
На мѣсто старыхъ рычаговъ?
Кто упроститъ задачи сложность?
Кто къ совершенству дастъ возможность
Расчистить милліонъ дорогъ?
Кто этотъ дерзкій полу-богъ?
Кто нечестивецъ сей блаженный?
Кто геніальный сей глупецъ?
Пророкъ-фанатикъ вдохновенный
Или практическій мудрецъ?!.
Прійдетъ ли онъ, какъ утѣшитель
Иль какъ могучій, грозный мститель,
Чтобъ образумить племена?
Любовь ли въ нужды наши вникнетъ,
Иль ненависть народамъ кликнетъ?
Пойдетъ и сдвинетъ знамена?
Богъ вѣсть! напрасно умъ гадаетъ...
А тамъ, предтеча, можетъ быть,
Уже проселками шагаетъ,
Глубоко вѣритъ и не знаетъ,
Гдѣ ночевать, что̀ ѣсть и пить.
Кто знаетъ, можетъ быть, случайно
Онъ и къ тебѣ ужь заходилъ
Мечты мечтами замѣнилъ
И въ молодую душу тайно
Иныя думы заронилъ...

1865.

Фантазіи бѣднаго малаго.

Я бъ желалъ,—внимая гулу вѣтра,
Размышлялъ когда-то бѣдный малый,
На чердакъ свой въ сумерки забравшись,—
Я бъ желалъ, чтобъ шаръ земной иначе
Былъ устроенъ мачихой-природой;
Чтобъ моря не знали урагановъ,
Чтобъ земля не стыла отъ морозовъ,
Чтобъ она не трескалась отъ зноя,
Чтобъ весна цвѣты свои мѣшала
Съ золотыми осени плодами;
Я бъ тогда нашелъ себѣ мѣстечко,—
Я бъ тогда ушелъ подъ самый полюсъ,
Тамъ бы легъ въ тѣни густыхъ каштановъ:
Кто бъ тогда мѣшалъ мнѣ грызть орѣхи,
Упиваться виноградным сокомъ,
Въ пѣнье птицъ, въ нѣмое созерцанье
Вѣчныхъ звѣздъ душою погружаться!
Въ хороводѣ непритворно-страстныхъ,
Шаловливо-нѣжныхъ дѣвъ—по вкусу
Я бъ нашелъ себѣ жену-голубку:
Для нея построилъ бы я домикъ
Изъ шестовъ, плющами перевитыхъ,
Къ потолку подвѣсилъ бы гирлянды,
И нагой валялся бъ я по сѣну,
Какъ съ амурами, съ дѣтьми нагими.
Я бъ училъ ихъ по деревьямъ лазить,
Съ обезьянами я жилъ бы въ мирѣ...
Да и люди были бы сноснѣе.

— Вишь, чего ты захотѣлъ, бѣдняга!
Глухо прошумѣла мать-природа,—
У тебя, знать, губа-то не дура!

— Я бъ желалъ,—уткнувши носъ въ подушку,
Продолжалъ мечтать мой бѣдный малый,—
Я бъ желалъ, чтобъ люди умирали
Безъ тоски, съ невозмутимой вѣрой,
Что они изъ міра ускользаютъ,
Какъ изъ душной ямы на свободу,
Чтобъ я могъ витать загробной тѣнью;
Я бъ тогда нежданнымъ появленьемъ
Могъ смутить бездушнаго злодѣя,
Оправдалъ бы жертву тайной злобы,
Былъ бы добрымъ геніемъ несчастныхъ,
А не то—я могъ бы, ради смѣха,
Озадачить моднаго педанта,
Гордаго въ своемъ матерьялизмѣ,
Я бъ заставилъ перья прыгать—или
У меня и книги бы летали.
А не то... Клянусь моей любовью!..
Къ *ней*, моей божественной, прелестной—
Къ той, о комъ я, бѣдный малый,
И мечтать не смѣю, оттого что,
Пребывая въ невысокомъ чинѣ,
Высоко квартиру нанимаю,—
Я бъ подкрался свѣжимъ, раннимъ утромъ,
Подошелъ бы къ дѣвственному ложу,
Тихо распахнулъ бы занавѣски
И листы крапивы самой жгучей
Насовалъ бы ей подъ одѣяло.
Я бъ желалъ, чтобъ мачиха-природа,
Не шутя, хоть чорта смастерила—

И за то я бъ ей сказалъ «спасибо»...

. . . . . .

— Вишь, чего ты захотѣлъ, бѣдняга!
Громко просвистѣла мать-природа,—
У тебя, знать, губа-то не дура!

— Если жь нѣтъ! хвативши кулачищемъ
По столу, воскликнулъ бѣдный малый,—
Если эта мачиха-природа
Ничего-то не сумѣла сдѣлать—
И бѣднѣе всѣхъ моихъ фантазій,
Я хочу, чтобъ ей на зло повсюду
Разлилось довольство, чтобъ законны
Были всѣ земныя наслажденья,
Чтобъ меня судила справедливость,
Чтобъ тяжелый трудъ былъ равномѣрно
И по-братски раздѣленъ со всѣми,
Чтобъ свобода умѣряла страсти,
Чтобы страсти двигали народомъ,
Какъ пары колесами машины,
Облегчая руки человѣка,
Созидая новыя богатства.

— У тебя, знать, губа-то не дура!
Залилась, запѣла мать-природа.—
Погляжу я на тебя, бѣдняга,
Какъ ты будешь съ братьями-то ладить—
Будешь ладить, я мѣшать не стану,
Даже стану по головкѣ гладить.

* *
*

И въ праздности горе, и горе въ трудѣ!..
Откликнитесь, гдѣ вы, счастливые, гдѣ?
Довольные, бодрые, гдѣ вы?
Кто любитъ безъ боли? кто мыслитъ безъ страха?
Кого не тревожитъ упрекъ или плачъ!
Суда и позора боится палачъ—
Свободѣ мерещится плаха...
Хоть сотую долю тяжелыхъ задачъ
Рѣши ты намъ, жизнь безтолковая,
Некстати къ намъ нѣжная,
Некстати суровая,
Слѣпая,—безпутно мятежная!..

Хандра и сонъ

М. В. Ломоносова.

(Читано на юбилеѣ Ломоносова 7 апрѣля 1865 г.).

Среди машинъ, ретортъ, моделей кораблей,
У пыльнаго станка съ начатой мозаикой,
Предъ грудою бумагъ, проектовъ, чертежей,
Сидѣлъ онъ, бѣглый сынъ поморскихъ рыбарей,
Слуга имперіи и въ ней борецъ великій
За просвѣщеніе страны ему родной,
Борецъ—измученный безплодною борьбой
Съ толпою пришлецовъ, принесшихъ въ край нашъ темный
Корысть и спѣсь учености наемной.

Больной, не могъ онъ спать,—сидѣлъ, облокотясь
Близъ недоконченной работы,
И унывающимъ его на этотъ разъ
Застала ночь. Куранты били часъ.
Огарокъ догорѣлъ, лампада у кіоты
Одна по вѣнчикамъ иконъ дробила свѣтъ
И озаряла темный кабинетъ.

Ни милой дочери вечернія заботы,
Ни предстоящій трудъ, ни отдаленный бой
Курантовъ не могли души его больной
Отвлечь отъ тысячи печальныхъ размышленій:
Знать, въ этотъ часъ, унылый и глухой,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.

Недаромъ головой онъ на руки поникъ
И тихо вздрагивалъ,—безпомощный старикъ.
Въ какомъ-то безпорядкѣ смятомъ
Лежалъ камзолъ его въ углу на грудѣ книгъ,
И брошенъ былъ на стулъ, знакомый меценатамъ,
Парадный, пудреный парикъ.

«Эхъ, Ломоносовъ, бѣдный Михаилъ
«Васильичъ!» самъ съ собой онъ съ грустью говорилъ:
«Ты родины своей ничѣмъ не могъ прославить,
«И вотъ, за то что ты не любишь уступать,
«За то что ты привыкъ все только съ бою брать,
«Отъ академіи хотятъ тебя отставить...
«Пора тебѣ молчать, глупѣть и умирать!»

Такъ онъ хандрилъ,—и вотъ, отъ темнаго начала
До темнаго конца вся жизнь предъ нимъ предстала:
Удача странная, капризная судьба
И съ неудачами тяжелая борьба.

И думалъ онъ: «Ни шумныхъ бурь порывы,
«Ни холодъ бурныхъ волнъ, ни эти массы льдовъ,
«Плывущихъ сквозь туманъ загородить проливы
«И не пускать домой насъ, бѣдныхъ рыбаковъ,—
«Ни даль безвѣстная, ни старовѣровъ толки,
«Ни брань, ни страхъ, ничто осилить не могло
«Того, что̀ съ юныхъ лѣтъ меня сюда влекло.

«Бывало, помню—воютъ волки,
«Преслѣдуя въ лѣсу блуждающій обозъ,—
«Ночь—боръ кругомъ—лицо деретъ морозъ;
«А ты лежишь себѣ на дровняхъ подъ рогожей,
«Пусть воютъ! думаешь, отдавшись волѣ Божьей,
«Да задаешь себѣ мучительный вопросъ:
«Мужикъ! ты можешь ли извѣдать всѣ науки?
«Затѣмъ ли данъ тебѣ и разумъ, и языкъ,
«Чтобъ ты, какъ самоѣдъ, къ однимъ звѣрямъ привыкъ,
«И если неучъ ты, умнѣй ли будутъ внуки?

«И вотъ, рѣшился ты бѣжать,
«И, не простясь ни съ кѣмъ, пошелъ Москвы искать,
«И прибылъ ты въ Москву;—на молодыя страсти,
«На злые помыслы желѣзную узду
«Ты наложилъ,—переносилъ нужду,
«Терпѣлъ великія обиды и напасти,
«И чуть не въ рубищѣ скитался безъ сапогъ:
«Зубрилъ и голодалъ—все вынесъ, Богъ помогъ,
«Черезъ Германію и оды понемногу
«Съ латинскимъ языкомъ ты вышелъ на дорогу.

«Теперь-то, думалъ я, мы школы заведемъ,
«О просвѣщеньѣ похлопочемъ,
«Способныхъ къ грамотѣ россійской пріурочимъ,
«Способнѣйшихъ въ народъ пошлемъ,
«Расколъ наукою на правду наведемъ,
«Неволѣ—волю напророчимъ.

«Недаромъ я писалъ, вникая въ сотни книгъ,
«Недаромъ похвалы мой стихъ какъ бисеръ нижетъ,
«И что жь увидѣлъ я межъ козней и интригъ?
«Увидѣлъ, что мой умъ ничьи умы не движетъ.
«Такъ валъ безъ колеса и даже безъ зубцовъ,
«Ворочаясь, другихъ не двигаетъ валовъ.
«Кричатъ, я—выродокъ славянскій! нѣтъ, бывало,
«По деревнямъ встрѣчалъ не мало я головъ...
«И Ломоносовыхъ явилось бы не мало;
«Но къ свѣту нѣтъ пути и свѣтъ ихъ не влечетъ.
. . . . . .

«На то ли грозный Петръ державною сохой
«Россію бороздилъ и всюду вѣхи ставилъ,
«Чтобъ русскій сѣятель тѣ борозды оставилъ,
«И не задумался надъ нивою родной?..

«Стою, какъ пахарь, я надъ нивой, гдѣ я сѣялъ,
«И вижу, жатвы нѣтъ, все вражій духъ разсѣялъ,
«И, какъ работникъ, я не нуженъ никому».

Такъ долго онъ хандрилъ и все сидѣлъ. Казалось,
Онъ спалъ, склонясь къ рукѣ, или ему дремалось.
Но мысль: «не нуженъ я», «не годенъ ни къ чему»,
«Не нуженъ никому»—въ него стрѣлой вонзилась.
И безпрестанно шевелилась
Она въ его мозгу—противная уму,
Росла, росла и въ грезы превратилась,
И облеклась въ видѣнья: то ему
Казалось, рушится громада,—повалилось
Все, что̀ Петромъ сколочено, и онъ,
Какъ тѣнь, надъ этими развалинами бродитъ,
Ни жизни, ни могилъ знакомыхъ не находитъ,—
Не можетъ самъ найти, гдѣ былъ похороненъ
Рабъ божій Михаилъ—піита Ломоносовъ...
. . . . . .

То грезилось ему,—пришелъ онъ на совѣтъ
И засѣдаетъ съ мертвецами,
И громко говоритъ, и споритъ съ нимъ скелетъ
Съ напудренной косой, въ кафтанѣ съ галунами,
И говоритъ ему: «молчи! народа нѣтъ,
Одинъ ты выродокъ живой достоинъ съ нами
Быть въ академіи! доволенъ будь, молчи!
О средствахъ, о женѣ, о чинѣ хлопочи...
Но, вѣдай, университета
Не будетъ въ Питерѣ до преставленья свѣта».

Такъ слышалось ему—такъ мрачно грезилъ онъ;
Такъ страшно въ эту ночь, борясь съ толпой видѣній,
Страданьями съ судьбой расплачивался геній.
Но муза сжалилась.
Богиня, Геликонъ
Покинувъ, для него сошла въ нашъ край суровый,
Съ поникшаго чела сняла вѣнецъ лавровый
И подошла къ нему,—и погрузился онъ
Въ пророческій, глубоко ясный сонъ.—
И вотъ ему, шумя, сверкая и пестрѣя,
Приснился этотъ залъ и праздникъ юбилея.
Горятъ огни—во время торжества
Играетъ музыка, и раздается пѣнье.
И посреди иного поколѣнья
Въ рѣчахъ шумитъ о немъ столѣтняя молва,—
И русскій стихъ, набравшись русской силы,
О имени его звонитъ среди гостей,
Тѣнь Ломоносова зовутъ изъ-за могилы,—
Хотятъ вѣнчать ее, сказать «спасибо» ей,
За трудный подвигъ начинанья,
За первый русскій стихъ, ласкавшій русскій слухъ,
За честную борьбу, за вѣру въ русскій духъ,
За первый лучъ народнаго сознанья...

Хотятъ сказать ему... и самъ онъ увидалъ,
Что лавръ, его рукой посаженный межъ терній,
Возросъ и бюстъ его прикрылъ и увѣнчалъ...
И сонъ исчезъ... Но улыбнулся геній
Такой улыбкою, какъ будто бы она
Чрезъ цѣлый рядъ годовъ и поколѣній
Къ намъ изъ прошедшаго была обращена
Въ нѣмую будущность...

Не будемъ нѣмы, примемъ
Его привѣтъ загробный и поднимемъ
Во славу разума торжественный бокалъ,
Съ прошедшимъ сочетавъ грядущій идеалъ.

Что если...

Что—если на любовь послѣднюю твою
Она любовью первою отвѣтитъ,
И, какъ дитя, произнесетъ: «люблю»,—
И сумеркамъ души твоей посвѣтитъ?
Ея безпечности, смотри, не отрави
Неугомоннымъ подозрѣньемъ;
Къ ея ребяческой любви
Не подходи ревнивымъ привидѣньемъ.
Очнувшись женщиной, въ испугѣ за себя,
Она къ другому кинется въ объятья
И не захочетъ понимать тебя,—
И въ первый разъ услышишь ты проклятья,
Увы! въ послѣдній разъ любя.

Напрасно.

Напрасно иногда взывалъ онъ къ тѣни милой,
И ждалъ—былое вновь придетъ и воскреситъ
Все то, что мертвымъ сномъ спитъ, взятое могилой,
Придетъ—и усыпитъ любви волшебной силой
Ту жажду счастья, что проснулась и—томитъ.

Напрасно онъ хотѣлъ любовь предать забвенью,
Чтобъ ясный свѣтъ ея, утраченный навѣкъ,
Не раздражалъ его, подобно впечатлѣнью
Потухшаго огня, который красной тѣнью,
Рябя въ потьмахъ, плыветъ изъ-подъ усталыхъ вѣкъ.

Напрасно онъ молилъ, отдавшись страсти новой:
— Хоть ты приди ко мнѣ съ улыбкой на устахъ!
Чтобъ съ новой силой могъ я къ старости суровой
На головѣ пронесть вражды вѣнецъ терновый
И крестъ—тяжелый крестъ на слабыхъ раменахъ.—

Любовь не шла къ нему, какъ мѣсяцъ изъ тумана;
Жизнь въ душу вѣяла, какъ вѣтеръ въ зимній день;
Сильнѣй часъ-отъ-часу горѣла въ сердцѣ рана;—
Но въ новомъ образѣ въ міръ мрака и обмана
Не возвращалася возлюбленная тѣнь.

Поздняя молодость.

Лѣта идутъ—идутъ и бременятъ—
Суровой старости, въ усахъ мелькаетъ иней,—
Жизнь многолюдная, какъ многогрѣшный адъ,
Не откликается—становится пустыней—
Глаза изъ-подъ бровей завистливо глядятъ,
Улыбка на лицѣ морщины выгоняетъ.
Куда подъ-часъ не хороша
Улыбка старости, которая страдаетъ!
А между тѣмъ безумная душа
Еще кипитъ, еще желаетъ.—

Уже боясь чарующей мечты,
Невольно, можетъ быть, она припоминаетъ,
При видѣ каждой красоты,
Когда-то свѣжія и милыя черты
Своихъ богинь, давно уже отцвѣтшихъ,—
И мнитъ изъ радостей прошедшихъ
Неслыханныя радости создать,
Отдаться новымъ искушеньямъ,
Послѣднимъ насладиться наслажденьемъ,
Послѣднее отдать.

Но страсть, лишенная живительной награды,
Какъ жалкій и смѣшной порывъ,
Смѣняется слезой отчаянной досады,—
Иль гаснетъ, тщетныя желанья изнуривъ.—
Такъ музыкантъ, какимъ бы въ немъ огнемъ
Ни пламенѣли памятные звуки,
Съ разбитой скрипкой, взятой въ руки,
Стоитъ съ понуреннымъ челомъ.

Въ душѣ—любовь, и слезы, и перуны,
И музыки бушующій потокъ;
Въ рукахъ—обломки, порванныя струны
Или надломленный смычокъ.

Ѳ. И. Тютчеву[39].

Ночной костеръ зимой у перелѣска,
Богъ вѣсть, кѣмъ запаленъ, пылаетъ на бугрѣ.
Вокругъ него, полны таинственнаго блеска,
Деревья въ хрусталяхъ и бѣломъ серебрѣ;
Къ нему въ глухую ночь и запоздалый пѣшій
Подсядетъ, и съ сумой приляжетъ нищій братъ,
И богомолецъ, и,—быть можетъ, даже лѣшій;
Но мимо пролетитъ, кто счастіемъ богатъ.
Къ его щекѣ горячими губами
Прильнула милая,—на что имъ твой костеръ!
Ихъ поцѣлуй обвѣянъ полуснами,
Ихъ кони мчатъ, минуя косогоръ,
Кибитка ихъ въ сугробѣ не увязнетъ,
Дорога лоснится, полозьевъ слѣдъ визжитъ,—
За ними эхо по лѣсу летитъ,
То издали имъ жалобно звенитъ,
То звонкимъ лепетомъ ихъ колокольчикъ дразнитъ.
Такъ и къ тебѣ, задумчивый поэтъ,
Къ огню, что ты сберегъ на склонѣ бурныхъ лѣтъ,
Счастливецъ не придетъ. Огонь подъ сѣдинами
Не грѣетъ юности, летящей съ бубенцами
На тройкѣ ухорской, въ тотъ теплый уголокъ,
Гдѣ ждетъ ее къ столу кутилъ живой кружокъ,
Иль пологъ, затканный цвѣтами.

Но я—я бѣдный пѣшеходъ—
Одинъ шагаю я, никто меня не ждетъ...
Глухая ночь меня застигла,—
Морозной мглы сверкающія и́глы
Открытое лицо мое язвятъ,
Гдѣ бъ ни горѣлъ огонь, иду къ нему, и радъ—
Радъ вѣрить, что моя пустыня не безлюдна,
Когда по ней кой-гдѣ огни еще горятъ...
. . . . . .

Среди хаоса.

Я не того боюсь, что время насъ измѣнитъ,
Что ты полюбишь вновь, или простыну я.
Боюсь я—дряблый свѣтъ силъ свѣжихъ не оцѣнитъ,
Боюсь, капризъ судьбы въ лохмотья насъ одѣнетъ,
Не дастъ прохлады въ зной, въ морозъ не дастъ огня.

Отдамся ль творчеству въ минуты вдохновенья!...
Къ поэзіи чутье утратилъ гордый вѣкъ:
Въ мишурной роскоши онъ ищетъ наслажденья,
Гордится пушками—боится разоренья,
И первый врагъ его—есть честный человѣкъ.

Наука ль, озаривъ разсудокъ мой, понудитъ
Сонливые умы толкать на вѣрный слѣдъ!—
Мой связанный языкъ, скажи, кого разбудитъ?
Невѣжество грозитъ, и долго, долго будетъ
Грозить, со всѣхъ сторонъ загородивши свѣтъ.

Вооружу ли я изнѣженныя руки
Пилой и топоромъ, чтобъ съ бѣдною толпой
Дѣлить поденный трудъ,—ужели, Боже мой,
Тебя утѣшитъ, въ дни томительной разлуки,
Мечта, что я вернусь голодный иль больной?

Чудесъ ли ожидать безъ вѣры въ тайны неба!
Иль вѣрить намъ въ металлъ, какъ въ высшее добро?
Но биржа голоситъ: гдѣ наше серебро!?
Богачъ клянетъ долги, работникъ ищетъ хлѣба,
Писатель продаетъ свободное перо.

Покоя ль ожидать!—но тамъ, гдѣ наши силы
Стремятся на просторъ и рвутся изъ пеленъ,
Гдѣ правды нѣтъ еще, а вымыслы постылы,—
Тамъ нѣтъ желаннаго покоя внѣ могилы,
Тамъ даже сонъ любви—больной, тревожный сонъ.

Случайность не творитъ, не мыслитъ и не любитъ,
А мы—мы всѣ рабы случайности слѣпой,
Она не видитъ насъ и, не жалѣя, губитъ;
Но вѣритъ ей толпа, и долго, долго будетъ
Ловить ее въ потьмахъ и звать ее *судьбой*.

Повалитъ ли меня случайность та слѣпая?
Не знаю, но дай Богъ, чтобъ былъ я одинокъ,
Чтобъ ты не падала, мнѣ руки простирая...
Нѣтъ—издали заплачь, и—пусть толпа, толкая
Другъ друга, топчетъ мой, ненужный ей, вѣнокъ!..

Литературный врагъ.

Господа! я нынче все бранить готовъ—
Я не въ духѣ—и не въ духѣ потому,
Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой
Чуть не плачу я,—а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.

Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
Нѣтъ!—мы были безкорыстные враги!

Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но—тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я—пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы.

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера.

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Еслибъ узника да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной—
И я долженъ поневолѣ замолчать.

Онъ страдаетъ, оттого что есть семья,—
Я страдаю, оттого что слышу смѣхъ;
Но что̀ значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!

Нѣтъ борьбы, и—ничего не разберешь—
Мысли спутаны случайностью слѣпой,—
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра—
Не за счастье буду пить я—буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера.

Современная идиллія.

Самихъ себя они изгнали
И встрѣтились въ чужихъ краяхъ;
Сошлись, истратились, устали,
И домикъ наняли въ горахъ.

Тамъ, гдѣ на солнечномъ припекѣ
Въ дни Пасхи зрѣетъ апельсинъ,
Гдѣ въ зной журчащіе потоки
Изъ трещинъ каменныхъ, съ вершинъ
Стекаютъ въ сонныя долины;
Гдѣ возлѣ мраморныхъ руинъ,
Изъ кактусовъ колючій тынъ,
Какъ допотопныхъ травъ потомокъ,
Торчитъ,—прикрывъ со всѣхъ сторонъ
Когда-то царственныхъ колоннъ
Въ плющи наряженный обломокъ;
Гдѣ серпъ забытъ, заброшенъ плугъ,
Гдѣ бѣлый домъ съ крыльцомъ изъ тѣни
На солнце выдвинулъ ступени;
Гдѣ къ морю путь прошелъ на югъ;
Гдѣ высохъ листъ, трава пожелкла,
Гдѣ жизнь, какъ бы уставши, смолкла,
Они скрываются самъ-другъ.
Не жаль имъ родины холодной:
Онъ проклялъ жизнь въ ея степяхъ
И скрылся отъ вражды народной;
Она—ушла въ любви свободной
Искать уединенныхъ дней;
Но въ этой жизни безъ цѣпей
Въ ней скука надломила силы,
А онъ безъ дѣла изнемогъ,
И оба сѣли на порогъ
Своей неприхотливой виллы.
Онъ желтъ лицомъ,—она блѣдна,
Глаза сердиты, губы сухи,
Онъ молчаливъ,—она не въ духѣ—
И говоритъ ему она:

— Ну, что жь намъ дѣлать, ясный соколъ?
Жаръ, духота—одно окно
И даже два окна безъ стеколъ,
Прикрыты ставнями; — смѣшно
Мечтать; а что жь намъ дѣлать лѣтомъ,
Когда и думать тяжело!
Пиши стихи, будь хоть поэтомъ!
Или начнемъ, куда ни шло,
Писать посланія другъ къ другу;
Ты мнѣ пиши, а я тебѣ.

ОНЪ.

О чемъ?

ОНА.

Ты о своей борьбѣ
Съ людьми; а я, на зло судьбѣ,
Постановлю себѣ въ заслугу
Ту независимость, съ какой
Я по любви сошлась съ тобой.
Авось, поднявшись на ходули,
Мы въ собственныхъ своихъ глазахъ
Начнемъ расти, врагамъ на страхъ.
Ахъ, скука, скука! Но могу ли
Я, посуди ты, безъ хандры
Смотрѣть на выступы горы,
Палящимъ солнцемъ облитые,
Какъ бы изъ бронзы отлитые?
Такъ нестерпимо всякій разъ,
Въ день утомительный и жаркій,
Своею желтизною яркой
Они тревожатъ нервы глазъ.
Ты, около меня,—усталый,
Не то поэтъ иль добрый малый,

Провинціалъ изъ нашихъ странъ,
Не то измученный тиранъ,
Моей любви невольникъ жалкій...
А вонъ, пустой водопроводъ
И подъ его разбитой аркой
Ручей спадающій съ высотъ;
Вокругъ него плющи и розы,
А тамъ, на скатѣ, пастухи,
Ослы, пасущіяся козы...
Все это просится въ стихи
Или въ картину,—но все то же
И то же каждый день—о, Боже!
Какъ этихъ живописныхъ мѣстъ
Мнѣ живописность надоѣла!
Но... не ропщу—сама хотѣла
Я на себя взять этотъ крестъ.

ОНЪ.

Несчастная! да развѣ есть
Природа гдѣ-нибудь богаче!
Не петербургскія ли дачи
Ты ей прикажешь предпочесть?
Будь, милая, великодушнѣй,
Здѣсь померанцы...

ОНА.

Что мнѣ въ нихъ!
Отъ рощи ихъ несетъ конюшней.
Ты жь, слава Богу, не женихъ...

ОНЪ.

О! слава Богу!

ОНА.

Ароматенъ
Здѣсь воздухъ такъ, что непріятенъ.

Не знаю, будешь ли ты радъ,
Когда я этотъ ароматъ
Сравню съ любовью: для начала
Она куда какъ хороша!
Но, вѣрь мнѣ, гордая душа
Еще чутья не потеряла...

ОНЪ.

Я также гордъ и, можетъ быть,
Капризенъ также,—цѣпи долга,
Какъ ты, не сталъ бы выносить.
И если вздумалъ полюбить,
Увѣренъ былъ, что не надолго.
Любовь вотъ здѣсь, она въ крови;
Затихла кровь—и нѣтъ любви;
Не вѣрю я въ другое чувство,
Пусть говорятъ о немъ всѣ тѣ,
Кто любитъ праздное искусство,
Построенное на мечтѣ.

ОНА.

А ты—ты развѣ не мечтатель?

ОНЪ.

Благъ неизвѣданныхъ искатель—
Я, ради этихъ благъ, отвергъ
Отчизну, вѣру, власти, нравы,
Кумиры наши ниспровергъ,
Во всѣхъ преданьяхъ нашей славы
Я подсмотрѣлъ не ложь, такъ миѳъ.
Въ своемъ богатствѣ я увидѣлъ
Зло—и его возненавидѣлъ.

Я былъ безпеченъ и лѣнивъ,—
Хотѣлъ занять себя работой;
Жизнь, зараженную зѣвотой,
Моихъ родныхъ и близкихъ мнѣ,
Хотѣлъ похоронить на днѣ
И выплыть на поверхность новымъ...
И что жь увидѣлъ я?—толпа,
Въ своемъ величіи суровомъ,
И суевѣрна и тупа...
Въ республикахъ не находилъ я
Себѣ свободы... сталъ вникать
И понялъ все свое безсилье
И къ сердцу сталъ я прижимать
Свои подшибленныя крылья,
Чтобъ только боль его унять...
Мнѣ стало страшно—не молитва
Мнѣ шла на умъ—въ моемъ умѣ
То пистолетъ мелькалъ, то бритва...
И смерть мнѣ грезилась, но мнѣ,
Какъ видно, суждено скитаться:
А на какой конецъ? признаться,
Не вѣдаю—мудренъ отвѣтъ.
Ни смерти нѣтъ, ни жизни нѣтъ.
Клянусь! на Каинскій привѣтъ
Я бъ могъ откликнуться привѣтомъ.
О, ненавидимая свѣтомъ
И ненавидящая свѣтъ!
Все, проклятое въ цвѣтѣ лѣтъ,
Я предалъ полному забвенью...
Съ твоей ладьей связавъ мою
Полуразбитую ладью,
Отдавшись страсти какъ теченью,
Я такъ былъ радъ уединенью!

И вотъ, аркадскимъ постушкомъ,
Я здѣсь у ногъ твоихъ и млѣю,
Тупѣетъ разумъ—не жалѣю.
Хотѣлъ—хочу забыться сномъ,
Чтобъ хоть во снѣ себя увидѣть
Героемъ, чуть не божествомъ,
Рѣшившимся возненавидѣть
Міръ съ отвратительнымъ лицомъ,
Съ его прогрессомъ и наукой,
Съ авторитетами его...
Зачѣмъ же ты своею скукой
Сонъ эгоизма моего
Нецеремонно такъ тревожишь?
Я просыпаюсь—какъ же быть!
Меня могла ты разбудить,
Но обновить меня не можешь.
Не признавая ничего,
Ты ждешь и требуешь всего.
Природы мало, мало счастья,
Любви—и той недостаетъ,
И за минутой сладострастья
Минута злости настаетъ.
Я знаю, ты меня терзаешь,
Или язвишь насмѣшкой злой,
Когда себя воображаешь
Моею мнимою рабой.
Да, не робка ты, не ревнива,
Но къ слову «рабство» такъ пуглива,
Что это слово для тебя,
Какъ чортъ для малаго ребенка.
Ты разбираешь слишкомъ тонко
Все, что̀ ни выражаю я,
Въ минуту радости иль горя:

Ты улыбаешься мнѣ, споря,
И гордо смотришь на меня,
Когда во всемъ со мной согласна.
Не дѣти мы—пора понять,
Что мы сошлись, увы! напрасно.
Меня ты хочешь изучать,
Но ты и трупа не изучишь,
Когда бъ тебѣ я подалъ ножъ
Анатомическій; за что жь
Меня, живого, ты такъ мучишь?
Простимся лучше навсегда,
Не правда ли, мой ангелъ?

ОНА.

Да!..

Въ городкѣ.

Какъ мило ты принарядилась!
Какъ поумнѣлъ твой дѣтскій взглядъ!
Какимъ плѣнительнымъ румянцемъ озарилось
Твое лицо! Сосѣдки говорятъ,
Что ты, дитя мое, влюбилась...
Въ кого же?!—знаю я здѣсь каждый уголокъ,
(Великъ ли нашъ уѣздный городокъ!..)
Проѣзжихъ нѣтъ—своихъ немного—
Чиновниковъ, плутовъ, какіе только есть,
Немудрено по пальцамъ перечесть...
Какого жь это полубога
Ты встрѣтила, чтобъ такъ расцвѣсть?!

Спустя 15 лѣтъ.

Тамъ, гдѣ на каменные мысы
Буруны хлещутъ, а въ горахъ
Сады, плющи и—кипарисы
У свѣтлыхъ лѣстницъ на часахъ.

Тамъ, гдѣ когда-то равнодушный
Къ веснѣ моихъ тридцатыхъ лѣтъ,
Я не сносилъ ни лжи бездушной,
Ни деспотизма, ни клеветъ,—

Не благодатный вѣтеръ южный,
Не злого моря бурный валъ
Остепенялъ мой жаръ недужный,
Мнѣ раны сердца врачевалъ.

Нѣтъ,—я встрѣчалъ людей съ душою,
Счастливыхъ, добрыхъ и простыхъ,
За нихъ мирился я съ судьбою
И сердцемъ счастливъ былъ при нихъ.

Я отдыхалъ въ ихъ тѣсномъ кругѣ,
Ихъ ласкамъ вѣрилъ какъ добру,
Я видѣлъ брата въ каждомъ другѣ
И въ каждой женщинѣ сестру;

Но и тогда, какъ будто скованъ
Ихъ сладко дремлющимъ умомъ,
Я втайнѣ не былъ очарованъ
Ихъ счастья будничнымъ вѣнцомъ.

Иныхъ людей я жаждалъ встрѣтить,
Иныя страсти испытать,
На зовъ ихъ трепетомъ отвѣтить,
Торжествовать иль погибать.

Пора титановскихъ стремленій,
Духъ безкорыстнаго труда,
Часы горячихъ вдохновеній—
Куда умчались вы—куда!

Новорожденные титаны,
Гдѣ ваши тѣни! я одинъ
Поклонникъ вашъ, скрывая раны,
Брожу, какъ тѣнь, среди руинъ...

Въ борьбѣ утраченныя силы,
Увы! не скоро оживутъ...
Молчатъ далекія могилы—
Темницы тайнъ не выдаютъ.

1865.

Въ альбомъ К. Ш...

Писатель—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ
Когда поражена свобода.

Орелъ и змѣя.

На горахъ, подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ:—изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.

У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное.
— «Высоко ты, змѣя, забираешься!
Молвилъ онъ: будешь плакать—раскаешься!»...

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
«Изъ-подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...
Не пугай меня злыми угрозами,
Нѣтъ!—бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами,
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя».

Засвѣтилися глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному,—
Распахнулися крылья орлиныя,—
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному,

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное;
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася:
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя:
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя—
Вдругъ—
Змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилося,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Т—ѣ.

Все допытай—все узнай, моя милая,
Что отравляетъ тебя,
Тупость вражды—или дружба постылая,
Общество или семья?
Гложетъ ли сердце твое страсть недужная,
Тайная, съ болью глухой?
Иль суета—не тебѣ, людямъ нужная,
Губитъ твой бѣдный покой?
Кто бъ ни губилъ—не щади отравителя
И перестань быть щитомъ
Тѣхъ, кто не можетъ найти утѣшителя
Въ собственномъ сердцѣ своемъ.
Уединись, если нужно—и съ твердостью
Въ уголъ свой насъ не пускай;
Смѣйся надъ нашей обидчивой гордостью—
Нашу тоску—презирай.

Уединеніе, трудъ, размышленіе,
Книги, перо и тетрадь—
Въ нихъ ты для сердца найдешь исцѣленіе
И для ума—благодать.

1867.

Въ маѣ 1867.

Это весна!
Небо глядитъ сентябремъ,
Жутко сидѣть у окна,
Мгла за окномъ.
Льдины плывутъ,—тучи—холодъ—
Дышитъ міазмами городъ—
Это весна!

Это весна!
О, лихорадочный бредъ!
Въ полѣ трава чуть видна—
Листика нѣтъ,
По саду чинно гуляя,
Дрогнутъ поклонники мая—
Это весна!

Это весна!
О! если русскій народъ
Такъ же встаетъ ото сна,
Такъ же цвѣтетъ!
Прелесть такого расцвѣта
Не вдохновитъ и поэта—
Это весна!

Это весна!
Дайте жь тепла, чтобъ порой
Вѣяло мнѣ изъ окна
Свѣжей грозой,
Чтобъ солнце, какъ сердце, горѣло,
Чтобъ все говорило и пѣло:
Здравствуй, весна!

С.-Петербургъ.

Дѣтское геройство.

Когда я былъ совсѣмъ дитя,
На палочкѣ скакалъ я;
Тогда героемъ, не шутя,
Себя воображалъ я.

Порой разсказы я читалъ
Про битвы да походы
И, восторгаясь, повторялъ
Торжественныя оды.

Мнѣ говорили, что сильнѣй
Нѣтъ нашего народа;
Что всѣхъ ученѣй и умнѣй
Попъ нашего прихода;

Что всѣхъ храбрѣе генералъ,
Тотъ самый, что всѣхъ раньше
На чай съ ученья пріѣзжалъ
Къ какой-то капитаншѣ.

Въ парадный день, я помню, былъ
Разводъ передъ соборомъ—
Коня онъ ловко осадилъ
Передъ тамбуръ-мажоромъ.

И съ музыкой прошли полки...
А генералъ въ коляскѣ
Проѣхалъ, кончикомъ руки
Дотронувшись до каски.

Попъ былъ наставникомъ моимъ
Первѣйшимъ изъ мудрѣйшихъ,
А генералъ съ конемъ своимъ,—
Храбрѣйшимъ изъ первѣйшихъ.

Я вѣрилъ славѣ—и кричалъ:
Дрожите, супостаты!
Себѣ враговъ изобрѣталъ—
И братьевъ бралъ въ солдаты.

Богатыри почти всегда
Дѣтьми боготворимы,
И гордо думалъ я тогда,
Что всѣ богатыри мы.

И ничего я не щадилъ,
(Такой ужь былъ затѣйникъ!)
Колосьямъ головы рубилъ,
Въ защиту бралъ репейникъ.

Потомъ трубилъ въ бумажный рогъ,
Кичась неравнымъ боемъ.
О! для чего всю жизнь не могъ
Я быть такимъ героемъ!

Темный человѣкъ.

Онъ темный человѣкъ, но вовсе не туманный,
Напротивъ, онъ блеститъ, какъ черный шаръ стеклянный,
Поставленный на тумбочкѣ въ саду.
Все въ немъ является живой каррикатурой—
Смотрите, я къ нему поближе подойду
И отражусь въ немъ сплюснутой фигурой.
Отъ этого кому какое зло?
Ни вашей красоты, ни вашихъ выраженій
Убить не въ силахъ праздное стекло
Уродливой игрой фальшивыхъ отраженій.

---

* *
*

Заря подъ тучами взошла и загорѣлась
И смотритъ на дорогу сквозь кусты...
Гляди и ты.
Какъ блѣдны въ ихъ тѣни поникшіе цвѣты,
И какъ въ блестящій пурпуръ грязь одѣлась...

---

* *
*

Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени—
За правду я биться готовъ,
Готовъ умереть,—но у каждаго знамени
Съ друзьями встрѣчалъ я враговъ:
Друзья ополчались на ложь ненавистную,
Враги, молча, думали думу корыстную.

Тамъ мира друзья, подъ эгидой воителей,
Точили, какъ мальчики, ножъ!
Здѣсь хитрый обманъ ждалъ себѣ покровителей
Среди ненавидящихъ ложь...
И правду любилъ я, ни въ комъ не увѣренный,
Друзьямъ и врагамъ руки жалъ, какъ потерянный.

«Намъ нужно одно лишь твое безпристрастіе»,
Шептали друзья—«помоги!»
— «Быть съ нами считай за великое счастіе»,
Кичась, намекали враги.
Друзья! вы отвыкли вникать и угадывать.
Враги! не желаю я спесь вашу радовать.

Не рабъ—а поэтъ я,—гордыней обиженный—
Не въ вашихъ нестройныхъ рядахъ
Пойду я—нѣтъ! ратникъ свободы униженной,
Оружье найду я въ стихахъ.
Соратники будутъ—мои вдохновенія,
И будетъ вождемъ ихъ духъ добраго генія.

12 ноября 1867 г.

Влюбленный мѣсяцъ.

(Посв. М. Л. Златковскому).

Моя барышня по садику гуляла,
По дорожкѣ поздно вечеромъ ходила;
Съ брилліантикомъ колечко потеряла,
Съ бѣлой ручки его, видно, обронила.

Какъ ложилась на кроватку—спохватилась,—
Спохватившись, по коврамъ его искала.
Не нашла она колечка—обозлилась—
Меня, бѣдную, воровкой обозвала.

И не знала я съ тоски, куда дѣваться;
Хоть бы матушка воскресла—заступилась!
Вышла въ садикъ я тихонько прогуляться,
Увидала ясный мѣсяцъ—застыдилась.

Слышу, мѣсяцъ говоритъ мнѣ—самъ сіяетъ:
— «Не пугайся меня, красная дѣвица!
«Бѣдный мѣсяцъ, какъ и ты, всю ночь блуждаетъ,
«И ему подъ темнымъ пологомъ не спится.

«И недаромъ въ эту ночь я вышелъ—свѣтелъ:
«Много горя, много дѣвушекъ видалъ я,
«А какъ барышню твою вечоръ замѣтилъ,
«О какомъ-то тихомъ счастьѣ возмечталъ я.

«Какъ вечоръ она по садику гуляла—
«Плечи бѣлыя, грудь бѣлую раскрыла—
«Ты скажи мнѣ, не по мнѣ ль она скучала,
«На сырой песокъ слезинку уронила?..»

Встрепенулось во мнѣ сердце ретивое.
Наклонилась я къ дорожкѣ, увидала
Не слезинку, а колечко дорогое,
И обмолвилась я—мѣсяцу сказала:

«Мою барышню любовь не безпокоитъ,
«Ни по комъ она, красавица, не плачетъ,
«Много денегъ ей колечко это сто́итъ,
«Имя жь честное мое не много значитъ...

«И свѣти ты хоть надъ цѣлою землею—
«Не дождешься ты любви отъ бѣлоручки!...»
И закапали серебряной росою
Слезы мѣсяца, и спрятался онъ въ тучки.

Съ той поры, когда я, бѣдная, горюя,
Выхожу одна поплакать на крылечко,—
Бѣдный мѣсяцъ! бѣдный мѣсяцъ! говорю я:—
Хоть съ тобой мнѣ перекинуть дай словечко.

Двойникъ.

Я шелъ и не слыхалъ, какъ пѣли соловьи,
И не видалъ, какъ звѣзды загорались.
И слушалъ я—шаги, шаги, не знаю чьи,
За мной въ лѣсной глуши неясно повторялись.
Я думалъ—эхо... звѣрь... колышется тростникъ...
Я вѣрить не хотѣлъ, дрожа и замирая,
Что по моимъ слѣдамъ, на шагъ не отставая,
Идетъ не человѣкъ, не звѣрь, а мой двойникъ.

То я бѣжать хотѣлъ, пугливо озираясь,
То самого себя, какъ мальчика, стыдилъ...
Вдругъ злость меня взяла—и, страшно задыхаясь,
Я самъ пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ:
— Что ты пророчишь мнѣ, или зачѣмъ пугаешь?
Ты призракъ иль обманъ фантазіи больной?
— Ахъ! отвѣчалъ двойникъ:—ты видѣть мнѣ мѣшаешь
И не даешь внимать гармоніи ночной;
Ты хочешь отравить меня своимъ сомнѣньемъ,
Меня—живой родникъ поэзіи твоей!..
И, не сводя съ меня испуганныхъ очей,
Двойникъ мой на меня глядѣлъ съ такимъ смятеньемъ,
Какъ будто *я* къ нему среди ночныхъ тѣней—
Я, а не *онъ* ко мнѣ явился привидѣньемъ!

Зимняя невѣста.

Весь въ пыли ночной мятели,
Бѣлый вихрь, изъ полутьмы
Порываясь, льнетъ къ постели
Бабушки-зимы.

Складки полога надъ нею
Шевелитъ, задувъ огни,
И поетъ ей: вѣю-вѣю!
Бабушка, засни!

«То не вопли, то не стоны—
То бубенчики звенятъ,
То малиновые звоны
По вѣтру летятъ.

То не духи въ гнѣвѣ рьяномъ
Поднимаютъ снѣгъ столбомъ,
То несутся кони съ пьянымъ
Соннымъ ямщикомъ.

То не къ бабушкѣ-старушкѣ
Скачетъ внучекъ молодой,
Прикорнуть къ ея подушкѣ
Буйной головой.

То не къ матушкѣ въ усадьбу
Сынъ летитъ на подставныхъ,—
Скачетъ къ дѣвицѣ на свадьбу
Удалой женихъ.

Какъ онъ бѣсится, какъ плачетъ!
Видно молодъ,—не въ терпежъ!..
Тройка медленнѣе скачетъ...
Пробираетъ дрожь...

Очи мглою застилаетъ—
Ни дороги, ни версты,
Только вѣтеръ развѣваетъ
Гривы да хвосты.

И зачѣмъ спѣшитъ онъ къ мѣсту?
У меня ли не ночлегъ?
Я совью ему невѣсту
Блѣдную, какъ снѣгъ.

Прихвачу летучій локонъ
Я вѣнцомъ изъ бѣлыхъ розъ,
Что раститъ по стекламъ оконъ
Утренній морозъ.

Грудь и плечи облеку я
Тканью легкой, какъ туманъ,
И невѣсты, чуть дохну я,
Всколыхнется станъ.

Вспыхнутъ искристымъ мерцаньемъ
Влажно темные глаза...
И—лобзанье за лобзаньемъ...
Скатится слеза!..

Ледяное сердце будетъ
Къ сердцу пламенному льнуть.
Позабывшись, онъ забудетъ
Заметенный путь...

И глядѣть ей будетъ въ очи
Нескончаемые дни,
Нескончаемыя ночи...
Бабушка, засни!..»

1868 г. января 9-го.

Голодъ.

Словно злое чудище,
Голодъ зарождается;
Онъ въ дырявомъ рубищѣ
За гумномъ слоняется,
Въ огородахъ прячется,
Зимы дожидается,
На распутье плачется.—

Буря ли проносится
Али дождикъ хлещется—
Пахарю мерещится,
Голодъ въ избу просится—
Воетъ волкомъ—скоблется,
Съ домовыми борется...

Какъ мятель поднимется,
Голодъ съ мѣста двинется;
Нѣтъ его скуластѣе!
Нѣтъ его зубастѣе!
Сокрушитъ онъ вдовушку
Съ малыми ребятами,

Уведетъ коровушку,
Порѣшитъ съ телятами,
И продастъ онъ *птицу*—
Съ хомутомъ, съ телѣгою,
За ведро съ сивухою,
За кочанъ съ краюхою...

Съ алчною утробою,
Съ ненасытной злобою,
Съ вѣщими угрозами,
Голодъ подъ морозами
Не боится холода,
Добѣжитъ до города...

Кто его подслушаетъ,
Съ блюдца не докушаетъ
Ананаса въ сахарѣ,
И, быть можетъ, справится
Свѣтская красавица
О голодномъ пахарѣ.

Все, что нынче весело,
Носу не повѣсило,
Все, что живо, молодо,
Встаньте противъ голода!
Всѣ мы имъ обижены.—
Изъ послѣдней хижины
Выбейте костлявое
Чудище мозглявое,
Хриплое, увѣчное
И безчеловѣчное!
Голодъ—врагъ Создателя—
Мудрецамъ—безчестіе.
Хуже непріятеля
Голода нашествіе.

1868.

Два жребія.

Если ты мадонна—и толпа и геній
Предъ тобой склоняются челомъ;
Какъ жена и мать—двухъ поколѣній
Служишь ты охраной и звеномъ,
Радуйся, зиждительница рода!
Домъ твой—вѣтвь растущаго народа;
Въ той странѣ, гдѣ разоренъ твой домъ,
Города растлятся какъ Содомъ.
Собственнымъ достоинствомъ хранима,
Ты идешь—молвой не уязвима,
Радуйся, блаженная жена!
Твой очагъ семейный согрѣваетъ

Свѣжихъ чувствъ и мыслей сѣмена,
Вѣчно-новой жизни закипаетъ
Вкругъ тебя шумящая волна.
Все, что̀ ты любовью и терпѣньемъ
Воспитала, отъ тебя уйдетъ—
Но уйдетъ съ твоимъ благословеньемъ,
Съ памятью святыхъ твоихъ заботъ.

* *
*

Если ты вакханка—родилась вакханкой—
Много разъ падетъ передъ тобой
Геній, не владѣющій собой.
Только будь ты лучше куртизанкой,
Чѣмъ притворно-честною женой...
Не обманетъ холодъ этой маски—
Эта цѣломудренная ложь...
Колобродитъ умъ твой... Ну, такъ что жь!
Умъ ли нуженъ для минутной ласки,
Умъ ли нуженъ для веселой пляски,
Тамъ, гдѣ страстной музыки волна
Въ шопотѣ и топотѣ слышна.
Для семьи завѣтныя, святыя
Цѣпи долга, для тебя гнилыя
Нити—рвутъ ихъ прихоти твои.
Не входи жь напрасно въ міръ семьи,
У тебя иное назначенье:
Все, что̀ въ жизни льется черезъ край,
Все, что̀ слѣпо ищетъ наслажденья,
Расточай, язви иль утоляй!
Много богачей ты пустозвонныхъ
Довела почти до нищеты,
Много силъ, для свѣта незаконныхъ,
Безысходныхъ и неугомонныхъ,

До поры угомонила ты,
Освѣжая пылъ свой ихъ избыткомъ,
Словно охмеляющимъ напиткомъ.
Радуйся! Самъ олимпійскій богъ
На тебя дождемъ червонцевъ льется,
И надъ человѣчествомъ смѣется,
Млѣя у твоихъ прелестныхъ ногъ.

* *
*

Если ты въ душѣ мадонна и—къ несчастью
Рано пала,—въ тѣ лѣта, когда
Молодость играетъ первой страстью,
Или явно въ жертву сладострастью
Злая продала тебя нужда,
Голодъ, холодъ, роковая крайность...
Знай! твое паденіе—случайность.
Розовый разсѣется туманъ,
Наглый обнаружится обманъ—
И тогда, спаси тебя, о Боже!
На пирахъ веселой молодежи
Будешь ты унылая сидѣть,
На своемъ полу-продажномъ ложѣ
Иногда молиться и скорбѣть;
Всей душой, глубоко уязвленной,
Проклянешь позоръ позолоченный,
Ночь соблазновъ и сонливый день,
И свою разряженную лѣнь,
И свою тоскливую безпечность,
И людскихъ страстей недолговѣчность.

* *
*

Если съ дѣтства ты вакханка и—къ несчастью
Рано разгадалъ тебя отецъ,
И идти принудилъ подъ вѣнецъ,
Пользуясь родительскою властью,

Иль сама, сжигаемая страстью,
Отдалась ты мужу своему,
Чтобъ начать служенье сладострастью
По узаконенному найму,—
Знай: союзъ твой—роковая крайность
Или безотчетная случайность,
Будешь ты скучать у очага,
Видѣть въ дѣтяхъ Божье наказанье,
Въ лучшемъ мужѣ—вѣчнаго врага,
Будешь усыплять его вниманье,
Прятать отъ него свои мечты...
Наконецъ, вполнѣ постигнешь ты,
Что тебя сковалъ одинъ обычай,
Что съ огнемъ жаровню подъ цвѣты
Трудно спрятать ради всѣхъ приличій,
И, смѣясь надъ мужемъ и стыдомъ,
Проклянешь ты свой семейный домъ...

* *
*

Людямъ роли розданы природой,
Съ ней борьба не всѣмъ доступный трудъ:
Все, что̀ будетъ для тебя свободой,
То другіе рабствомъ назовутъ;
То, что̀ станетъ для тебя цѣпями,
Для другихъ—гирлянда изъ цвѣтовъ;
Людямъ роли розданы богами—
Каждый узнавай своихъ боговъ.
Но судьба перемѣшала роли,
Навязавъ намъ маску поневолѣ.
Не спасаетъ ветхій нашъ законъ
Сладострастью проданныхъ мадоннъ;
Подъ личиною мадонны скромной
Не узнать намъ жрицы вѣроломной.

Чуть сквозитъ сквозь радужный туманъ
Душу возмущающій обманъ:
Та, которая развратъ свой прячетъ,
Гордо смотритъ на погибшихъ дѣвъ,
И безсиленъ вопіющій гнѣвъ
Той, которая тихонько плачетъ.

1868.

Рознь.

> Où est la nécessité pour la marche du monde et les progrès de la civilisation, que les hommes se détestent et se déchirent? Quelle Destinée, quel Satan a voulu, pour l'ordre des cités et le perfectionnement des individus, qu'ils ne puissent penser, agir librement les uns à côté des autres...
>
> *P. S. Proudhon.*

Не то глупца, не то врага
Другъ въ другѣ видитъ наше племя:
Злость стала людямъ дорога,—
Спокойно мыслить намъ не время.
—Намъ нужны факты безъ прикрасъ,
Мы говоримъ: намъ нужны числа...
Но мы и въ нихъ не видимъ смысла;
Урокъ, въ нихъ скрытый, не для насъ.

Застрѣльщики, безъ всякой рати!...
Въ войну играть—свое топтать—
Своимъ задоромъ щеголять
Мы рады кстати и некстати;
Такъ сильныхъ міра тѣшимъ мы,
Слѣпые, дѣтскіе умы!

Когда чередовой вопросъ,
Намъ чуждый, съ Запада заходитъ,
Изъ насъ,—какой молокососъ,
Какой мудрецъ перомъ не водитъ!
Заемной кипятясь враждой,
Мы поднимаемъ чуть не вой:—
Литература колобродитъ;—
Но, если жизненный вопросъ—
Вопросъ насущный мы затронемъ,
Какъ скоро мы его хоронимъ
Безъ шума и гражданскихъ слезъ.

Одни изъ насъ хотятъ застоя—
Довѣрья, полнаго покоя *),
Другіе бѣшеныхъ скачковъ...
И смутный гулъ идетъ отъ спора,
Отъ несмолкаемаго хора
Въ разладъ поющихъ голосовъ.

Завистливы, себялюбивы,
То слишкомъ скромны, то кичливы,
Мы ощупью идемъ въ разбродъ
Не то назадъ, не то впередъ.

Не просвѣтила насъ наука,
Не озарила насъ любовь,
И если мысль волнуетъ кровь,
Отъ жизни въ душу вѣетъ скука.
Хотимъ успѣха мы—и что жь!
Чужой успѣхъ—намъ острый ножъ...

*) Перифразъ стиха Лермонтова: «И полный гордаго довѣрія покой».

И ужь не ждите состраданья
Къ тому, кто гибнетъ!—Намъ не жаль
Безумныхъ братьевъ—и едва ль
Намъ дорого воспоминанье
О тѣхъ немногихъ, кто мечталъ,
Любилъ, страдалъ и погибалъ.
На все мы злы—но все выносимъ,
И такъ умны,—что жертвъ не просимъ.

Какъ красота не можетъ дать
Кастрату чаши наслажденья,
И сладостнаго искушенья
Не можетъ онъ не проклинать,—
Такъ, красоты утративъ чувство,
Мы всѣ косимся на искусство;
Одна—лишь, подъ веселый часъ,
Каррикатура тѣшитъ насъ.

Сатирою забитый лирикъ,
Молчи пока!... Но гдѣ жь и ты,
Бичъ зла, вреда и пустоты—
Ты—нами вызванный сатирикъ?
Увы! безъ власти надъ толпой
И ты поникъ своей главой:
Толпа въ чутьѣ непогрѣшима,
И поняла, что сгоряча,
Ты все клеймилъ неумолимо,
Зла отъ добра не отлича.

И такъ дойдемъ мы до могилы,
Ни разу не соединивъ
Свои разрозненныя силы
Въ одну мечту—въ одинъ порывъ,
Въ одно спасительное дѣло...

*
* *

Въ ребяческіе дни любилъ я край родной,
Какъ вѣкша—сумракъ бора,
Какъ цапля—илъ береговой,
Какъ воронъ—кучу сора.

Въ дни юности любилъ я родину, какъ сынъ—
Родную мать, поэтъ—природу,
Женихъ—невѣсту, гражданинъ—
Права или свободу.

Но буду ль я по гробъ мечтательно любить
Родной мой край?—не знаю.
Мать можетъ сына оскорбить,
Невѣста можетъ измѣнить,
Народъ свободу погубить,
Все можетъ быть....
Но—нѣтъ,—не дай мнѣ Богъ простыть—
Простыть къ родному краю!

Вакханка и Сатиръ.

I.

Разъ,—юноша пылкій,—въ вакханку влюбясь,
Я за городъ шелъ съ ней, въ полуденный часъ:
Тирсъ, хмелемъ повитый, ласкалъ ей плечо;
Вакханка шла съ пляски, дыша горячо;
Но не усталость ей грудь волновала,
Глаза были влажны—улыбка блуждала.

II.

Зефиръ волосами вакханки игралъ.
Прохлады ища, я шаги замедлялъ.
Лѣсъ тѣнью одѣлъ насъ. Казалось, сама
Вакханка глазами искала холма....
Какъ вдругъ насъ подмѣтилъ сатиръ и, скачками,
Догналъ, и прилегъ, и поползъ за кустами.

III.

Въ досадѣ—я къ морю, гдѣ пѣли валы
У ската песчанаго знойной скалы.
Тамъ, къ солнцу ревнуя,—весь трепетъ и пылъ,—
Я грудь ея тѣнью моей заслонилъ:
Вдругъ вижу, сатиръ на уступѣ лѣсистомъ
Усѣлся,—и пылъ мой привѣтствуетъ свистомъ.

IV.

Въ досадѣ—я въ горы, гдѣ мраморъ, плющомъ
Повитый, мѣстами отмѣченъ рѣзцомъ.
Пещера была тамъ, и маки цвѣли.
Вакханка блѣднѣла... уста ея жгли...
Глаза ея меркли; вдругъ, слышу, затопалъ
Сатиръ и, открывъ насъ, въ ладоши захлопалъ.

V.

«Чѣмъ этого бога въ восторгъ я привелъ?
«Нѣтъ! полно! сказалъ я, взволнованъ и золъ:—
«Не время намъ нѣжиться! полно шутить,
«Убью, если нечѣмъ инымъ отомстить!»

Вакханка меня обхватила руками
И шепчетъ мнѣ: «пусть онъ хохочетъ надъ нами!»

VI.

—«Но эта насмѣшка мнѣ кровь леденитъ,
«Я камень схвачу—и онъ будетъ убитъ».
—«Постой! онъ задоренъ, хитеръ и силенъ,
«Я драки люблю; но съ нимъ бой неравенъ...
«Пусти! я пойду—и шепну лишь словечко,
«Уйдетъ онъ, и будетъ смиренъ, какъ овечка».

VII.

И встала нагая вакханка, у ногъ
Моихъ покидая измятый вѣнокъ,
И вышла на солнце. Сатиръ ее ждалъ,
Ей, зубы оскаливъ, лукаво мигалъ;
Она ему на ухо что-то сказала,
И тирсъ уронила, и съ нимъ побѣжала.

VIII.

Глазамъ я не вѣрилъ, какъ будто во снѣ...
Я къ ней;—но она обернулась ко мнѣ,
И громко смѣясь, закричала: «прощай!
«Не вынесъ ты смѣха—теперь догоняй!»
И въ гнѣвѣ, проклятье пославши Зевесу,
Я тирсъ ея поднялъ и бросился къ лѣсу.

IX.

Я видѣлъ, какъ обнялъ онъ цѣпкой рукой
Веселой измѣнницы станъ молодой,

Какъ, бѣлыя ноги вакханки моей
Козлиныхъ прыжковъ его были рѣзвѣй,
Какъ, взвизгнувъ, она за рога уцѣпилась,
И вдругъ на спинѣ у него очутилась.

X.

И, въ бродъ, тамъ, гдѣ въ пѣну свалился утесъ,
Весь въ брызгахъ, скача, онъ вакханку понесъ.
За ними стремглавъ прибѣжалъ я къ рѣкѣ;
Копыто сатира увязло въ пескѣ...
Я тирсъ въ него бросилъ—тирсъ въ сучьяхъ повиснулъ;
Онъ вверхъ побѣжалъ и, дразня меня, свиснулъ.

XI.

И, съ торжествомъ мнѣ махнувши рукой,
Вакханка исчезла съ нимъ въ чащѣ лѣсной.
Вернулся мой умъ, я какъ вкопанный сталъ:—
«Спасибо за первый урокъ!» закричалъ.
И крикъ мой, въ лѣсу повторяемый эхомъ,
Вдали мнѣ откликнулся бѣшенымъ смѣхомъ.

Сонъ язычника.

Я бѣжалъ отъ вакханалій
Обезумѣвшаго Рима,
Отъ его побѣдныхъ криковъ
И его предсмертныхъ стоновъ,
Отъ цѣпей, повитыхъ лавромъ,
И отъ собственнаго рабства.

Я бѣжалъ на лоно міра,
Въ горы, въ лѣсъ,—и одинокій,
Тамъ, среди глухой пустыни,
На песокъ упалъ съ молитвой
И, на крыльяхъ сновидѣнья,
Былъ восхищенъ до Зевеса.

Изъ-за тучъ, въ румяномъ блескѣ
Возникающаго утра,
Увидалъ я ликъ, вѣнчанный
Блѣдно-золотистымъ роемъ
Потухающихъ созвѣздій;
Кудри бога опускались
На широкіе покровы
Сизыхъ тучъ, и въ этихъ тучахъ,
Отъ малѣйшихъ мановеній
Головы его, мгновенно
Вспыхивали и сверкали
Стрѣлы молній. Передъ этимъ
Грозно-величавымъ ликомъ
Я былъ—малая снѣжинка,
Вьющаяся передъ глыбой
Снѣжной на челѣ высокихъ
Альпъ, прикрытыхъ облаками.

И когда стихалъ громовый
Шорохъ въ складкахъ надъ горами
Распростертой ризы бога,
Лепеталъ языкъ мой; крикъ мой,
Дерзкій крикъ мой поднимался
Выше, выше, и былъ слышенъ
Какъ звукъ падающей капли
Въ тихомъ плескѣ океана
При безвѣтріи, въ часъ утра.

Я взывалъ: «Зевесъ могучій!
«Повели мнѣ—каковы бы
«Ни были твои велѣнья,
«Я твою исполню волю.
«Я снесу завѣтъ твой въ храмы,
«Въ хижины, въ суды, въ чертоги,
«И въ сенаторскія виллы,
«И въ тѣ пышные вертепы
«Гдѣ, нагая, въ жаркой пляскѣ,
«Закружилась Мессалина.
«Именемъ твоимъ я буду
«Говорить, міродержавный!
«И языкъ мой будетъ вѣщимъ
«Вразумителемъ народовъ».

Провѣщалъ мнѣ громовержецъ:
«Я пошлю тебя къ народамъ,
«Но клянись, что ты исполнишь
«Волю древняго Зевеса».

Задыхаясь отъ избытка
Сердца, вскрикнулъ я: «Клянуся
Именемъ твоимъ—исполню!..»
И дыханье Зевса стало
Проноситься теплымъ вѣтромъ,
И меня ласкалъ тотъ вѣтеръ,
И ему внималъ я.

«Слушай,
«Бѣдный мальчикъ, надоѣли
«Мнѣ жрецы мои; мнѣ тошно
«Отъ куреній ихъ; отъ дыму
«Этихъ жертвоприношеній
«Закоптѣли золотыя
«Сѣни моего чертога,

«Закружились, какъ отъ чаду,
«Головы боговъ, со мною
«Раздѣляющихъ трапезу.
«И не тотъ я, чѣмъ когда-то
«Былъ въ тѣ дни, когда лишь греки
«Воздвигали мнѣ кумиры.
«Въ дни безсмертныхъ пѣсенъ былъ я
«Святъ, какъ духъ слѣпца Гомера.
«Жизнь моя текла въ ихъ стройныхъ,
«Величавыхъ изваяньяхъ;
«Для меня тогда былъ мраморъ
«Осязаемымъ безсмертьемъ...
«Миновало это время!
. . . . . .
«И торжественные гимны
«Стали мнѣ давно противны,
«Какъ болотный хоръ лягушекъ,
«Воспѣвающій міазмы,
«Отравляющіе воздухъ.
«Слушай, смертный, если хочешь
«Ты вкусить хотя крупицу
«Отъ трапезы тѣхъ безсмертныхъ,
«Что бесѣдуютъ со мною,—
«Проповѣдуй этимъ людямъ,
«Что Зевесъ не существуетъ.
«Такъ рѣшилъ совѣтъ безсмертныхъ».

Въ ужасъ я пришелъ отъ этихъ
Словъ и молвилъ, содрогаясь:
—«Какъ могу я съ этой вѣстью
«Снизойти опять на землю?
«Какъ могу я это слово
«Пронести среди народовъ?
«И толпа меня отвергнетъ,

«И жрецы на избіенье
«Предадутъ меня народу».
Загремѣлъ негодованьемъ
Голосъ вѣчнаго владыки:

—«Какъ!—ничтожество!—Не ты ли,
«Жалкій рабъ, дерзнулъ такъ смѣло
«И высоко такъ подняться?
«Крылья духа, гдѣ вы?—или
«Трусишь ты вѣнцомъ страданья
«Увѣнчать твой лобъ, въ которомъ,
«Думалъ я, таится разумъ?»
— «Я клялся страдать за Зевса,
Но—страдать за отрицанье...
Пощади!»

Но пущимъ гнѣвомъ
Загремѣлъ отецъ вселенной,
И лицо его зардѣлось,
Словно тонкій, яркій пламень
Разлился по немъ.—«Да развѣ
«Отрицаніе не вѣра?
«Развѣ люди точно также
«Не повѣрятъ, что Зевеса
«Нѣтъ и не было, какъ прежде
«Вѣрили въ его перуны?
«Прочь! лети пылинка съ пылью!
«Я найду другихъ пророковъ».

Всколыхались кудри бога,
И сомкнулись тучи;—сѣрымъ,
Мутнымъ и дождливымъ небомъ
Стало грозное видѣнье.
Громъ въ горахъ гудѣлъ, когда я,
Лежа на пескѣ, проснулся.

Спиритъ.

И призраки ушли,
И духи отлетѣли!..
Одинъ глухой, нѣмой
Мракъ у его постели!

Спасетъ ли этотъ мракъ
Его отъ заблужденій,
Отъ призрачныхъ надеждъ,
Отъ горькихъ сожалѣній?

И бредитъ, какъ больной,
Онъ на своей постели:
Гдѣ призраки?—ушли!
Гдѣ духи?—отлетѣли!..

Въ наводненье.

Рѣка взломала ледъ и въ море
Несетъ куски своихъ оковъ,
Ручей, насыщенный снѣгами,
Изъ тѣсныхъ рвется береговъ:
Тобою жданной и желанной
Не одолѣть тебѣ весны!
Она пришла,—гляди, хозяинъ,
Твои затѣи снесены:

Вода сломала мостъ и шлюзы,
И бревна унесла, какъ воръ;
Скривила мельницы колеса
И залила твой скотный дворъ.
Но и за то скажи спасибо,
Что не совсѣмъ размыло садъ;
Недаромъ мальчики по лужамъ
Бредутъ и весело визжатъ.
Гляди на нихъ безъ озлобленья,
Какъ ты глядишь на журавлей,
И, позабывъ свои лишенья,
Жди благодатныхъ лѣтнихъ дней.

---

*
* *

Когда я былъ въ неволѣ,
Я помню, голосъ мой
Пѣлъ о любви, о славѣ,
О волѣ золотой,
И узники вздыхали
Въ оковахъ за стѣной.

Когда пришла свобода,
И я на тотъ же ладъ
Пою—меня за это
Клевещутъ и язвятъ:
«Тюремныя все пѣсни
Поешь ты», говорятъ.

— Когда ты былъ въ неволѣ,
Ты за своей стѣной

Могъ пѣть о лучшей долѣ,
О волѣ золотой,
И узники вздыхали,
Внимая пѣсни той!

Теперь ты, братъ, на волѣ
Другія пѣсни пой,
Пой о цѣпяхъ, о злобѣ,
О дикости людской,
Чтобъ мы не задремали,
Внимая пѣснѣ той.

На желѣзной дорогѣ.

Мчится, мчится желѣзный конёкъ:
По желѣзу желѣзо гремитъ,
Паръ клубится, несется дымокъ.
Мчится, мчится желѣзный конёкъ,
Подхватилъ, посадилъ да и мчитъ.

И лечу я, за дѣломъ лечу,
Дѣло важное, время не ждетъ.
Ну, конекъ! я покуда молчу...
Погоди, соловьемъ засвищу,
Коли дѣло то въ гору пойдетъ...

Вонъ, навстрѣчу несется лѣсокъ,
Черезъ балки грохочутъ мосты,
И цѣпляется паръ за кусты;
Мчится, мчится желѣзный конёкъ,
И мелькаютъ, мелькаютъ шесты.

Вонъ и родина! Вонъ, въ сторонѣ
Тесомъ крытая кровля встаетъ,
Темный садикъ,—скирды на гумнѣ;
Тамъ старушка одна, чай, по мнѣ
Изнываетъ, родимаго ждетъ.

Заглянулъ бы я къ ней въ уголокъ,
Отдохнулъ бы въ тѣни тѣхъ березъ,
Гдѣ такъ много посѣяно грезъ.
Мчится, мчится желѣзный конёкъ—
И, свистя, катитъ сотни колесъ.

Вонъ рѣка—блескъ и тѣнь камыша:
Красна дѣвица съ горки идетъ,
По тропинкѣ идетъ, не спѣша;
Можетъ быть—золотая душа,
Можетъ быть—красота изъ красотъ.

Познакомиться съ ней бы я могъ,
И—не все жь пустяки городить,—
Самъ бы могъ наконецъ полюбить...
Мчится, мчится желѣзный конёкъ—
И желѣзная тянется нить.

Вонъ, вдали, на закатѣ пестрятъ
Колокольни, дома и острогъ...
Однокашникъ мой тамъ, говорятъ,
Вѣчно борется, жизни не радъ...
И къ нему завернуть бы я могъ.

Поболталъ бы я съ нимъ хоть часокъ!
Хоть немного имъ прожито лѣтъ,
Да не мало испытано бѣдъ...
Мчится, мчится желѣзный конёкъ,
Сѣетъ искры летучія вслѣдъ...

И, крутя ихъ, несетъ вѣтерокъ
На росу потемнѣвшей земли,
И сквозь сонъ мнѣ желѣзный конёкъ
Говоритъ: «Ты за дѣломъ, дружокъ,—
Такъ ты нѣжность-то къ чорту пошли»...

Міазмъ.

Домъ стоитъ близъ Мойки,—вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ,
Въ домѣ роскошь—мраморъ,—хоры на колонкахъ—
Расписной плафонъ.

Шумно было въ домѣ: гости пріѣзжали—
Вечера,—балы,—
Вдругъ все стало тихо—даже перестали
Натирать полы.

Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязь—швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ—
Судороги, жаръ...

Вотъ, передъ кіотой огонекъ лампадки...
И хозяйка-мать
Приложила ухо къ пологу кроватки—
Стоновъ не слыхать.

— «Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышитъ».
Но на этотъ разъ,
Мнимое дыханье только сердце слышитъ—
Сынъ ея погасъ.

— «Боже милосердый! Я ли не молилась
«За родную кровь!
«Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
«Мнѣ моя любовь!

«Боже! страшный Боже! Гдѣ жь твои щедроты,
«Коли отнялъ ты
«У отца надежду, у моей заботы
«Лучшія мечты!»

И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы,—
Жалобы напѣвъ
Перешелъ въ упреки, въ дикія угрозы,
Въ богохульный гнѣвъ.

Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
Крестится, глядитъ:
Видитъ—промелькнула бѣлая рубаха—
Что-то шелеститъ.

И мужикъ косматый, точно изъ берлоги
Вылѣзъ на просторъ,
Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
Свѣсилъ на коверъ.

И вздохнулъ и молвилъ: «Ты ужь за ребенка
«Лучше помолись;
«Это я, голубка, глупый мужичёнко..
«На меня гнѣвись...»

Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
«Да воскреснетъ Богъ!»
«Няня, няня! Люди!—Кто ты? вопрошаетъ,
«Какъ войти ты могъ?!»

— «А сквозь щель, голубка: вѣдь твое жилище
«На моихъ костяхъ,
«Новый домъ твой давитъ старое кладбище—
«Нашъ отпѣтый прахъ.

«Вызваны мы были при Петрѣ Великомъ—
«Къ намъ пришелъ указъ:
«Взвыли наши бабы и ребята крикомъ
Проводили насъ.

«И крестясь мы вышли. Съ родиной проститься
«Жалко было тожь—
«Подростали дѣтки, да и колоситься
«Начинала рожь...

«За спиной-то пилы, топоры несли мы:
«Шелъ не я одинъ—
«Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,
«А сюда—въ Ильинъ.

«Истопталъ я лапти, началась работа,
«Почали спѣшить:
«Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,
«Сваи колотить—

«Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
«Выросъ городокъ!—
«Прихватила осень,—я шубенку гдѣ-то
«Заложилъ въ шинокъ.

«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
«А я слегъ въ шалашъ;
«Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
«Умеръ и—шабашъ!

«Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли,—
«Барыня, повѣрь.
«Въ тѣ поры тутъ ночью только волки выли—
«То ли что теперь!

Ге! теперь не то что... милліонъ народу...
«Стѣны выше горъ...
«Изъ подвальной ямы выкачали воду—
Дали мнѣ просторъ...

«Ты меня не бойся—что я? мужичёнко!
«Грязенъ, бѣденъ, сгнилъ,
«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
«Словно придушилъ...»

Онъ исчезъ—хозяйку около кроватки
На полу нашли;
Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.

Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живетъ;
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ...
Домъ свой продаетъ—

И пустой стоитъ онъ,—только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ,
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Врагамъ правды.

Васъ бичевать тягучими стихами,
Хлестать по вашимъ головамъ—
Да это то же, что пахучими цвѣтами
Бить по обугленнымъ столбамъ.

1870.

---

*
* *

Когда октава за октавой
Неслась и голосъ твой звучалъ
Далекой, отзвучавшей славой,—
Вѣрь, не о славѣ я мечталъ!

Нѣтъ, воротясь къ веснѣ погибшей,
Моя мечта ласкала вновь
Цвѣтущій образъ, пережившій
Въ душѣ погибшую любовь.

Опять остывшей скорби сила
Сжимала сердце—и опять
Меня гармонія учила
По человѣчески страдать...

За непогрѣшимость.

1.

Простительно не понимать,
Что даже солнце не безъ пятенъ;
Но... Боже! вамъ ли утверждать,
Что новый догматъ непонятенъ!
Что папа Пій непогрѣшимъ,
Что эта истина внѣ спора,
Пускай объ этомъ споритъ Римъ;
Не спорьте, милая синьора!

2.

Конечно, пышно онъ живетъ,
Рабы—льстецы—куда ни взглянетъ...
Но въ наше время свой народъ
Благословлять кто жь даромъ станетъ!
Ему нѣтъ нужды взятки брать,
Всегда за деньги душу вора
Онъ можетъ прямо въ рай послать—
Не спорьте, милая синьора!

3.

Ужь онъ одряхъ—все больше спитъ,
Кровь еле двигается въ жилахъ,
И, потерявши аппетитъ,
Служить мамону онъ не въ силахъ.

Скажите же еретикамъ,
Въ отвѣтъ на ихъ протестъ проклятый,
Что даже—даже по лѣтамъ
Непогрѣшимъ нашъ Пій девятый.

4.

Чтобъ всепрощенье получить
За кой-какія увлеченья,
Попробуйте его плѣнить
Лукавой нѣгою смиренья.
Наединѣ оставшись съ нимъ
Вы сами скажете, синьора,
Что онъ, хоть брось, непогрѣшимъ—
Непогрѣшимъ и безъ собора.

5.

Когда попы ему кадятъ,
А туфли барыни лобзаютъ,
Когда толпы, за рядомъ рядъ,
Предъ нимъ колѣни преклоняютъ,
Онъ завистью не одержимъ:
Такихъ, какъ онъ, найдешь не скоро,
И въ этомъ онъ непогрѣшимъ—
Непогрѣшимъ и безъ собора.

6.

Онъ собственнаго ничего
Своимъ умомъ не созидаетъ;
Небесный голосъ до него
Чрезъ іезуитовъ достигаетъ:

Рѣшатъ они, что онъ рожденъ
При кликахъ ангельскаго хора,
И онъ повѣритъ,—ибо онъ
Непогрѣшимъ и безъ собора.

7.

Конечно, властенъ онъ проклясть;
Но такъ какъ онъ не простираетъ
На дураковъ такую власть,
А умныхъ только раздражаетъ,
То въ чемъ же зло! Благословимъ
Безвредность папскаго задора.
И въ этомъ онъ непогрѣшимъ,
Непогрѣшимъ и безъ собора.

8.

Всѣхъ римскихъ догматовъ вѣнецъ—
Послѣдній догматъ: папа римскій,
Непогрѣшимый, какъ мертвецъ,
Достоинъ славы херувимской.
Такъ суждено—должно такъ быть:
Кто подъ грѣхами изнеможетъ,
Тотъ—еслибъ и хотѣлъ грѣшить,
Увы! грѣшить уже не можетъ.

1870.

О немъ.

Я помню, былъ я съ нимъ знакомъ
Въ тѣ дни, когда, больной, онъ говорилъ съ трудомъ,
Когда, гражданству насъ уча,
Онъ словно вспыхивалъ и таялъ какъ свѣча,
Когда любить его могли
Мы всѣ, лишенные даровъ и благъ земли...

Передъ дверями гроба онъ
Былъ бодръ, невозмутимъ,—былъ тѣмъ, чѣмъ сотворенъ:
Съ своимъ поникнувшимъ челомъ
Надъ ріемой—онъ глядѣлъ бойцомъ, а не рабомъ.
И вѣрилъ я ему тогда,
Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда.

Теперь пускай кричитъ молва,
Что это были все слова—слова—слова,—
Что онъ лишь тѣшился порой
Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызетъ
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.

Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой;
Ей нипочемъ сказать ему:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава—два врага;
Молва мнѣ не судья и я ей не слуга.

Симеонъ царь Болгарскій.

Цареградъ съ его дворцами
Осаждаетъ Симеонъ:
Въ ворота стучатъ тараны,
За стѣнами слышенъ звонъ.

Знать, почуяли сатрапы,
Что судья пришелъ съ мечемъ,—
И трепещутъ, и молебны
Пѣть велятъ предъ алтаремъ.

Къ императору Роману
Такъ взываетъ Симеонъ:
«Уступи намъ тронъ твой—или
Приходи къ намъ на поклонъ!»

И властитель Византіи,
Блѣденъ, золъ и молчаливъ,
Въ позолоченной триремѣ
Самъ плыветъ черезъ заливъ.

Онъ къ царю плыветъ съ дарами—
Отвернулся отъ гребцовъ...
По гербамъ и горностаямъ
Ходитъ тѣнь отъ парусовъ.

Вотъ онъ на берегъ выходитъ,
Шлетъ дары свои впередъ,
Видитъ,—пыль клубится, скачутъ,
Копья движутся, и—ждетъ.

Ближе топотъ—ближе копья,
Ближе скачетъ Симеонъ.
И спѣшитъ къ нему навстрѣчу
Императоръ на поклонъ.

Взоры клонитъ и возводитъ,
И величественно льститъ,
И врагу напоминаетъ,
Что Богъ миловать велитъ.

И протягивая руку,
Тронутъ сердцемъ и смущенъ,
Византійской хитрой рѣчи
Поддается Симеонъ.

Обѣщаетъ онъ пощаду,
Обѣщаетъ долгій миръ,—
И спасенный императоръ
Затѣваетъ чуть не пиръ.

На песчаномъ косогорѣ
Ставятъ флаги и шатры;
Блещутъ чаши, винъ царьградскихъ
Пѣна брызжетъ на ковры.

Длится праздникъ—двухъ монарховъ
Только полночь развела.
Императора трирема
Въ лунномъ свѣтѣ уплыла.

Царь обратно ѣдетъ въ станъ свой;
По дорогѣ тотъ же свѣтъ
Золотитъ холмы кладбища
И недавней битвы слѣдъ.

Щитъ царя порой сверкаетъ
Ярче всѣхъ ночныхъ свѣтилъ;
Воеводъ и копьеносцевъ
Царскій конь опередилъ.

Вдругъ, на каменномъ уступѣ,
Тамъ, гдѣ темный кипарисъ
Обнялъ цѣпкими корнями
Храма древняго карнизъ—

Встала тѣнь: монахъ какой-то,
Сѣдовласый, съ костылемъ;
Бѣлый крестъ на черной рясѣ,
Запахъ ладана кругомъ.

Видно, грекъ; на блѣдномъ ликѣ
Выраженіе тоски,—
И повисъ рукавъ широкій
Вдоль протянутой руки.

Натянулъ свои поводья,
Содрогнулся Симеонъ,—
Слышитъ иноческій голосъ,
Полу-ропотъ, полу-стонъ:

«Что ты сдѣлалъ, царь великій,
Царь славянскихъ христіанъ!
Уступилъ ты тронъ Востока
Грозной власти мусульманъ!

«Для того ли Самъ Распятый,
Самъ Христосъ такъ много силъ
Далъ тебѣ, чтобъ ты призванья
Своего не довершилъ!

«Ни союзы, ни коварство
Византіи не спасутъ!
Для сыновъ ея растлѣнныхъ
Наступаетъ страшный судъ.

«Мечъ твой былъ въ десницѣ Бога:
Знай же, царь болгарскій, знай:
Опустивъ свой мечъ, ты предалъ,
Ты сгубилъ родной свой край!

«Вижу я потоки крови,
Бездну ужасовъ и зла:
Отъ Царьграда до Дуная
Замолчатъ колокола,—

«И народъ твой будетъ, плѣнный,
Цѣпи рабскія влачить,
Надрываться, или—«братья,
Помогите!»—голосить...

«Что ты сдѣлалъ, царь великій?..»
Но, почуя вѣщій страхъ,
Симеонъ рванулъ браздами
И привсталъ на стременахъ.

И стремглавъ промчался мимо,
Какъ отъ встрѣчи съ мертвецомъ,
Отъ измѣнника-пророка
Заслонивъ себя щитомъ.

1871.

Откуда?!..

Откуда же взойдетъ та новая заря
Свободы истинной—любви и пониманья?
Изъ-за ограды ли того монастыря,
Гдѣ Несторъ набожно писалъ свои сказанья?
Изъ-за кремля ли, смявшаго татаръ
И посрамившаго сарматскія знамёна,
Изъ-за того кремля, котораго пожаръ
Обжегъ вѣнцы Наполеона?—
Изъ-за Невы ль, увѣнчанной Петромъ,
Тѣмъ императоромъ, который не жезломъ
Ивана Грознаго владѣлъ, а топоромъ:—
На западъ просѣки рубилъ и строилъ флоты,
Къ труду съ престола шелъ, къ престолу отъ труда,
И не чуждался никогда
Ни ученической, ни черновой работы?—
Оттуда ли, гдѣ хитрый іезуитъ,
Престола папскаго орудіе и щитъ,
Во имя нетерпимости и барства,
Кичась, расшатывалъ основы государства?
Оттуда ли, гдѣ Гусъ, за чашу крестъ поднявъ,
Училъ на площадяхъ когда-то славной Праги,
Гдѣ Жишка страшно мстилъ за поруганье правъ,
Мечемъ тушилъ костры и, цѣпи оборвавъ,
Внушалъ страдальцамъ духъ отваги?
Или отъ запада, гдѣ партіи шумятъ,
Гдѣ борются съ трибунъ народные витіи,
Гдѣ отъ искусства къ намъ несется ароматъ,
Гдѣ отъ наукъ цѣлебно жгучій ядъ,
Того гляди, коснется язвъ Россіи?..

. . . . . .

Мнѣ, какъ поэту, дѣла нѣтъ,
Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ—
Лишь былъ бы онъ, какъ солнце для природы,
Животворящъ для духа и свободы
И разлагалъ бы все, въ чемъ духа больше нѣтъ...

Кораблики.

Я, двухъ корабликовъ хозяинъ съ юныхъ лѣтъ,
Сталъ снаряжать ихъ въ путь; одинъ корабликъ мой
Ушелъ въ прошедшее, на поиски людей,
Прославленныхъ молвой.

Другой—завѣтныя мечты мои помчалъ
Въ загадочную даль,—въ туманъ грядущихъ дней,
Туда, гдѣ братства и свободы идеалъ,
Но—нѣтъ еще людей.

И вотъ, назадъ пришли кораблики мои:
Одинъ изъ нихъ принесъ мнѣ блѣдный рой тѣней,
Борьбу ихъ, казни, стонъ, мученія любви
Да тяжкій грузъ идей.

Другой корабликъ мой рой призраковъ принесъ,
Мечтою созданныхъ, невидимыхъ людей,
Съ довольствомъ безъ рабовъ, съ утратами безъ слезъ,
Съ любовью безъ цѣпей.

И вотъ, одни изъ нихъ, какъ тѣни прошлыхъ лѣтъ,
Мнѣ голосятъ: увы! для всѣхъ одинъ законъ:
Къ чему стремиться?! знай—безъ горя жизни нѣтъ;
Надежда—глупый сонъ.

Другіе мнѣ въ отвѣтъ таинственно звучатъ:
У насъ иная жизнь! У насъ иной законъ..,
Не вѣрь отжившимъ—пусть плывутъ они назадъ!
Былое—глупый сонъ!

Нагорный ключъ.

(Посв. П. М. Ковалевскому).

На заоблачныхъ горахъ—
На холодныхъ высотахъ,
Родила меня та мгла,
Что съ земли къ звѣздамъ плыла;
Но,—пригрѣтый выше тучъ
Лаской божьяго луча,
Я растаялъ въ чистый ключъ,
И едва-едва журча,
Роюсь змѣйкою живой
Подъ лавиной снѣговой.
Кто ты—недругъ или другъ?!
Чуть затихнетъ вѣтерокъ,
Преклони ко мнѣ свой слухъ,
Чтобъ хоть ты подслушать могъ,
Какъ въ могильной тишинѣ
Словно плачетъ по веснѣ
Молодой мой голосокъ.
Слышишь ли, какъ я ропщу,
Какъ я вырваться хочу
Изъ-подъ власти ледяной
Этой выси мнѣ родной.

Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ...
Буду жажду утолять—
Ваши силы обновлять...

— Не мечтай еще пока,
Прежде силъ своихъ спросись:
Та долина далека,
И дорога не легка
Черезъ эти кручи, внизъ...
Знай и вѣдай напередъ,
Что, протачивая ледъ,
Много встрѣтишь ты преградъ:
Скалы гребнями торчатъ—
И я знаю, между скалъ
Темный въ бездну есть провалъ.
Какъ легко тебѣ упасть
Въ эту каменную пасть,
Гдѣ весь вѣкъ горятъ одни
Лишь подземные огни.
Не тебѣ ихъ одолѣть!
Будешь рваться и шипѣть,
И, боюсь я, сгинешь ты—
Сгинутъ всѣ твои мечты.

Силъ моихъ не истребятъ—
Ни провалъ, ни самый адъ;
И въ провалѣ, и въ аду
Я товарищей найду.

Вмѣстѣ съ лавой огневой,
Вмѣстѣ съ пепломъ и золой,
Я, чтобъ небо увидать,
Буду землю колебать.
На просторъ когда-нибудь
Потайной пророю путь,
У какой-нибудь горы
Я сгущу мои пары;
Надъ дымящимся жерломъ
Встану темнымъ я столбомъ;
Буду грозно клокотать,
Сѣрнымъ пламенемъ дышать;
И меня сопровождать
Будутъ молніи и громъ.
Но едва лучистый видъ
Неба взоръ мой прояснитъ,
Я не въ грезахъ, наяву
Синей тучкой поплыву,
Засверкаю жемчугомъ,
Упаду косымъ дождемъ.
Буду жажду утолять—
Ваши силы обновлять.

Утесъ.

Отшатнувшись отъ родимыхъ
Горъ, утесъ ушелъ далеко
Въ море, и стоитъ высоко
Надъ разливомъ волнъ, гонимыхъ
То съ заката, то съ востока...

Волны мчатся, волны ропщутъ,
Волны, злясь, другъ друга топчутъ,
И опять встаютъ и блещутъ,
И въ утесъ сердито хлещутъ.
Что ему?!—Пришлецъ недужный,
Онъ молчитъ,—уже съ разбитой
Грудью, всѣмъ вѣтрамъ открытой,
Посреди чужихъ—не нужный,
Посреди своихъ—забытый.

Иногда, взлетаетъ пѣна
Съ бурей на его колѣна,
И трепещетъ, извиваясь,
И шипитъ, къ нему ласкаясь...
Ей одной свои стремленья—
Ей одной свои мученья
Тщетно высказать онъ хочетъ;
Буря свищетъ и хохочетъ,
Пѣна въ брызгахъ улетаетъ,
Буря брызгами играетъ,
Улетая буря плачетъ.
«Боги! что все это значитъ?!»
Говоритъ утесъ, и снова
День и ночь молчитъ сурово.

Иногда, порой ночною,
Море дышитъ тишиною—
Даже чѣмъ-то свѣтлымъ дышитъ,
И обломокъ камня слышитъ,
Какъ волна на немъ колышетъ
Мохъ, повисшій бахромою;
Спятъ надъ моремъ горъ громады,
Звѣзды свѣтятъ, какъ лампады,
И серебряной каймою

Шевеля, какъ рыба плёсомъ,
Шепчется волна съ утесомъ,
Вѣчный миръ ему пророчитъ,
Къ сердцу льнетъ и—сердце точитъ—
Душу каменную гложетъ;
И внимать онъ ей не хочетъ,
И прогнать ее не можетъ.

Иногда, въ лучахъ разсвѣта
Море, въ мглѣ еще росистой,
Ходитъ зыбью чешуистой,
И волна, вся въ блескъ одѣта,
Манитъ розовой улыбкой,
Гонитъ пѣну грудью зыбкой,
Въ щели камня жемчугъ мечетъ
И насмѣшливо лепечетъ:

«О, утесъ! герой мой милый!
«Надышись моею силой,
«Позабудь свои проклятья,
«Упади въ мои объятья!
«Или—воротись къ великимъ
«Тѣмъ горамъ, глухимъ и дикимъ,
«Къ тѣмъ, когда-то милымъ братьямъ,
«Къ ихъ цѣпямъ и къ ихъ объятьямъ...

«Видишь, какъ онѣ могучи!—
«Обступили насъ какъ тучи,
«И все тѣ же ледяныя
«Свѣтятся на нихъ короны,
«И какіе-то другіе
«Чѣмъ у насъ, у нихъ законы.
«Но, за то—онѣ родныя!..
«Воротись къ нимъ, другъ любезный,
«Или—рабъ нашъ,—стой надъ бездной».

Точитъ, гложетъ, тянетъ, манитъ
Бездна эта—и настанетъ
Срокъ, когда своей кручины
Тяжесть онъ держать устанетъ,—
Свалитъ все на дно пучины.

Что съ ней?

I.

Когда изъ пеленъ порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Растлѣнная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

* *
*

И въ лучшіе дни, какъ цвѣла красота,
Мечты ея вяли и вяли;
Ни ласковыхъ словъ не шептали уста,
Ни дѣтскихъ молитвъ не шептали.

* *
*

Пытливымъ огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
Мерцая, въ ней мысль загоралась.
Въ тѣ дни, много-много запретныхъ страницъ
Въ безсонныя ночи читалось...

* *
*

Ее жажда правды томила до слезъ;
На Западѣ бури шумѣли,
И къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ,
Какъ вѣтеръ свистя въ наши щели...

Отъ этого вольнаго вѣтра спасти
Нельзя лицемѣрной морали,
Когда люди свято велятъ намъ блюсти
Все то, что́ они попирали...

II.

И духъ отрицанья ее посѣтилъ,
Онъ понялъ, какая въ ней сила;
Онъ юную душу настолько плѣнилъ,
Насколько душа та—изныла;

* *
*

Науку, семью, государство, права,
Религію, геній, искусство,
Все, все превратилъ онъ въ пустыя слова,
Насилуя разумъ и чувство.

* *
*

«Иди, говорилъ онъ, иди вслѣдъ за мной,
И будетъ твой путь—путь свободный,
И скоро, среди мастерскихъ мы съ тобой
Сойдемся на тризнѣ народной.

* *
*

«На каждой верстѣ—будетъ общій дворецъ;
За трудъ—будетъ плата любовью;
И—будетъ тогда отрицанью конецъ—
Созрѣетъ—политое кровью».

* *
*

И эти туманныя рѣчи она
При насъ горячо повторяла;
Ея слабый голосъ дрожалъ какъ струна,
Въ немъ гордая вѣра звучала.

III.

А время все шло—шло—и много надеждъ,
Имъ грубо задѣтыхъ, сломалось.
Чадясь, погасали восторги невѣждъ—
И мысль на вѣтру колебалась.

* *
*

Поблекло лицо ея—въ темныхъ глазахъ
Мысль робкимъ огнемъ чуть мелькала,
И ужь не улыбка на блѣдныхъ устахъ—
Тѣнь прежней улыбки блуждала.

* *
*

Ея предреканьямъ послушный кружокъ
Давно позабылъ ея грезы;
У каждаго путь свой—и свой уголокъ
Нашелся для грезъ и для прозы.

* *
*

И тотъ, кто взялъ дань съ ея сердца, и тотъ
Пошелъ ужь другою дорогой,
Ей бросивши на́ руки много заботъ
И грудь познакомивъ съ тревогой...

* *
*

И вотъ, чтобъ друзей не осталось слѣда,
Нужда въ ея дверь постучалась.
И билась она, и искала труда—
И гдѣ теперь? Что съ нею сталось?

IV.

Ушла ли на Западъ она, въ край чужой,
Гдѣ жатва давно ужь созрѣла,
И все, что́ не смято въ ней братской враждой,
Для новой вражды уцѣлѣло?

Ушла ли она въ наши степи, туда,
Гдѣ нѣтъ ни конца, ни начала,
Гдѣ требуетъ время иного труда
И вѣры иного закала?

* *
*

Или, изможденная страшной борьбой,
Въ чаду, въ тѣснотѣ еле дышитъ,
И чуткая, слышитъ бредъ жизни хмельной
И—Боже!—неужели слышитъ,—

* *
*

Какъ духъ отрицанья глумится надъ ней,
И даже ее отрицаетъ,
Ее,—кто ему въ жертву несъ радость дней
И ради его погибаетъ!

* *
*

Ожесточенная—врядъ ли пойметъ,
Что въ безднѣ людскихъ заблужденій,
Лишь только поэтъ искры сердца найдетъ,
А искры ума—только геній.

Полярные льды.

У насъ весна, а тамъ, отбитыя волнами,
Плывутъ громады льдинъ—плывутъ онѣ въ туманъ,
Плывутъ и въ ясный день и таютъ подъ лучами,
Роняя слезы въ океанъ.

То буря обдаетъ ихъ пѣной и ломаетъ;
То въ штиль, когда заря сливается съ зарей,
Холодный океанъ столбами отражаетъ
Всю ночь румянецъ ихъ больной.

Имъ жаль полярныхъ странъ величья ледяного,
И тянетъ ихъ на югъ—на этотъ бережокъ,
На эти камни, гдѣ намъ очага родного
Межъ сосенъ слышится дымокъ.

И не вернуться имъ въ предѣлъ родного края,
И къ нашимъ берегамъ онѣ не доплывутъ;
Одни лишь вздохи ихъ, къ намъ съ вѣтромъ долетая,
Весной дышать намъ не даютъ...

Ужь зелень на холмахъ, ужь почки на березахъ;
Но день нахмурился и мороситъ снѣжокъ,
Не такъ ли мы вчера тонули въ теплыхъ грезахъ...
А нынче вѣетъ холодокъ.

---

* * *

Какое дѣло вамъ, счастливцы,
До вспышекъ сердца моего;
Вы не дали ему отрады—
И не возьмете ничего.

Какое дѣло вамъ, педанты,
До скорби духа моего;
Вы на вопросъ мой самый жгучій
Не отвѣчали ничего.

Сокровищъ сердца, силы мысли
Ужь я не жду ни отъ кого...
И все, чѣмъ я дышу покуда,
Творю почти изъ ничего.

---

*
* *

Мой умъ подавленъ былъ тоской,
Мои глаза безъ слезъ горѣли;
Надъ озеромъ сплетались ели;
Чернѣлъ камышъ,—сквозили щели,
Изъ мрака къ свѣту надъ водой.

И много, много звѣздъ мерцало;
Но въ сердце мнѣ ночная мгла
Холодной дрожью проникала,
Мнѣ видѣлось такъ мало, мало
Лучей любви надъ бездной зла!

---

*
* *

Блаженъ озлобленный поэтъ,
Будь онъ хоть нравственный калѣка,
Ему вѣнцы, ему привѣтъ
Дѣтей озлобленнаго вѣка.

Онъ какъ титанъ колеблетъ тьму,
Ища то выхода, то свѣта,
Не людямъ вѣритъ онъ—уму,
И отъ боговъ не ждетъ отвѣта.

Своимъ пророческимъ стихомъ
Тревожа сонъ мужей солидныхъ,
Онъ самъ страдаетъ подъ ярмомъ
Противорѣчій очевидныхъ.

Всѣмъ пыломъ сердца своего
Любя, онъ маски не выноситъ,
И покупного ничего
Въ замѣну счастія не проситъ.

Ядъ въ глубинѣ его страстей,
Спасенье—въ силѣ отрицанья,
Въ любви—зародыши идей,
Въ идеяхъ—выходъ изъ страданья.

Невольный крикъ его—нашъ крикъ,
Его пороки наши, наши!
Онъ съ нами пьетъ изъ общей чаши,
Какъ мы отравленъ—и великъ.

Музыка.

(Посв. П. И. Чайковскому).

И плывутъ, и растутъ эти чудные звуки!
Захватила меня ихъ волна...
Поднялась, подняла и невѣдомой муки,
И блаженства полна...
И божественный ликъ, на мгновенье,
Неуловимой сверкнувъ красотой,
Всплылъ, какъ живое видѣнье
Надъ этой воздушной, кристальной волной,
И отразился,
И покачнулся,
Не то улыбнулся...
Не то прослезился...

На закатѣ.

Вижу я, сизыя съ золотомъ тучи
Загромоздили весь западъ; въ ихъ щель
Свѣтитъ заря; каменистыя кручи,
Ребра утесовъ, березникъ и ель
Озарены вечерѣющимъ блескомъ;
Ниже—безбрежное море. Изъ мглы
Темные скачутъ и мчатся валы
Съ неумолкаемымъ гуломъ и плескомъ.

Къ морю тропинка въ кустахъ чуть видна,
Къ морю схожу я, и—
— Здравствуй волна!
Мнѣ, охлажденному жизнью и свѣтомъ,
Дай хоть тебя встрѣтить теплымъ привѣтомъ!...

Но на скалу набѣжала волна—
Тяжко обрушилась, въ пѣну зарылась
И прошумѣла, отхлынувъ назадъ:
— Новой волны подожди,—я разбилась...
Новыя волны бѣгутъ и шумятъ,—
То же, все то же я слышу отъ каждой...
Сердце полно безконечною жаждой,
Жду,—все темно,—погасаетъ закатъ...

Въ Потерянномъ Раю.

. . . . . .

Уже впервые дымной мглою
Подернутъ былъ Едемскій садъ,
Уже пожелкнувшей листвою
Усѣянъ синій былъ Ефратъ.

Ужь райская не пѣла птица—
Надъ ней орелъ шумѣлъ крыломъ,
И тяжело рычала львица,
Въ пещеру загнанная львомъ.

И озиралъ злой духъ съ презрѣньемъ
Добычу смерти—пышный міръ,
И мыслилъ: смертнымъ поколѣньямъ
Отнынѣ буду я кумиръ.

И вдругъ, онъ видитъ, въ райской сѣни,
Уязвлена, омрачена,
Идетъ, подобно скорбной тѣни,
Имъ соблазненная жена.

Невольно прядью косъ волнистыхъ
Она слегка прикрыла грудь,
Уже для помысловъ нечистыхъ
Пролегъ ей въ душу знойный путь.

И ей десницу простирая,
Встаетъ злой духъ,—онъ вновь готовъ,
Ей сладкой лестью слухъ лаская,
Пѣть о блаженствѣ грѣшныхъ сновъ.

Но что уста его сковало?
Зачѣмъ онъ пятится назадъ!?
Чѣмъ эта жертва испугала
Того, кому не страшенъ адъ?

Онъ ждалъ слезы—улыбки рая,
Моленій, робкаго стыда...
И что жь въ очахъ у ней?.. Такая
Непремиримая вражда,

Такая мощь души безъ страха,
Такая ненависть, какой
Не ждалъ онъ отъ земного праха
Съ его минутной красотой.

Грозы божественной сверканье—
Тѣхъ молній, что́ его съ небесъ
Низвергли—не безъ содроганья
Въ ея очахъ увидѣлъ бѣсъ,

И въ мглу сокрылся привидѣньемъ,
Холоднымъ облакомъ осѣлъ,
Змѣей въ траву проползъ съ шипѣньемъ,
Въ деревьяхъ бурей прошумѣлъ.

Но сила праведнаго гнѣва
Земного рая не спасла.
И канула слеза у древа
Познанія добра и зла...

У ОКНА.

...И вижу я въ окно, какъ душу холодящій
Отливъ зелено-золотой,
Въ туманную лазурь переходящій,
Объемлетъ неба сводъ ночной.

Далекая звѣзда мелькаетъ точкой бѣлой,—
И въ небѣ нѣтъ другихъ свѣтилъ.
Громадный городъ спитъ, въ безпутствѣ закоснѣлый,
И бредитъ, какъ лишенный силъ...

Мысль ищетъ выхода,—ее пугаетъ холодъ,
Она мнѣ кажется мечтой,
И не найдутъ ея, когда проснется городъ
Съ его бездушной суетой.

СТАРАЯ НЯНЯ.

Ты дѣвчонкой крѣпостной,
По дорогѣ столбовой,
Къ намъ съ обозомъ дотащилася;
Долго плакала, дичилася,
Не причёсанная,
Не отесанная...

Чуть я началъ подрастать,
Стали няню выбирать,
И тебя ко мнѣ приставили,
И обули, и наставили,
Чтобъ не важничала,
Не проказничала.

Славной няней ты была:
Скоро въ роль свою вошла;
Теребила меня за́-воротъ,
Да гулять водила за́-городъ,
Съ го́рокъ скатывалась,
Въ рожь запрятывалась.

Иль раздѣвшись на пескѣ,
Ты плескалась въ ручейкѣ,
Выжимала свои ко́сыньки;
А кругомъ шумѣли сосенки,
Птички радовались...
Мы оглядывались...

Вотъ, пришла зимы пора;
Дальше нашего двора
Не пускали насъ съ салазками.
Ты меня, не муча ласками,
То закутывала,
То раскутывала.

Разъ,—я помню, при огнѣ,
Ты чулки вязала мнѣ,—
(Или платье свое штопала?)
Къ намъ мятель въ окошко хлопала,
Пѣснь затягивала,—
Сердце вздрагивало...

Ты жь другую пѣсню мнѣ
Напѣвала при огнѣ:
«Ай кипятъ котлы кипучіе!..»
Помню сказки я пѣвучія,
Сказки всяческія,—
Не ребяческія...

И, побитая не разъ,
Ты любила, разсердясь,
Потихоньку мнѣ отплачивать:
Меня больно поколачивать;
Я не жаловался,
Отбояривался.

А какъ въ школу поступилъ,
Я читать тебя училъ:
Ты за мной твердила «Вѣрую»...
И потомъ, молилась съ вѣрою,
Съ воздыханіями,
Съ причитаніями.

По ночамъ на образа
Возводила ты глаза,
Озаренные лампадкою;
И когда съ мечтою сладкою
Сонъ мой спутывался,
Я закутывался...

Но пришли твои года...
Подросла ты—и тогда,
Знать, тебя цыганка сглазила:
Изъ окна ты ночью лазила,
Вся трепещущая,
Съ кѣмъ-то шепчущая...

Другъ любилъ тебя, шутя;
И, поблекнувъ, не цвѣтя,
Перестала ты пошаливать:
Начала свой грѣхъ замаливать;
Много маялася—
Мнѣ же каялася!

Черезъ тридцать лѣтъ, домой
Я вернулся, и слѣпой
Ужь засталъ тебя старушкою,
Въ темной кухнѣ, съ чайной кружкою—
Ты догадывалась...
Слезно радовалась.

И когда я легъ вздремнуть,
Ты пришла меня разуть,
Какъ дитя свое любимое,
Старика, въ гнѣздо родимое
Воротившагося,
Истомившагося.

Я измученъ былъ, а ты
Прожила безъ суеты,
И мятежныхъ думъ не вѣдала,
Капли яду не отвѣдала,—
Яду маящихся,
Сомнѣвающихся,

И напомнила Христа
Ты страдальцу безъ креста,
Гражданину, сыну времени,
Посреди родного племени
Прозябающему,
Изнывающему.

Богъ съ тобой! я жизнь мою
Не смѣняю на твою...
Но ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Не оплаченная
И утраченная.

Зимняя пѣсня русалокъ.

(Изъ либретто оперы «Кузнецъ Вакула»).

(Посв. памяти А. Н. Сѣрова).

Темно намъ, темно, темнешенько,
Словно въ темницахъ сырыхъ.
Мѣсяцъ сталъ надъ рѣкой,
Чуть краснѣется,
Въ небѣ тучка плыветъ,
Чуть бѣлѣется...

Холодно намъ, холоднехонько!
Словно въ гробахъ ледяныхъ.
Вѣтра шорохъ ночной
Еле слышится,
Ничего въ осокѣ
Не колышется.

Тресни же, тресни ты, синій ледъ!
Въ блескѣ лучей золотыхъ,
Мы, какъ рыбки въ рѣкѣ,
Затрепещемся;
Сквозь туманъ рыбакамъ
Померещимся.

1871.

Отрадная встрѣча, или тщетныя надежды старичка.

Сто лѣтъ—сто зимъ!..
Позволь обнять—поговоримъ.
Я слышалъ, что тебѣ везетъ,
Что ты такимъ,
Братъ, сталъ тузомъ—что страхъ беретъ!

А помнишь, братъ,
Въ концѣ студенческихъ годовъ,
И я былъ хватъ—и ты былъ хватъ,
И, какъ Богъ святъ,
Мы обходились безъ чиновъ.

Тогда плѣнялъ
И насъ свободы идеалъ,
Но кто изъ насъ подозрѣвалъ,
Чтобъ этотъ бредъ
Надѣлать могъ намъ столько бѣдъ!

А, милый мой,
Что скажешь? Лучше ли живетъ
На волѣ темный нашъ народъ?
У золотой
Свободы золотой ли плодъ?

Трудъ крѣпостной—
Единственный въ Россіи трудъ,
Для насъ погибъ! Хоть волкомъ вой!
И гласный судъ,
И земство—и—разбой! разбой!

Уже печать
На всю безграмотную Русь
Про насъ успѣла прокричать;
Жду, не дождусь,
Когда велятъ ее унять...

Не то бѣда,
Что либераламъ я не милъ,
Бѣда, что вамъ не угодилъ,
И безъ суда
За пустяки уволенъ былъ.

Клянусь Творцомъ,
Я совѣстился взятки брать;
Я только шелъ,—шелъ на проломъ,
Чтобъ, такъ сказать,
Вліять, спасать и ограждать.

И ничего
Не оградилъ!—таковъ законъ—
Изъ-за него, будь проклятъ онъ—
Изъ-за него
Я палъ,—но буду отомщенъ.

Да, погоди!..
Придетъ еще и мой чередъ—
Опомнятся! не то народъ,
Того гляди,
Учиться грамотѣ начнетъ.

Ужь говорятъ,
И это, братъ, не пустяки,
Что осадить давно назадъ
Кой-что хотятъ,
И что въ ходу крѣпостники.

О! дай-то Богъ!
И за тебя я буду радъ:
Ты дѣловой имѣешь слогъ,
Уменъ, богатъ,
Ты намъ полезенъ будешь, братъ.

Сумѣемъ мы
Все разсудить, что «да», что «нѣтъ»,
И водворить въ Россіи свѣтъ
Безъ кутерьмы,
Безъ земщины и безъ газетъ.

А то, ей-ей!
Невольно пробираетъ дрожь.
Что будетъ? ну какъ вдругъ умрешь!
И безъ возжей
Оставишь нашу молодежь!

Тогда всему
Завѣтному скажи: аминь!
Другъ! Ты извѣстенъ по уму,
А потому
Спѣши, дерзай, и маску скинь!

Насъ—легіонъ,
И можемъ мы тебя поднять
На верхъ, на самый, такъ сказать,
На Геликонъ,
Чтобъ могъ боговъ ты созерцать.

Итакъ, впередъ!
А что про насъ произнесетъ
Исторія... Да пусть она,
Что́ хочетъ, вретъ...
Намъ, братецъ, слава не нужна.

Ба, что съ тобой!
Я душу отвести хотѣлъ,
А ты... какъ будто поблѣднѣлъ...
Ужели мой
Благой порывъ такъ новъ иль смѣлъ?!

Нѣтъ, братъ, надуть
Меня нельзя, и я ничуть
Въ своей не каюсь болтовнѣ:
Когда-нибудь
Вверху ты вспомнишь обо мнѣ

И, видитъ Богъ,
Возопіешь: Старикъ, сюда!
Подулъ попутный вѣтерокъ,
Возьми, пророкъ,
Бразды—и—нѣтъ тебѣ суда!

1871.

Отрочество.

Когда, почти дѣтьми, ухабистой тропинкой
Мы бѣгали въ березовый лѣсокъ,
Какъ жарко грудь ея дышала подъ косынкой,
Какъ шаловливъ былъ съ ней пахучій вѣтерокъ!
Намъ было весело—мы оба задыхались—
Другъ другу руки жали иногда;
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

* *
*

Когда восходъ луны мы съ ней вдвоемъ встрѣчали,
И дымчатый туманъ вставалъ съ рѣки...
Какъ звѣзды, при лунѣ, глаза ея мерцали,
Блаженная слеза скользила вдоль щеки,
И тамъ, гдѣ локоны плеча ея касались,
Мои уста касались иногда;
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

* * *

Зимой, когда мятель шумѣла въ вечеръ поздній,
И погасалъ въ лампадѣ огонекъ,
И странный храпъ въ дому былъ слышенъ—адскихъ козней
Не разъ мы трусили, забившись въ уголокъ.
Тогда плечомъ къ плечу впотьмахъ мы робко жались,
Быть можетъ, цѣловались иногда;
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

* * *

Но вотъ, жизнь грубая на все дохнула прозой,
Неопытныхъ дѣтей подстерегла,
Мнѣ отравила умъ неслыханной угрозой,
Постыдной клеветой ей душу обожгла,
И какъ враги съ тѣхъ поръ другъ друга мы чуждались—
Мы смутно понимали, въ чемъ бѣда...
И все вдругъ поняли, когда
Въ прощальный часъ въ любви признались.

На улицахъ Парижа.

(Весною 1871 г.).

Вотъ еще одну изъ многихъ,
Дочь нужды, дитя народа,
Разстрѣлять ведутъ,—и слышенъ
Крикъ: да здравствуетъ свобода!

Палачи, должно-быть, пьяны,
Жертва ихъ взята ошибкой,
На ея поблекшихъ губкахъ
Ужасъ борется съ улыбкой.

Выбиваются, спадаютъ
Косы изъ-подъ шляпки сбитой,
Локти связаны, изорванъ
Лифъ, подъ праздникъ ею сшитый.

Тонкій очеркъ блѣдной груди
Тронутъ отблескомъ разсвѣта.
Утро блещетъ по мансардамъ,
Ей навстрѣчу дышитъ лѣто.

— «Боже мой! какое утро!»
Говоритъ она разбитымъ,
Слабымъ голосомъ, шагая
Межъ солдатъ по звонкимъ плитамъ.

«Ахъ, какъ голуби высоко
Рѣютъ!.. А на мнѣ все смято,
Все изорвано,—схватили,
Повели—ведутъ куда-то...

Говорятъ, меня Всевышній
Не обидѣлъ красотою...
Что жь я сдѣлала? за что вы
Такъ безжалостны со мною?

Не за то ли, что случайно,
Ради самосохраненья,
Я и Жанъ мой отбивались
Отъ ночного нападенья?

Все-то мы дѣлили вмѣстѣ:
И любовь, и хлѣбъ, и воду...
О! какъ глупо умереть мнѣ
Въ эту чудную погоду!»

Стой!.. Пришли... Площадка... Стѣны,
Дверь, заросшая бурьяномъ...
И затихъ вдругъ лепетъ жертвы,
Заглушенный барабаномъ.

Страшной ненависти буря
Дымнымъ залпомъ разразилась,
И въ крови—въ могилу—въ мусоръ
Какъ цвѣтокъ она свалилась.

Солнце встало надъ Парижемъ,
И ясна была погода.
Лишь грозой носился пьяный
Крикъ: да здравствуетъ свобода!

Въ приливъ.

На зарѣ, въ приливъ, нѣ мало
Чудъ и раковинъ морскихъ
Набросала мнѣ наяда
Въ щели скалъ береговыхъ.
И когда я даръ богини
Торопился подбирать,
Надъ морскимъ прибоемъ стала
Нагота ея сверкать.

Очи вспыхнули звѣздами,
Жемчугъ палъ дождемъ съ волосъ,
— И зачѣмъ тебѣ все это?!
Прозвучалъ ея вопросъ...
— «А затѣмъ, чтобъ даръ твой рѣзать—
Жечь—вникать, иль изучать»...
И наяда, подгоняя
Волны, стала хохотать...

— А! сказала,—ты и мною
Не захочешь пренебречь!
Но меня ты какъ изучишь?
Рѣзать будешь, или жечь?..
И наяды тѣло съ пѣной
Поднялось у самыхъ скалъ,
На груди заря взыграла,
Вѣтеръ кудри всколыхалъ.

— «Нѣтъ, сказалъ я, вздрогнувъ сердцемъ,—
Нѣтъ въ наукѣ ничего
Разлагающаго чары
Обаянья твоего».

И пока зари отливы
Колыхалъ лазурный валъ,
Я забылъ дары богини,
Я богиню созерцалъ.

Библіографы.

Я за прозу берусь, я за вирши берусь
И забвенья рѣки не боюсь, не боюсь—
Отъ журнальнаго лая спасая поэта,
Не надолго меня спрячетъ темная Лэта.
Ходитъ мусорщикъ вдоль этой мутной рѣки—
И нѣтъ глаза быстрѣй, нѣтъ ловчѣе руки....
Все, что́ только въ волнахъ этой Лэты мелькаетъ,
Что́ ни вынырнетъ, все то онъ жадно хватаетъ:
И не только рублевыхъ, грошевыхъ писакъ
Отъ него эта Лэта не спрячетъ никакъ.
Чуть завидитъ кого,—живо на берегъ тащитъ,
И ликуетъ душа его, аще обрящетъ.
Отъ ветошной души пусть ветошка одна
Попадется, и та будетъ имъ спасена.
И пускай цѣлый свѣтъ смысла въ ней не увидитъ,
Онъ хоть мѣтку найдетъ и ея не обидитъ,
И ее помѣститъ въ поминанье свое,
Какъ великое имя, невѣдомо чье!
И попробуй хоть дичь помѣстить я въ газету,
Чтобъ найти эту дичь, онъ обшаритъ всю Лэту
(Иль Апраксинъ дворъ).
Кто же мусорщикъ сей:
П—копунъ или Еф—ъ злодѣй?!

Для обоихъ готовъ сочинять я куплеты,
Оба рады поэта исхитить изъ Лэты,
Оба рады другъ друга въ ту Лэту столкнуть,
Отъ обоихъ (попробуй ихъ ревность раздуть...)
Самъ Сатурнъ, что́ дѣтей пожираетъ, заплачетъ,—
И его вспотрошить ничего имъ не значитъ.

1872.

Замогильный голосъ.

(Посв. памяти А. Ф. Жохова).

Уже пестритъ расцвѣтъ обильный—
Но тщетно разгорѣлся май,
Въ садахъ и на дорогѣ пыльной
Я слышу голосъ замогильный—
Знакомый голосъ твой—«прощай!

«Напрасно, дорожа любовью,
Хотѣлъ привыкнуть я къ злословью—
Привыкнуть къ шопоту невѣждъ,
Не могъ—и поплатился кровью
На рубежѣ земныхъ надеждъ.

«Мечталъ я, не склоняя выи,
На-зло враждебной намъ стихіи,
Всѣ убѣжденья—все мое
Служенье посвятить Россіи,
И умеръ въ страшной агоніи
Съ свинцомъ въ мозгу—не за нее!...

«Больного вѣка сынъ недужный,
Я отъ больныхъ не ждалъ суда—
И тѣнью сталъ для васъ ненужной,
И въ вашей памяти досужной
Какъ тѣнь исчезну безъ слѣда...

«Отъ горькихъ нуждъ, позорной лѣни
И сокрушительныхъ заботъ,
Не вы спасете вашъ народъ—
И ваша очередь прійдетъ,
И вы исчезнете какъ тѣни...

«Кой-что мнѣ жаль—но не друзей—
Они земныхъ боятся терній,
Безъ вѣры стали легковѣрнѣй,
И будутъ жертвою вечерней
Своихъ пороковъ и страстей—
Прощай!»...

1872.
Дача на Петергофской дорогѣ.

Поэзія.

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья
Иль въ покаянный, будній день,
Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
А за собой—неправды тѣнь;
Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепетъ,
Пока молитвенный твой лепетъ
Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
О славѣ, о любви поетъ,
И дорого тебѣ твое уединенье—
И темный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ,
И знаешь, какъ бы ты отвѣтилъ
Тому, кто бъ грудь твою обжегъ своей слезой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока страстями ты себя не истиранилъ,
И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
И никакой туманъ еще не отуманилъ
Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;
Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы и чувства,
И можешь ты негодовать,
Пока языкъ идей и красоты искусства
Тебя способны восторгать;
Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
Въ друзьяхъ—свой судъ, въ любви—награду,
И не страшитъ тебя съ врагами честный бой,—
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

Когда же истина навѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ
На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинетъ
Свой ослѣпительный туманъ,
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣришь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской,—
Поэзія тебя покинетъ, милый мой...

187?.

Тяжелая минута.

Гдѣ вы, источники вѣчной любви —
Жажда всѣхъ видѣть счастливыми —
Кладъ дорогой, скрытый въ нервахъ, въ крови,
Въ пламенномъ сердцѣ съ порывами?
Гдѣ та великая вѣра въ людей—
Въ славу всего человѣчества?
Или хоть въ смѣлую правду друзей,
Шедшихъ страдать за отечество?..
Гдѣ та заря, что вставала?—скажи:
Гдѣ та душа, что проснулася...
Или земля—это скопище лжи—
Въ грозныя тучи замкнулася?
Или опять племенная вражда
Въ каждый народъ протѣснилася,
И, какъ осенняя съ грязью вода,
Въ сердце мое проточилася...
Или въ умы замѣшался хаосъ—
Или опять первобытная
Дичь разрастается—крови и слезъ
Требуетъ власть ненасытная!?—
Если погаснетъ священный огонь,—
Что́ впереди?—тьма бездонная...
Милая! въ эту минуту не тронь
Сердце мое омраченное...
Можетъ быть, эта минута пройдетъ,
Можетъ быть, завтра жь попутная
Звѣздочка лучъ свой уронитъ—сойдетъ
Въ душу хоть радость минутная.

Радъ буду встрѣтить я гостью мечту,
И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
И за минуту отчаянья...

Шиньонъ.

Было время—похвалялась
Наша русая коса,
Что она-де чудодѣйка—
Всему городу краса!
Молодцы по ней вздыхали,
Старцы охали по ней,
И ломался частый гребень
Въ мягкомъ золотѣ кудрей.

Съ поселянкой горожанкѣ
Любо было въ душный зной
Надъ рѣкой сидѣть въ прохладѣ,
Съ непросохнувшей косой;
Полевой вѣнокъ, бывало,
Прилегалъ къ вѣнку изъ косъ,
И не разъ трепала буря
Пышный шелкъ густыхъ волосъ.

Было время: «кудри дѣвы
Чародѣйки» кто не зналъ!
Эти кудри вмѣстѣ съ вѣтромъ
Я ловилъ и цѣловалъ;—

Но лирическая муза
Стала къ свисту привыкать
Но твоя подруга стала
О шиньонѣ помышлять.

Кудри вьются, но—ея ли?
Не чужія ли?—вопросъ,
Поцѣлуй твой чуетъ задхлый
Запахъ купленныхъ волосъ.
Что-то мертвое, сухое
Слышатъ жаркія уста...
Эти вьющіяся кудри—
Не живая красота.

Эти кудри—кто ихъ знаетъ?!
Можетъ быть, онѣ росли,
Украшая черепъ, ставшій
Достояніемъ земли...
Можетъ быть, отецъ надъ ними
Горько плакалъ и рыдалъ,
Можетъ быть, развратникъ наглый
Ароматомъ ихъ дышалъ.

Можетъ быть, онѣ—въ больницѣ,
Чуть затихъ предсмертный стонъ,
Были срѣзаны съ погибшей,
Бѣдной дѣвы на шиньонъ!
Ну, такъ что жь?! къ чему брезгливость!
Что́ за дѣло мертвецу,
Кто въ косѣ его танцуетъ
Или рядится къ вѣнцу!

Развѣ мало украшеній
Съ рыбъ морскихъ, съ пушныхъ звѣрей,
Съ рѣдкихъ птичекъ, мѣху, перьевъ,
Чешуи, роговъ, костей!

А у дикаго индѣйца
Развѣ мало бы нашлось
Дорогихъ ему, побѣдныхъ,
Человѣческихъ волосъ!

Отчего жь и нашимъ дамамъ
Не носить для красоты
Этихъ маленькихъ трофеевъ,
Взятыхъ съ чахлой нищеты!
Но—союзница продажныхъ,
Деспотъ—мода не съ однихъ
Мертвецовъ сбираетъ подать,
Собираетъ и съ живыхъ.

Далеко отъ просвѣщенныхъ,
Капитальныхъ городовъ,
Никнутъ жалкія селенья—
Гнѣзда темныхъ бѣдняковъ;
Тамъ невѣжество, тамъ тяжкій
Трудъ смѣняется нуждой,
Тамъ парижской моды жатва,
Тамъ—покосъ волосяной.

Муза! гдѣ ты? сосчитай мнѣ,
Сколько пудъ по всѣмъ странамъ
Этихъ нищенскихъ обрѣзковъ
Сортируется для дамъ?
Сколько движется шиньоновъ
По столичнымъ площадямъ,
Въ бальныхъ залахъ, по дорогамъ,
По музеямъ, по церквамъ?..

Въ вѣкъ осьмнадцатый когда-то
Мода пышная была;
Честь и волосы народа
Въ жертву роскоши несла.

Короли, пажи, маркизы,
Селадоны-старики,
И артисты, и лакеи—
Всѣ носили парики.

Но народъ—Сампсонъ Далилой
Позабытый, отростивъ
Гриву львиную, почуялъ
Силъ отчаянныхъ приливъ;
Надъ пирующими гнѣвно
Своды Франціи потрёсъ,
И отмстилъ чужеволосымъ
За клочки своихъ волосъ.

Въ степи.

I.

Скучно-безцвѣтные дни,—сумерки, вмѣсто дневного
Свѣта, застигли меня, здѣсь,—на степномъ перепутьѣ,
То ливень лилъ, то кругомъ хутора вылъ мокрый вѣтеръ,
Муза, и та, наконецъ, вмѣстѣ со мной стала дрогнуть.
Все говорило ей: стой! не залетай высоко!..
Здѣсь даже сказки свои перезабыла старуха,
И безъ осмысленныхъ словъ тянется грустный напѣвъ.
Вдругъ, наступила жара: въ щели лучи пронизались,
И посвѣтлѣло въ сѣняхъ, и заскрипѣли ворота;
Сталъ просыхать черноземъ, и колея со двора
Черезъ проселокъ меня въ сѣрую степь увела—
Въ эту широкую степь, гдѣ ни куста, ни пригорка.

Къ вечеру зной посвѣжѣлъ, воздухъ былъ мягко-прозраченъ;
Вьющійся столбъ комаровъ сталъ провожать меня; гдѣ-то
Свиснулъ—должно-быть сурокъ, и, какъ струна басовая,
Въ сумеркахъ вечера, жукъ мимо ушей прогудѣлъ.
Дорого, бъ далъ я, чтобъ здѣсь мнѣ навсегда надышаться
Силой земли, тишиной и обаяньемъ простора,
Чтобъ унести далеко, въ сердцѣ, въ мозгу, въ каждомъ нервѣ,
Этотъ цѣлебный фіалъ—эту росу—этотъ воздухъ...
Вспомнилъ я шумъ городской, стѣны и лѣстницы—гнѣзда
Зависти и клеветы,—вспомнилъ дома́, гдѣ интрига
Тонкія сѣти плететъ, сводитъ людей и разводитъ
Вѣчно въ подрывъ свѣжихъ силъ, вѣчно свободѣ въ ущербъ!—
Впомнилъ я... и пожелалъ (неисправимый мечтатель!)
Въ этомъ привольѣ степномъ взять на себя трудъ посильный.

II.

Въ этомъ привольѣ степномъ, взявъ на себя трудъ посильный,
Шелъ босоногій мужикъ, клячу свою понукая;
Вытянувъ шею свою—кляча тянула соху,
Изъ-подъ желѣза сохи черныя глыбы валились,
Около свѣжихъ бороздъ свѣжей ложась бороздой.
— «Богъ тебѣ въ помощь, землякъ!» вымолвилъ я, и подумалъ:
Умъ мой и руки мои, видно, не въ помощь тебѣ!
Остановился мужикъ,—остановилась и кляча.

Онъ молча шапку стянулъ,—кляча развѣсила уши
И, помотавъ головой, потную морду свою
Стала тянуть къ муравѣ, и, какъ лохмотья, повисли
Спутанной гривы ея космы до самой земли.

III.

— Дядя! сказалъ я, шутя,—не промѣняешь ли клячу?
Я за нее тебѣ дамъ славную штуку—Пегаса.
Конь—что́ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать—
конь крылатый.
Онъ приведенъ къ намъ изъ Греціи черезъ Европу.
Слыхалъ ли
Ты объ Европѣ хоть что-нибудь?...
— «Нѣтъ, не слыхалъ».
— Ну, такъ вѣрь мнѣ,
Есть, дядя, эдакій конь...
И мужикъ съ недовѣрьемъ оскалилъ
Бѣлые зубы.—«Да самъ-то видалъ ли ты?»
— Какъ не видать!
Самъ я носился на немъ, выше лѣсу стоячаго, выше
Облака въ небѣ ходячаго. Конь удивительный! Только
Надо умѣть его сдерживать, разумъ на то человѣку
Данъ: а не то ему удержу нѣтъ;—понесетъ, что твой
вихорь!
Въ Іерусалимъ загадалъ?—въ Іерусалимѣ.—Въ Аѳонъ?—
на Аѳонѣ
Мигомъ очутишься. Горы, моря, города, даже царства,
Какъ у себя на ладони, увидишь ты. Мало того,
Можешь на немъ ты съ молитвою, выше полночной
звѣзды,
Къ праведнымъ, въ царство небесное, очи зажмуривъ,
подняться,

И услыхать, какъ въ раю, тамъ, поютъ Херувимскую,—
или
Можешь тамъ встрѣтить несмѣтное множество яркихъ
свѣтилъ:
Кишмя-кишатъ тамъ міры лучезарные, и, какъ пылинки,
Носятся около нихъ вотъ такія же точно обители,
Какъ и земля наша, гдѣ мы съ тобой прозябаемъ. И
все это
Видѣлъ я, дядя, самъ видѣлъ.
— «Да ты не колдунъ ли?»
— Нѣтъ, не колдунъ, у меня есть другое, старинное
прозвище:
Люди меня обзываютъ поэтомъ. Слыхалъ ли ты это
Громкое слово: поэтъ?
— «Не слыхалъ, милый! съ роду не слыхивалъ.
Что жь это значитъ—поэтъ?!»
— То же почти, что колдунъ.
— «А коли такъ, ты бъ, родимый, мнѣ кладъ указалъ,
гдѣ зарытъ...»
— Кладъ у тебя подъ рукой, только засѣй свою пашню,
Изъ-подъ земли самъ собой къ осени выйдетъ твой
кладъ.—
Понялъ мужикъ эту притчу и почесалъ свой затылокъ:
— «Съ этого клада», сказалъ онъ, «дай Богъ до весны
прокормиться...
... Ишь, лошаденка-то—кожа да кости! Крылатая ло-
шадь —
Тоже, чай, тощая! Ты мнѣ ее покажи,
Да ужь потомъ и тово—и вымѣнивай. Кто же те знаетъ,
Грамотѣ я не ученъ; можетъ-статься, и вправду такое
Видится чудо заморское».
— Ну, а куда бы, любезный,
Ты бы на немъ полетѣлъ?

— «Да куда полетѣть?—нешто въ городъ;
Али бы къ куму махнулъ. А не то обрубилъ бы
Чортовы крылья анаѳемѣ, да и запрягъ бы въ телѣгу»..
— Ну, дядя, врядъ ли намъ выгодно будетъ мѣняться.
Ты на Пегасѣ моемъ далеко не уѣдешь, а я
Съ клячей твоей не спашу и одной десятины...

. . . . . .

Ёлка.

I.

На краю села, досками
Заколоченный кругомъ,
Спитъ покинутый, забытый.
Обветшалый барскій домъ.

За усадьбою, въ избушкѣ
Няня старая живетъ,
И ужь сколько лѣтъ—не можетъ
Позабыть своихъ господъ.

Все разсказываетъ внучку,
Какъ встрѣчали господа
Новый годъ, Святую, Святки...
Какъ кутили иногда,—

И какія доводилось
Ей слыхать въ дому у нихъ
Чудодѣйныя сказанья
Про угодниковъ святыхъ.

Позабытая старушка
Пополамъ съ нуждой живетъ,
За крупу, за хлѣбъ, за масло
Зиму зимнюю прядетъ.

Внучекъ малъ—сыра избушка—
И до самаго окна—
Вплоть до ставня, снѣжной бурей
Съ ноября заметена.

II.

Ночь, морозъ трещитъ, все глухо,
Вся деревня спитъ;—одна
Няни тѣнь торчитъ за прялкой,—
Пляшетъ тѣнь веретена.

Съ догорающей свѣтильней
Сумракъ борется ночной,
На полатяхъ подъ овчиной
Шевелится домовой.

Внукъ пугливо смотритъ съ печи,
Онъ вскосматилъ волоса,
Поднялъ худенькія плечи,
Локотками подперся.

— Бабушка!..—Чего, родимый?
— Наяву или во снѣ
Про рождественскую елку
Ты разсказывала мнѣ?

Какъ та елка въ барскомъ домѣ
Просіяла,—какъ на ней
Были звѣзды золотыя
И гостинцы для дѣтей.

Вотъ бы намъ такую елку!
И сочельникъ не далекъ.
Только что́ это за елка?—
Мнѣ все какъ-то не вдомекъ?

Порвалась у пряхи нитка;
Разсердилась и ворчитъ:
— Ишь, не спитъ!.. про елку бредитъ;
Видно, голоденъ—блажитъ!

Зачадясь, свѣтильня гаснетъ;
Не жужжитъ веретено,—
Помолясь, легла старуха;
Ночь бѣлѣется въ окно.

— Бабушка!..—Чего, родимый?
— Ну, а гдѣ она растетъ,
Эта елка-то? Ты только
Разскажи мнѣ, гдѣ растетъ!..

— Гдѣ жь расти; растетъ въ лѣсочкѣ
Въ ельникѣ растетъ... постой!..
Домовой никакъ проохалъ...
Тише!.. спи, Господь съ тобой!..

III.

Рождества канунъ—сочельникъ.
Вотъ, подтибривши топоръ,
Къ ночи, внучекъ старой няни
Пробрался въ сосѣдній боръ.

Тѣни сосенъ молча стали
На дорогу выходить.
Онъ рождественскую елку
Ищетъ бабушкѣ срубить.

Вотъ и мѣсяцъ—засквозили
Сучьевъ сѣти и рога,
Свѣтъ его, какъ свѣтъ лампады,
Легъ на блѣдные снѣга.

Смотритъ мальчикъ,—что за чудо!
Изъ-за темнаго бугра
Вышла, выглянула елка,
Точно вся изъ серебра.

Брилліанты на рогулькахъ,
Въ брилліантахъ—огоньки.
Дрогнулъ мальчикъ,—отъ натуги
Кровь стучитъ ему въ виски.—

Не звѣзда ли—эта искра
Превратившаяся въ ледъ?
Ступитъ вправо—засверкаетъ,
Ступитъ влѣво—пропадетъ.

Пораженный, умиленный,
Онъ стоитъ—и какъ тутъ быть!?
Какъ рождественскую эту
Елку станетъ онъ рубить!?

Мѣсяцъ льетъ свое мерцанье,
Въ темномъ лѣсѣ—ни гугу!
Опустивъ топоръ, присѣлъ онъ
Передъ елкой на снѣгу.

И сидитъ, и слышитъ, гдѣ-то
Словно колоколъ гудетъ.
Это сонъ? иль это Божья
Смерть подъ благовѣстъ идетъ?..

И рождественская елка
Передъ нимъ растетъ, растетъ,
Лучезарными вѣтвями
Обняла небесный сводъ.

По вѣтвямъ ея на землю
Сходятъ ангелы; ихъ клиръ
Пѣснь поетъ о славѣ Вышнихъ...
Всей землѣ пророчитъ миръ.

И тьмы-темъ огненнокрылыхъ,
Ослѣпительныхъ дѣтей
Изъ вѣтвей глядятъ на землю
Міріадами очей,

Словно ждутъ—какое міру
Богъ готовитъ торжество.
Смерть баюкаетъ ребенка,
Сердцу снится Рождество.

И упалъ изъ рукъ топорикъ,
И заснулъ бы онъ навѣкъ!
Да случайно мимо лѣсомъ
Ѣхалъ пьяный дровосѣкъ.

Онъ встряхнулъ его, ругаясь
И свистя, отвезъ домой,
И очнулся бѣдный мальчикъ
На груди ему родной.

Долго былъ потомъ онъ боленъ.
Чѣмъ-то смутно потрясенъ,
Никому не разсказалъ онъ
Сна, который видѣлъ онъ.

Да и какъ бы могъ онъ, бѣдный,
Все то высказать вполнѣ,
Что́ душѣ его сказалось
Въ полусмерти—въ полуснѣ...

Казимиръ Великій.

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга *).

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
Нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казимиръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой, веселою женой.

Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
Позвонки бренчатъ на хомутахъ;
Впереди, на всемъ скаку, не видно
Кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ;

*) Стихотвореніе «Казимиръ Великій» было задумано мною въ 1871 году. Покойный А. Ф. Гильфердингъ просилъ меня написать его для второго литературнаго вечера въ пользу Славянскаго комитета. — Тема для стиховъ была выбрана самимъ Гильфердингомъ, имъ же были присланы мнѣ и матеріалы,—выписки изъ Польскаго лѣтописца Длугоша, съ слѣдующею въ концѣ припискою: «*Раздача хльба въ пору голода у лѣтописца разсказана безъ всякой связи съ другими фактами изъ жизни Казимира, потому тутъ у васъ carte blanche....*»— Стихи были набросаны, когда я узналъ, что литературный вечеръ съ живыми картинами, въ пользу Славянскаго комитета, не состоялся и отложенъ на неопредѣленное время.—Затѣмъ умеръ и нашъ многоуважаемый ученый А. Ф. Гильфердингъ, самоотверженно собирая легенды и пѣсни того народа, изученію котораго, въ связи со всѣми ему соплеменными народами, съ любовью посвящалъ онъ всю свою жизнь.

Позади, въ саняхъ несется свита...
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ собачьи морды,
Свѣсилась оленья голова...

Казимиръ на пиръ спѣшитъ съ охоты;
Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино.

Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
На морозѣ дышитъ горячо.
Королева съ ласкою склонилась
На его могучее плечо.

— Что съ тобою, государь мой?! другъ мой!?
У тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
Или мною?—на меня сердитъ?...

—«Хороши мы!» молвилъ онъ съ досадой:
«Хороши мы! Голодаетъ край,
Хлопы мрутъ,—а мы и не слыхали,
Что у насъ въ краю неурожай!..

Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
Тотъ гусляръ, что́ встрѣтили мы тамъ...
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
То, что́ спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ...»

Мчатся кони, рѣзче раздается
Звукъ роговъ и топотъ,—и встаетъ
Надъ заснувшимъ Краковымъ зубчатой
Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы,
Музыка и пиръ идетъ горой;
Казимиръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
Подпираетъ бороду рукой.

Борода впередъ выходитъ клиномъ,
Волосы подстрижены въ кружокъ.
Передъ нимъ, съ виномъ стоитъ на блюдѣ
Въ золотой оправѣ турій рогъ;

Позади,—въ чешуйчатыхъ кольчугахъ,
Стражниковъ колеблющійся строй.—
Надъ его бровями дума бродитъ,
Точно тѣнь отъ тучи грозовой.

Утомилась пляской королева,
Дышитъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка:
«Государь мой, веселѣе будь!..

«Гусляра вели позвать, покуда
Гости не успѣли задремать».
И къ гостямъ идетъ она, и гости—
— Гусляра, кричатъ, скорѣй позвать!

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.

А у ногъ хозяйки—королевы,
Не на табуретахъ и скамьяхъ,
На ступенькахъ трона сѣли панны,
Съ розовой усмѣшкой на устахъ.

Ждутъ,—и вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной,
Изъ народа вызванный гусляръ.

Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.

Низко передъ царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой,

Правую подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ.
— «Начинай!»—и дрогнувшіе пальцы
Звонко пробѣжали по струнамъ.

Подмигнулъ король своей супругѣ,
Гости брови подняли: гусляръ
Затянулъ про славные походы
На сосѣдей, нѣмцевъ и татаръ...

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни—
Крики: «Vivat!» огласили залъ;
Только круль махнулъ рукой, нахмурясь:
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

— «Пой другую!» — и, потупивъ очи,
Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
Молодость и чары королевы
И любовь — щедротъ ея вѣнецъ.

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни —
Крики: «Vivat!» огласили залъ;
Только круль сердито сдвинулъ брови:
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

«Каждый шляхтичъ» — молвилъ онъ — «поетъ ихъ
На ухо возлюбленной своей;
Спой мнѣ пѣсню ту, что́ пѣлъ ты въ хатѣ
Лѣсника, — та будетъ по-новѣй...

Да не бойся!»
Но гусляръ, какъ будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:

«Ой, вы хлопы, ой вы божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ
И кого ни встрѣтитъ — валитъ съ ногъ.

«Продаетъ за пудъ муки корову,
Продаетъ послѣдняго конька.
Ой не плачь, родная, по ребенкѣ!
Грудь твоя давно безъ молока.

«Ой не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
По веснѣ, авось, помрешь и ты...
Ужь растутъ, — должно-быть къ урожаю,
На кладбищахъ новые кресты.

«Ужь на хлѣбъ,—должно-быть къ урожаю,
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ.
Только паны потираютъ руки—
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ...»

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
«Правда ли?!» вдругъ вскрикнулъ Казимиръ,
И привсталъ, и, въ гнѣвѣ весь багровый,
Озираетъ онѣмѣвшій пиръ.

Поднялись, дрожатъ, блѣднѣютъ гости.
«Что же вы не славите пѣвца?!
Божья правда шла съ нимъ изъ народа
И дошла до нашего лица...

«Завтра же, въ подрывъ корысти вашей
Я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
Кланяюсь, за правду, гусляру...»

И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казимиръ,—и пиръ его притихъ...
«Хлопскій круль!» въ сѣняхъ бормочутъ паны...
«Хлопскій круль!» лепечутъ жены ихъ.

Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
Ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ —
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

Въ дурную погоду.

Пусть говорятъ, что наша молодежь
Поэзіи не знаетъ—знать не хочетъ,
И что ее когда-нибудь подточитъ
Подъ самый подъ-корень практическая ложь:
Пусть говорятъ, что это ей пророчитъ
Одинъ безплодный путь къ безславію, что ей
Безъ творчества, какъ ржи безъ теплыхъ, ясныхъ дней,
Не вызрѣть...
Выхожу одинъ я въ чисто поле,
И чувствую—тоска! и дрогну поневолѣ.
Такъ сыро,—сиверко!...
И что́ за рожь!
Мѣстами зелена, мѣстами низко клонитъ
Свои колосики къ разрыхленной землѣ,
И точно смята вся; а въ блѣдно-сѣрой мглѣ
Лохмотья тучъ надъ нею вѣтеръ гонитъ...
Когда же, наконецъ, дождусь я ясныхъ дней!
Поднимется ль опять дождемъ прибитый колосъ!
Иль никогда среди родимыхъ мнѣ полей
Не отзовется мнѣ ретивой жницы голосъ,
И не мелькнетъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ
Надъ пыльнымъ золотомъ увѣсистыхъ сноповъ?!

1874.

Ночная дума.

Я червь—я богъ.
Державинъ.

Ты не спишь, блестящая столица.
Какъ сквозь сонъ я слышу за стѣной
Звяканье подковъ и экипажей
Грохотъ по неровной мостовой...

Какъ больной, я раскрываю очи.
Ночь, какъ море темное, кругомъ.
И одинъ, на днѣ осенней ночи,
Я лежу какъ червь на днѣ морскомъ.

Гдѣ-нибудь, быть можетъ, въ эту полночь
Праздничные звуки льются съ хоръ,—
Слезы льются,—сладострастье стонетъ,—
Крадется съ ножемъ голодный воръ...

Но для тѣхъ, кто пляшетъ или плачетъ,
И для тѣхъ, кто крадется съ ножемъ,
Въ эту ночь неслышный и незримый
Развѣ я не червь на днѣ морскомъ?!

Если нѣтъ хоть злыхъ духовъ у ночи,
Кто свидѣтель тайныхъ думъ моихъ?
Эта ночь не прячетъ ли ихъ раньше,
Чѣмъ моя могила спрячетъ ихъ!

Съ этой жаждой, что́ воды не проситъ,
И которой не залить виномъ,
Для себя—я духъ, стремленій полный,
Для другихъ—я червь на днѣ морскомъ.

Духа титаническіе стоны
Слышитъ ли во мракѣ кто-нибудь?
Знаетъ ли хоть кто-нибудь на свѣтѣ,
Отчего такъ трудно дышитъ грудь!

Между мной и цѣлою вселенной
Ночь, какъ море темное кругомъ.
И ужь, если Богъ меня не слышитъ—
Въ эту ночь—я червь на днѣ морскомъ.

Помѣшанная.

Кто это спускается
Съ крутизны въ лѣсокъ?
Голова обвязана,—
На плечѣ мѣшокъ.

Что́ это за старица?
Черезъ лужи въ бродъ—
Палкой подпирается—
Головой трясетъ.

— Эй! куда ты, старая,
Поплелась? куда?
Вишь, тропинка скользкая—
Глина да вода.

Воротись, голубушка!
Говорятъ, съ весны
Тутъ въ лѣску пошаливать
Стали шатуны...

Дрогнулъ голосъ старческій,
И не тайный страхъ—
Промелькнулъ мистическій
Блескъ у ней въ глазахъ.

— Съ нами сила крестная!
Да воскреснетъ Богъ!
Что́ ты это шляешься
Промежъ двухъ дорогъ...

Не пужай, Богъ милостивъ!
Страшенъ только сонъ...
А иду я въ пустыню
На церковный звонъ...

Хоть и слышу благовѣстъ,
Да не близокъ путь...
— Чай, устала, старая;
Сѣла бъ отдохнуть...

— Тамъ, у Спаса батюшки,
Есть, на что присѣсть:
Много тамъ могилушекъ—
И не перечесть...

И твоя могилушка
Тамъ никакъ цѣла...
Ежевику-ягоду
Я на ней рвала.

Только крестъ потрескался—
Сталъ давно линять,
И давно ужь надписи
Некому читать...

Я одна за душеньку
Грѣшную твою
На свѣчу копѣечку
Богу подаю.

Всѣ тебя покинули—
Дворня разбрелась—
Замужъ вышла вдовушка
Да и прожилась...

Въ домѣ стекла выбиты—
Вырубили садъ,
Писарь ходитъ бариномъ—
Мужики галдятъ.

Моя Маша...—помнишь ли,—
Али позабылъ?!
Подманилъ смазливую...
Да и загубилъ.

Гдѣ она—не знаешь ли,
Батюшка ты мой?
Правда ли, что кинулась
Въ омутъ головой?...

— Что ты это, бабушка!
Я еще живу...
Али ты рехнулася—
Бредишь наяву!...

— А зачѣмъ ты шляешься,
Словно проклятóй!
Дай ты хоть въ сырой землѣ
Косточкамъ покой!...

Будутъ деньги, батюшка,
Стану ли жалѣть!
Попрошу игумена
Панихиду спѣть...

Только ты, на старости,
Не вводи въ испугъ —
Пожалѣй скиталицу—
Сгинь, проклятый духъ!!...

---

*
* *

Я не боюсь враговъ, пусть видятъ,
Что я ихъ трусить пересталъ,
Не презираютъ—ненавидятъ
Они души моей закалъ.

Пусть ихъ слѣпой вражды перуны
Впотьмахъ, какъ фейерверкъ, гремятъ,
Подъ этотъ громъ не замолчатъ
Моей души живыя струны.

Но, если зависть и вражда
Зашевелятся въ сердцѣ брата,
Кого люблю я паче злата
Во имя общаго труда,

Тогда я самый жалкій въ мірѣ,
Двоится мой туманный взглядъ,
Какъ будто я на братскомъ пирѣ
Въ заздравномъ кубкѣ выпилъ ядъ.

Изъ Бурдильона.

«The night has thousand eyes».

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ,
Но солнца нѣтъ—и по землѣ
Тьма стелется, какъ дымъ.

Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ.

---

* * *

Молчи, минутнаго покоя не тревожь!
Не говори, что—сплинъ!
Вѣдь безнаказанно и ты не доживешь
До роковыхъ сѣдинъ.
Все то, что́ радуетъ тебя своимъ расцвѣтомъ,
Въ туманѣ осени погибнетъ вмѣстѣ съ лѣтомъ.

Настанутъ дни, когда пріятелей своихъ
Знакомыя черты
Припоминая, ты сочтешь надъ прахомъ ихъ
Забытые кресты.
И будутъ ихъ сердца, ихъ суетныя силы
Не нужны для тебя, иль нѣмы какъ могилы!

Сойдешься ль ты опять случайно, гдѣ-нибудь,
Съ подругой свѣтлыхъ дней,
Чьи взгляды жгутъ тебя, чья молодая грудь
Блаженныхъ ждетъ ночей,—
Морщины встрѣтишь ты, да высохшія плечи,
Въ глазахъ—тупой вопросъ, въ устахъ—пустыя рѣчи.

Сойдешься ль съ юношей, который, въ цвѣтѣ силъ
Исполненный надеждъ,
Такъ благородно-смѣлъ, такъ счастливъ, что прослылъ
Бойцомъ среди невѣждъ—
И встрѣтишь, можетъ быть, ханжу иль бюрократа,
Которому одно начальство только свято.

Ребенка ль милаго захочешь встрѣтить ты,
Котораго ласкалъ,
Который матери прелестныя черты
Тебѣ напоминалъ—
И встрѣтишь взрослаго болвана, или злого
Льстеца-предателя, душѣ твоей чужого.

Надежда ль на успѣхъ волнуетъ грудь твою—
Или, стремясь впередъ,
Ты, какъ за кровную, всѣмъ общую семью,
Хлопочешь за народъ—
И вдругъ увидишь: все, что́ нынѣ къ свѣту рвется,
Попятится назадъ, простынетъ иль уймется.

А сколько злыхъ измѣнъ, вражды, насмѣшекъ, слезъ
Ты встрѣтишь? не сочтешь!
Нѣтъ, безнаказанно, братъ, до сѣдыхъ волосъ
И ты не доживешь!
Путь долгой жизни есть путь къ жизни безнадежной—
Таковъ законъ судьбы...
Ужели неизбѣжный!?...

Письма къ музѣ.

ПИСЬМО 1-е.

О бульдогѣ.

Я нарочно голенища
Заказалъ себѣ повыше,
И когда иду съ Парнаса,
То иду какъ можно тише,

Потому что подъ Парнасомъ
Завелась одна слободка,
Гдѣ всего славнѣе семга,
Сыръ, шампанское и водка,

Гдѣ собакъ такая пропасть,
Что уйти отъ нихъ не шутка,
И гдѣ есть такой мордастый,
Злой бульдогъ—что индо жутко...

Слушай, муза! ты поэтовъ
Современныхъ знаешь много;
Но въ слободкѣ нѣтъ поэта
Современнѣе бульдога.

И представь, о муза! случай!—
Я съ бульдогомъ свелъ знакомство,
Этотъ случай, à la Гейне,
Ты воспой мнѣ для потомства.

Какъ-то разъ я шелъ съ Парнаса
(Разумѣется, безъ палки),
Гдѣ-то квакали лягушки,
На ночлегъ слетались галки.

Капалъ дождь—твоя обитель
Въ сѣрой мглѣ, какъ призракъ, скрылась,
И слободка на болотѣ,
Въ собственномъ дыму коптилась.

Грязь была по всей дорогѣ,
Свиньи рыло задирали;
Но собаки, слава Богу,
На меня не нападали.

Вдругъ, представь себѣ мой ужасъ!—
Слышу я, сквозь дождикъ дробный,
Кто-то: шлепъ, шлепъ, шлепъ! и—вижу
Самъ бульдогъ! О! Я подобной

Морды чванной, неподвижной,
Тусклой, гемороидальной
Не видалъ еще ни разу,
Даже въ области журнальной.

— «Развѣ нѣтъ у васъ кареты!?
Началъ онъ со мной калякать,—
Какъ же вамъ не грѣхъ, почтенный,
Выходить въ такую слякоть!

Какъ здоровье?.. Вамъ, конечно,
Покровительствуютъ боги.
Я же... Вашъ слуга усердный—
Все еще не свелъ итоги».

Слушаю, ушамъ не вѣрю!
Что за чушь! подобной чуши
Не городятъ даже Юмомъ
Вызываемыя души.

Будь я мистикъ—этотъ случай
Расписалъ бы я какъ чудо,—
Оказалось, что бульдога
Въ этотъ день кормили худо.

У меня жь была въ карманѣ
Колбаса—и запахъ вкусный
Обманулъ чутье бульдога
(Это фактъ довольно грустный).

Онъ повѣрилъ обонянью,
И вообразилъ сначала,
Что я пахну, какъ редакторъ
Либеральнаго журнала.

Онъ не могъ себѣ представить,
Чтобъ поэты также пахли,
Потому что ихъ карманы
На Руси давно зачахли.

И пока меня онъ нюхалъ,
Я тихонько за ушами
Щекоталъ его и кротко
Ублажалъ его словами.

— Милый песъ! твердилъ я,—право,
Ты хорошій песъ! За что́ же
Ты порой рычишь такъ дико,
Что морозъ деретъ по кожѣ?

Чѣмъ тебѣ я досаждаю!
Чѣмъ тебя я безпокою!?
— «Ты! ничѣмъ, сказалъ онъ,—только
Если ты поёшь—я вою.

Выть, когда я слышу пѣнье,
У меня вошло въ обычай;
Но—мнѣ чудится, съ Парнаса
Ты... домой... бредешь съ добычей...

Будемъ завтракать».—Охотно
Я готовъ съ тобой дѣлиться;
Лишь повѣдай, песъ, за что́ ты
На меня изволишь злиться?

—«Все за то же, отвѣчалъ онъ,—
Все за то, что ты не складенъ;
Говорятъ: прогресса хочешь—
И—ничуть не кровожаденъ.

Говорятъ, что ты безъ цѣли
Съ музами брянчишь на лирѣ;
Чѣмъ же музы лучше дѣвокъ,
Что́ поютъ у насъ въ трактирѣ?

Аполлонъ твой, старый грѣшникъ,
Ни единаго бульдога
Онъ еще въ свой хоръ не принялъ—
А его ты чтишь за бога!»

— О, бульдогъ, бульдогъ! сказалъ я,—
Чѣмъ тебѣ Парнасъ мѣшаетъ?
Мой Парнасъ есть просто уголъ,
Гдѣ свобода обитаетъ,

Гдѣ свободенъ я отъ всякихъ
Ретроградовъ, нигилистовъ,
Отъ властей литературныхъ
И завистливыхъ артистовъ.

Аполлонъ мой просто старый
Мой настройщикъ,—не перуны
Въ міръ онъ мечетъ и не стрѣлы—
А натягиваетъ струны.

У меня, вѣдь, ихъ не мало
Въ сердцѣ звучно обрывалось,
И отъ этихъ звуковъ—сердце
Трепетало и сжималось.

Внемля имъ, не разъ, бывало,
Муза пѣсню запѣвала;
Но ты вылъ на всю слободку
И—та пѣсня замолкала.

Перевыть тебя—я могъ бы—
Силъ хватило бы на это;
Но, скажи, кому охота
Пѣть съ тобой дуэтъ все лѣто!

— «Ба! прервалъ онъ,—ты, любезный,
Начинаешь похваляться,
Э, ге, ге! Я этой прыти
Отъ тебя не ждалъ, признаться.

Ну, такъ я же всенародно
Буду лаять, что ты прѣсенъ—
Что для критики не ясенъ
Смыслъ твоихъ туманныхъ пѣсенъ».

— О, бульдогъ! чужія рѣчи
Ты по-дѣтски повторяешь
И ошейника на шеѣ
У себя не замѣчаешь.

Если пѣснь моя туманна,—
Значитъ, жизнь еще туманнѣй;
Значитъ, тамъ и зги не видно,
Гдѣ былъ виденъ парусъ ранній.

Если пѣсня, какъ барометръ
Вамъ не лжетъ насчетъ погоды,
Злитесь вы, зачѣмъ такъ вѣренъ
Этотъ градусникъ свободы.

Ваши пѣсни слободскія
Вы не разъ подогрѣвали
На огнѣ заемной мысли,
И онѣ—признайся—лгали.

Эти градусники лгали
До того, что мы въ морозы
Нараспашку выбѣгали
Поглядѣть—растутъ ли розы?..

Ты не слушаешь?—Дай ухо—
Я тебѣ покаюсь—это
Мой большой секретъ—надѣюсь,
Что не выдашь ты поэта.

Вы меня до умиленья,
До восторга—вдохновите,
Если только вамъ удастся
Вызвать бурю—хоть въ корытѣ...

— «Это буки!» доѣдая
Колбасу, бульдогъ сердито
Прорычалъ,—(ему хотѣлось
Пить—и не было корыта).

— «Это буки, братецъ, буки!
Ты теперь намъ въ новомъ родѣ
Что-нибудь скорѣй состряпай
Да и спой при всемъ народѣ;—

Но куда тебѣ въ герои!
Ты не нашъ—ты теоретикъ,
Лирикъ; но второстепенный,
Классикъ, либералъ, эстетикъ!

Съ дѣтства совѣстью страдаешь,
Избалованъ воспитаньемъ,
И готовъ къ собакѣ каждой
Относиться съ состраданьемъ.

— О, бульдогъ, бульдогъ! сказалъ я,—
Ты, какъ вижу я, затѣйникъ!
(И при этомъ я рукою
Захватилъ его ошейникъ).

. . . . . .

Я пустилъ его на волю!
И пугливыми скачками,
Жалобно визжа, онъ скрылся
За чужими воротами.

Уходя, я думалъ: нынче
Сей бульдогъ немножко труситъ,
Завтра будетъ такъ же лаять
И когда-нибудь укуситъ!

Вотъ зачѣмъ я голенища
Заказалъ себѣ повыше,
И когда иду съ Парнаса,
То иду какъ можно тише.

ПИСЬМО 2-Е.

Ты какъ будто знала, муза,
Что влекомы и тѣснимы
Жизнью, временемъ,—съ латынью
Далеко бы не ушли мы...

Вѣчный твой Парнасъ, о муза,
Далеко не тотъ, гдѣ боги
Наслаждались и ревниво
Къ бѣднымъ смертнымъ были строги...

И возставъ отъ сна, ни разу
Ты на дѣвственныя плечи
Не набрасывала тоги,
Не слыхала римской рѣчи,

И про римскій Капитолій
Отъ меня жь ты услыхала,
Въ день, когда я за урокъ свой
Получилъ четыре балла...

Вмѣстѣ мы росли, о муза,
И когда я былъ лѣнивый
Школьникъ, ты была малюткой
Шаловливо-прихотливой.

И, ужь я не знаю, право,
(Хоть догадываюсь нынѣ)
Что́ ты думала, когда я
Упражнялъ себя въ латыни?

Я мечталъ ужь о Пегасѣ,
Ты же, рѣзвая, впрягалась
Иногда въ мои салазки,
И везла меня, и мчалась—

Мчалась по сугробамъ снѣжнымъ,
Мимо бани, мимо сонныхъ
Яблонь, липъ и низкихъ ветелъ,
Инеемъ посеребренныхъ,

Мимо стараго колодца,
Мимо стараго сарая...
И пугливо сердце билось,
Отъ восторга замирая.

Иногда меня звала ты
Слушать сказки бѣдной няни,
На скамьѣ, съ своею прялкой,
Пріютившейся въ чуланѣ.

Но я росъ, и выростала
Ты, волшебная малютка;
Дерзко я глядѣлъ на старшихъ,
Но съ тобой мнѣ стало жутко.

Въ дни экзаменовъ, бывало,
Не щадя меня нимало,
Ты меня терзала, муза,—
Ты мнѣ вирши диктовала.

Въ дни, когда, кой-какъ осиливъ
Энеиду, я несмѣло
За горацiевы оды
Принимался,—ты мнѣ пѣла

Про широку степь,—манила
Въ лѣсъ, гдѣ зорю ты встрѣчала,
Иль поникшей скорбной тѣнью
Межъ могильныхъ плитъ блуждала.

Тамъ, гдѣ надъ обрывомъ бѣлый
Монастырь, и гдѣ безъ оконъ
Теремъ Олега,*), мелькалъ мнѣ
На вѣтру твой русый локонъ.

И нигдѣ кругомъ, на камняхъ
Римскихъ буквъ не находилъ я
Тамъ, гдѣ мнѣ мелькалъ твой локонъ,
Тамъ, гдѣ плакалъ и любилъ я.

Въ дни, когда надъ Цицерономъ
Сталъ мечтать я, что въ Россіи
Самъ я буду славенъ въ роли
Неподкупнаго витіи,

Помнишь, ты меня изъ классной
Увела и указала
На разливъ Оки съ вершины
Историческаго вала.

Этотъ валъ, кой-гдѣ разрытый,
Былъ твердыней земляною,
Въ оны дни, когда рязанцы
Бились съ дикою ордою;—

Подо мной таились клады,
Надо мной стрижи звенѣли,
Выше—въ небѣ,—надъ Рязанью,
Къ югу лебеди летѣли,

*) Олеговъ монастырь надъ Окой, въ 12 верстахъ отъ Рязани.

А внизу виднѣлась будка
Съ алебардой, мостъ, да пара
Фонарей, да бабы въ кичкахъ
Шли ко всенощной съ базара,

Имъ навстрѣчу, съ колокольни
Несся гулкій звонъ вечерній;
Тѣни шире разростались,—
Я крестился суевѣрнѣй...

Поблѣднѣлъ твой ликъ, и, помню,
Ты мнѣ на ухо пропѣла:
— Милый мой! скажи, какая
Рѣчь въ умѣ твоемъ созрѣла?!

— О, витія! Здѣсь не форумъ,—
Здѣсь еще сердцамъ народа
Говоритъ вотъ этотъ гулкій
Звонъ церковный, да природа...

Здѣсь твое: «quousque tandem!..»
Будетъ рѣчью неумѣстной,
И едва ль понятенъ будетъ
Стихъ твой, даже благовѣстный!—

Время шло—и вотъ, изъ школы
Въ жизнь ушелъ я,—и объяла
Тьма меня; но ты, о муза,
Другъ мой, свѣтъ мой, не отстала.

Помнишь,—молодо-безпечны
И отверженно-убоги,
За возами шли мы, полемъ,
Вдоль проселочной дороги;—

Насъ охватывали волны
Простывающаго жара,
Ликъ твой рдѣлъ въ румяномъ блескѣ
Вечерѣющаго пара,

И не юною подругой,
И не дѣвушкой любимой,
Божествомъ ты мнѣ казалась,—
Красотой невыразимой.

Я молчалъ,—ты говорила:
«Нашу бѣдную Россію
Не стихи спасутъ, а вѣра
Въ Божій судъ или въ Мессію...

И не наши Цицероны,
Не Горація, иная
Вдохновляющая сила—
Сила правды трудовая,

Обновитъ тотъ міръ, въ которомъ
Славу добываютъ кровью,—
Міръ съ могущественной ложью
И съ безсильною любовью»...

Съ той поры, мужая сердцемъ,
Постигать я сталъ, о муза,
Что съ тобой, безъ этой вѣры
Нѣтъ законнаго союза...

Старые и новые духи.

Нѣтъ, эти духи, что́ стучатъ
Или ворочаютъ столами,
Не тѣ, которые грозятъ
Разстаться съ нашими мечтами,
И безъ которыхъ будетъ міръ,
Быть можетъ, холоденъ и сиръ...

Они не тѣ, что́ изъ преданья
Перенесли свой ранній слѣдъ
На вдохновенныя созданья
И давнихъ и недавнихъ лѣтъ.

Не тѣ, что́ въ глубинѣ паденья,
Съ клеймомъ проклятья и сомнѣнья
На гордо-царственномъ челѣ,
Не ждали отъ небесъ прощенья
И—небу мстили на землѣ...

Не тѣ, что́ нѣкогда въ титановъ
Преобразясь, изъ-подъ тумановъ
И тучъ, неслись въ открытый бой
Съ Олимпомъ,—съ тою высотой,
Что́ не прощала Прометею.

Не тѣ, что́ древле Моисею,
Рабу Египетской земли,
Оковы сбросить помогли,

Когда Еврейскому народу
Онъ сквозь мистическій туманъ
Казалъ далекую свободу
Среди обѣтованныхъ странъ...

Не тѣ, что́ на хребтѣ Синая,
Какъ бы въ одеждахъ изъ огня,
Стояли, солнцами сіяя
И тѣнью Бога заслоня...
Чьи трубны гласы заглушали
Громъ, отъ котораго дрожали —
Дымились щели сѣрыхъ скалъ,
Когда перстъ огненный писалъ:
«Азъ есмь» на каменной скрижали.

Не тѣ, которыхъ голоса
Съ небесъ слетали, какъ роса
Ночная, чье ночное пѣнье,
Чей свѣтозарный, стройный клиръ
Провозвѣстилъ, что ветхій міръ
Палъ, наканунѣ обновленья.
Чьи благодатныя слова,
Когда-то спѣтыя въ пустынѣ,
Мы, равнодушные, понынѣ
Поемъ во славу Рождества—

Не тѣ, что́, въ образѣ бѣсовъ,
На склонѣ варварскихъ вѣковъ,
Сердца людей сжимая страхомъ,
Внушали папѣ и монахамъ,
Что даже дряхлый Галилей
Достоинъ пытки и цѣпей.
Міръ снова жаждетъ обновленья,
Въ наукѣ ищетъ откровенья...

Найдетъ ли онъ его иль нѣтъ,
Еще загадоченъ отвѣтъ,—

Но никакихъ задачъ науки
Всѣхъ этихъ душъ безличный рой,
Ни ихъ сомнительные стуки,
Ни ихъ мелькающія руки,
Своей таинственной игрой
Не разрѣшатъ...
Пѣвецъ Манфреда
Такими ли воображалъ
Духовъ, когда ихъ вопрошалъ
Въ часы осмысленнаго бреда
О тайнахъ міра и всего—
Всего, что́ мучило его...

Какъ былъ остеръ неугомонно,
Какъ былъ язвительно уменъ
Тотъ духъ, что́ такъ нецеремонно
Вторгался въ нравственный законъ
И колебалъ его основы!
Какъ для рутины были новы
Его слова!.. Недаромъ онъ
Слылъ Мефистофелемъ на свѣтѣ,
Недаромъ Фаусту служилъ—
Печать онъ времени носилъ
И обезсмертилъ имя Гёте.

Нѣтъ, эти духи, что́ стучатъ
Или ворочаютъ столами,
Не тѣ, которые грозятъ
Разстаться съ нашими мечтами!
Они—невѣжды, иль шуты,
Родныя дѣти пустоты,

Тоски, невѣрья, увяданья,
Они—фантазія безъ крылъ.
Они—не въ силахъ дать намъ знанье,
И дать намъ вѣру нѣтъ въ нихъ силъ....

1875.

---

*
* *

Съ Богомъ боролся во снѣ
Сынъ Ісаака Іаковъ и—Бога не могъ
Даже во снѣ побороть онъ и сталъ отъ того хромоногъ.

Я же борюсь наяву,
Только не съ Богомъ, съ земною природой его.
Съ ней неустанно борюсь я и сталъ хромоногъ отъ того.

Не на однихъ помочахъ
Съ дѣтства водила меня эта грубая мать,—
Нѣтъ, она била, знобила, язвила—учила страдать.

И отравляла она
Кровь мою, прежде чѣмъ душу мою отравить,
И распаляла мечты мои, прежде чѣмъ могъ я любить.

Съ юности жизнь облача
Въ ярко-обманчивый, въ радужно-свѣтлый покровъ,
Прячетъ она подъ душистыми розами иглы шиповъ.

Въ даль увлекаетъ меня;
Но на пути къ идеаламъ прекраснымъ моимъ
Чучелъ какихъ-то все ставитъ, противныхъ бездушьемъ своимъ.

Чтобъ изнемогъ я и палъ,
Или чтобъ жизнь миновалъ я безслѣдно какъ тѣнь,
Ниспосылаетъ болѣзни и тяжкую, сонную лѣнь.

Только въ минуты, когда
Духъ мой ликуетъ, вкушая побѣдный покой,
Я умиляюсь божественно-вѣчной ея красотой,

И вижу Бога ея
Въ свѣжемъ дыханьѣ румянаго утра, въ тѣняхъ
Трепетной зелени, въ лунномъ мерцаньѣ, въ звѣздахъ...

И, предаваясь мечтамъ
Всепримиряющимъ, вижу въ ней кроткую мать,
Ту, что́ хромого Іакова въ домъ свой зоветъ отдыхать.

Колыбель въ горахъ.

Съ чешскаго.
(Вольный переводъ).

На бѣгу, по дорогѣ задержанный,
Тѣсно сжатый крутыми оградами,
Горный ключъ сталъ рѣкой, и—низверженный
На колеса несется каскадами,
Трупъ лѣнивыхъ машинъ оживляючи,
Молодыя въ нихъ силы вливаючи.
Лишь порой, въ часъ борьбы—въ часъ сомнительный
Ждетъ грозы иль хоть тучи спасительной,
И когда та идетъ—погромыхиваетъ,
Подъ грозой вся рѣка словно вспыхиваетъ,
Подъ наплывомъ дождей вся вздымается,

Вся на вольный просторъ порывается—
Но—напрасны порывы, напрасенъ отпоръ!
Ужь она не жилица свободная горъ.

* * *

Легче ладить въ горахъ съ лиходѣями,
Чѣмъ бороться съ людскими затѣями.
Но она не одна—разоренные
Земляки, и мужчины и женщины
Вмѣстѣ съ ней тянутъ лямку, впряженные
Въ то жь ярмо, ради скудной поденщины,
Пóтомъ лица свои обливаючи,
На чужихъ свои силы теряючи.
Только врядъ ли они, зломъ повитые,
Удрученные, свѣтомъ забытые,
Погрузясь въ вѣчный гулъ, въ грохотаніе
Ста машинъ, обратятъ и вниманіе
На грозу, что́ вблизи собирается.
Лишь изъ женщинъ одна озирается—
Все поглядываетъ, какъ скопляются
Въ высотахъ, надъ ущельемъ, несмѣтныя
Массы тучъ, какъ ползутъ—надвигаются,—
Но—напрасно она въ безотвѣтныя
Небеса возвела умоляющій взоръ,—
Нахлобучась, гроза уже валится съ горъ.

* * *

Треснулъ первый ударъ—мгла сгустилася,
И дождемъ полилась буря шумная,
Поблѣднѣла она—спохватилася,
Побѣжала, кричитъ, какъ безумная:
«Ай! дитя мое, ай!»—и—сердечная,
Изъ воротъ вдаль бѣжитъ—спотыкается,
Ливнемъ бьетъ ей въ лицо буря встрѣчная,
Молній блескъ по пути разливается.

Не легка, знать, дорога далекая!
Запыхалась ея грудь высокая,
Нѣтъ ужь силъ... вотъ стоитъ—покачнулася...
— Проклинать ей судьбу иль оплакивать?—
Но иная гроза въ ней проснулася,
И всѣмъ тѣломъ она встрепенулася
И пошла кое-какъ доволакивать
Свои ноги туда, гдѣ колышется боръ,
Гдѣ мелькаетъ жилье межъ утесистыхъ горъ.

* *
*

Межъ утесистыхъ горъ ея хижина
Какъ гнѣздо, что́ орлами насижено.
Тише вѣтеръ тамъ воетъ порывистый,
Только ключъ, что́ въ ложбинѣ извилистой
Чуть журчалъ, какъ рѣка наводненная
Внизъ по скатамъ бѣжитъ и—не чудо ли!
Гдѣ она набралась этой удали?
Въ бродъ, за сучья держась, истомленная
На порогъ свой она пробирается—
Входитъ—смотритъ—съ утра одинехонекъ
Тамъ ея мальчуганъ, и—живехонекъ!
И лежитъ, какъ лежалъ,—но качается,
Словно по морю плыть собирается
Его люлька, а *онъ* улыбается
Словно бодрый пловецъ...
Иль нежданная
Эта буря къ ребенку ласкается,
Его тѣшитъ, какъ мать Богомъ данная,
И сквозь грохотъ поетъ—заливается,
Колыбельную пѣсню затягиваетъ,
Его грубую люльку покачиваетъ.
Или бурный разливъ этотъ няньчится съ нимъ,
Убаюкивая колыханьемъ своимъ!

Не сбылося предчувствіе матери,
Что грозило утратою.—Кстати ли
Ей рыдать или сѣтовать! Новыя
Стрѣлы молній, что́ блещутъ и падаютъ
Мальчугана ея только радуютъ,
И онъ слышитъ раскаты громовые,
Словно музыку слышитъ—рученками
Бьетъ, смѣется, болтаетъ ноженками.
Наводненья потоки суровые
Не умчали его, и не кинули
На каменья, и не опрокинули
Колыбели, подмытой теченіемъ;
Онъ качается въ ней съ наслажденіемъ,
Словно рѣчка и онъ породнилися,
Земляками недаромъ родилися,
А какъ выростетъ, развѣ не съ этою
Горной рѣчкой, въ неволю отпѣтую
Онъ пойдетъ—ихъ обоихъ обвѣяла
Та жь гроза—та же мать ихъ взлелѣяла,
Не слезами—дождемъ поливаючи,
Голосами вѣтровъ напѣваючи:
«Запасайтеся силами рабству въ отпоръ—
Вы—пока еще дѣти свободныя горъ!»

Диссонансъ.

(Мотивъ изъ признаній Адды Кристенъ).

Пусть по волѣ судебъ я разсталась съ тобой,—
Пусть другой обладаетъ моей красотой!

Изъ объятій его, изъ ночной духоты
Уношусь я далеко на крыльяхъ мечты.

Вижу снова нашъ старый, запущенный садъ:
Отраженный въ прудѣ потухаетъ закатъ,

Пахнетъ липовымъ цвѣтомъ въ прохладѣ аллей;
За прудомъ, гдѣ-то въ рощѣ, урчитъ соловей...

Я стеклянную дверь отворила—дрожу—
Я изъ мрака въ таинственный сумракъ гляжу—

Чу! тамъ хрустнула вѣтка—не ты ли шагнулъ?!
Встрепенулася птичка—не ты ли спугнулъ?!

Я прислушиваюсь, я мучительно жду,
Я на шелестъ шаговъ твоихъ тихо иду—

Холодитъ мои члены то страсть, то испугъ—
Это ты меня за руку взялъ, милый другъ?

Это ты осторожно такъ обнялъ меня,
Это твой поцѣлуй—поцѣлуй безъ огня!

Съ болью въ трепетномъ сердцѣ, съ волненьемъ въ крови,
Ты не смѣешь отдаться безумствамъ любви,—

И, внимая рѣчамъ благороднымъ твоимъ,
Я не смѣю дать волю влеченьямъ своимъ.

И дрожу, и шепчу тебѣ: милый ты мой!
Пусть владѣетъ онъ жалкой моей красотой!

Изъ объятій его, изъ ночной духоты
Я опять улетаю на крыльяхъ мечты

Въ этотъ садъ, въ эту темь, вотъ на эту скамью,
Гдѣ впервые подслушалъ ты душу мою...

Я душою сливаюсь съ твоею душой—
Пусть владѣетъ онъ жалкой моей красотой!

*
* *

Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ
Духота и тишина,
Въ отуманенномъ просторѣ
Еле движется волна.

Если жь вдругъ дохнетъ надъ бездной
Вѣтеръ, грозенъ и могучъ,
Закипитъ волна грознѣе
Надвигающихся тучъ...

И помчится, точно въ битву
Разъяренный шпорой конь,
Отражая въ брызгахъ пѣны
Молній солнечный огонь...

И, разсыпавшись о скалы,
Изомнетъ у береговъ
Раскачавшіяся перья
Прошумѣвшихъ тростниковъ...

Слѣпой таперъ.

Хозяйка руки жметъ богатымъ игрокамъ,
При свѣтѣ лампъ на ней сверкаютъ брилліанты,
Въ урочный часъ, на балъ, спѣшатъ къ ея сѣнямъ
Франтихи-барыни и франты.

Улыбкамъ счету нѣтъ. Одинъ таперъ слѣпой,
Рекомендованный женой официанта,
Въ парадномъ галстукѣ, съ понурой головой
Угрюмъ и не похожъ на франта.

И подъ-локоть слѣпца сажаютъ за рояль ..
Онъ поднялъ голову—и вотъ, едва коснулся
Упругихъ клавишей, едва нажалъ педаль—
Гремя, богъ музыки проснулся.

Струнъ металлическихъ звучитъ высокій строй,
Какъ вихрь несется вальсъ—побрякиваютъ шпоры,
Шуршатъ подолы дамъ, мелькаютъ ихъ узоры
И ароматный вѣетъ зной...

А онъ—потухшими глазами смотритъ въ стѣну,
Не слышитъ говора, не видитъ голыхъ плечъ—
Лишь звуки, что бѣгутъ одни другимъ на смѣну,
Сердечную ведутъ съ нимъ рѣчь.

На бѣднаго слѣпца слетаетъ вдохновенье;
И грезитъ скорбная душа его—къ нему
Изъ вѣчной тьмы плыветъ и свѣтится сквозь тьму
Одно любимое видѣнье.

Восторгъ томитъ его—мечта волнуетъ кровь:—
Вотъ, жаркій лѣтній день—вотъ кудри золотыя—
И полудѣтскія уста, еще нѣмыя,
Съ однимъ намекомъ на любовь...

Вотъ, ночь волшебная.—шушукаютъ березы—
Прошла по саду тѣнь—и къ милому лицу
Прильнулъ свѣтъ мѣсяца—горятъ глаза и слезы...
И вотъ ужь кажется слѣпцу:

Похолодѣвшія, трепещущія руки,
Бѣлѣясь, тянутся къ нему изъ темноты—
И соловьи поютъ, и сладостные звуки
Благоухаютъ какъ цвѣты...

Такъ, образъ дѣвушки когда-то имъ любимой,
Ослѣпнувъ, въ памяти свѣжо сберечь онъ могъ;
Тотъ образъ для него расцвѣлъ и—не поблекъ,
Уже ничѣмъ не замѣнимый.

Еще не знаетъ онъ, не чуетъ онъ, что та
Подруга юности—давно хозяйка дома
Великосвѣтская—изнѣжена, пуста
И съ аферистами знакома!

Что отъ него она въ пяти шагахъ стоитъ,
И никогда въ слѣпомъ таперѣ не узнаетъ
Того, кто вѣчною любовью къ ней пылаетъ,
Съ ея прошедшимъ говоритъ.

Что́ если бъ онъ прозрѣлъ—что́ если бы, другъ въ друга
Вглядясь, они могли съ усиліемъ узнать—
Онъ поблѣднѣлъ бы отъ смертельнаго испуга,
Она бы—стала хохотать!

Очеркъ.

Нынче сердце ея страсти проситъ,
Завтра съ ужасомъ скажетъ: не надо!
То неправды она не выноситъ,
То довѣрчивой правдѣ не рада.

То клянется, что свѣтъ ненавидитъ,
То, какъ бабочка, въ свѣтѣ порхаетъ...
Кто ея не любилъ,—тотъ не знаетъ...
Кто полюбитъ ее,—тотъ увидитъ...

Могила въ лѣсу.

Тамъ, у просѣки лѣсной,
Вѣетъ новою весной;
Только жутко подъ ракитой
Близъ могилы позабытой.

Тамъ, тревожа листьевъ тѣнь,
Бродитъ тѣнь самоубійцы,
И порхающія птицы,
Щебетаньемъ встрѣтивъ день,
Не боятся тѣни этой,
Вешнимъ солнцемъ не пригрѣтой.

Но—боюсь я—мой недугъ,
Рану сердца, разбередитъ
Духъ, который смертью бредитъ,—
Жаждущій покоя духъ.

Говорятъ, что жаждой этой
Онъ, когда-то неотпѣтый
И зарытый безъ креста,
Заражаетъ тѣхъ, кто бродитъ,
Одинокимъ, и заходитъ
Въ эти дикія мѣста.

Или сердце, что устало
Ненавидѣть и страдать,
Переставши трепетать,
Все еще не отстрадало?!..

Или духъ, землѣ чужой
И чужой для безтѣлесныхъ,
Замкнутый въ предѣлахъ тѣсныхъ
Безнадежности глухой,
Жаждетъ, мучимый тоскою,
Нашей казни надъ собою...

Чу! Повѣдай чуткій слухъ—
Вѣтеръ это или духъ?..
Это вѣтра шумъ—для слуха...
Это скорбный духъ—для духа...

* * *

(Гипотеза).

Изъ вѣчности музыка вдругъ раздалась
И въ безконечность она полилась,
И хаосъ она на пути захватила,
И въ безднѣ, какъ вихрь, закружились свѣтила:
Пѣвучей струной каждый лучъ ихъ дрожитъ,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышитъ порой эту музыку Божью,
Кто разумомъ свѣтелъ,—въ комъ сердце горитъ.

Царь-дѣвица

Въ дни ребячества я помню
Чудный отроческій бредъ:
Полюбилъ я царь-дѣвицу,
Что на свѣтѣ краше нѣтъ.

На челѣ сіяло солнце,
Мѣсяцъ прятался въ косѣ,
По косицамъ рдѣли звѣзды,—
Богъ сіялъ въ ея красѣ...

И жила та царь-дѣвица
Недоступна никому,
И ключами золотыми
Замыкалась въ терему.

Только ночью выходила
Шелестить въ тѣни березъ;
То ключи свои роняла,
То роняла капли слезъ...

Только въ праздники, когда я
Полусонный брелъ домой,
Изъ-за рощи, яркій, влажный
Глазъ ея слѣдилъ за мной...

И ужь какъ случилось это—
Наяву или во снѣ?!
Разъ, она весной, въ часъ утра,
Зарумянилась въ окнѣ:—

Всколыхнулась занавѣска,
Вспыхнулъ розъ махровыхъ кустъ,
И, закрывъ глаза, я встрѣтилъ
Поцѣлуй душистыхъ устъ.

Но едва-едва успѣлъ я
Блескъ лица ея поймать,
Ускользая, гостья ко лбу
Мнѣ прижгла свою печать.

Съ той поры ея печати
Мнѣ ничѣмъ уже не смыть,
Вѣчно-юной царь-дѣвицѣ
Я не въ силахъ измѣнить...

Жду—вторичнымъ поцѣлуемъ
Заградивъ мои уста—
Красота въ свой тайный теремъ
Мнѣ отворитъ ворота...

1876.

ГРЕЗЫ.

Мнѣ грезилось, что я за нихъ,—
За нищихъ братіевъ моихъ,
Иду сражаться съ ихъ врагами...
Чу!.. выстрѣлы въ горахъ гремятъ;
Треща, пылаютъ кровли хатъ;
Прижавшись къ каменнымъ уступамъ,
Османы ждутъ насъ: ихъ штыки
Сверкаютъ, взведены курки;

А мы по угольямъ и трупамъ
Сквозь клубы дыма, на проломъ,
Подъ градомъ пуль, на нихъ идемъ.
И страшенъ бой ожесточенныхъ—
Бой за поруганный законъ,
Бой за младенцевъ размозженныхъ,
За матерей непощаженныхъ,
За изнасилованныхъ женъ,
За ихъ тѣла, которыхъ мясомъ
Свиней кормили, (раньше часомъ,
Чѣмъ наша сила подошла!)
И кровь турецкая текла
Уже за будущность славянства.
Да расточатся духи зла
И да воскреснетъ христіанство!

. . . . . .

Мнѣ грезилось: меня ведутъ,
Мнѣ лицемѣрно руки жмутъ,
И руки вяжутъ... Какъ въ туманѣ,
Я повинуюсь, я молчу,
Я даже вѣрить не хочу,
Что эта рать—не мусульмане,
Что я, какъ звѣрь, попалъ въ капканъ,
Что я въ плѣну у христіанъ!
Хочу спросить—боюсь отвѣта...
Ужель во славу Магомета
Крещенныхъ выслали солдатъ?
Ужель Европа, какъ Пилатъ
Понтійскій, умываетъ руки,
Велитъ Варавву отпустить
И выдаетъ Христа на муки,
Чтобъ фарисеямъ угодить?!

. . . . . .

И грезилъ я:—въ тюрьму иду я
И говорю имъ, негодуя,
За просвѣщенье ихъ стыдясь:
«Коли политика у васъ
Безчеловѣчна и безбожна,
Богатство, слава, все—ничтожно—
И вамъ измѣнитъ вашъ расчетъ;
И не пойдете вы впередъ...
Въ дѣлахъ, въ которыхъ невозможно,
Чтобъ человѣкъ и Богъ сошлись,
Нѣтъ духа истины...
Спастись
Нельзя блестящимъ лицемѣрьемъ;
Не всѣ наивнымъ легковѣрьемъ
Въ нашъ смутный вѣкъ заражены:—
Дни вашей славы сочтены...
Воскресъ нашъ духъ, и мы возстали,
У сильныхъ міра не спросясь,
Мы помощи отъ братьевъ ждали,
Мы—не надѣялись на васъ»...
. . . . . .
Такъ говорилъ я, горячась,—
И вдругъ,—очнулся пристыженный...
Я—дома!.. Той же ночи сонной
Холодный мракъ прильнулъ къ окну;
Свѣча горитъ... Покой ко сну
Героя клонитъ... Гдѣ жь отвага!
Гдѣ мечъ побѣдный! гдѣ мой плѣнъ!?..
Я посреди бездушныхъ стѣнъ
Сижу и никну... Вотъ—бумага,
Журналы, книги на столѣ,
Перо въ граненомъ хрусталѣ,
Табакъ турецкій и гаванскій,

И съ фитилькомъ изъ бронзы чортъ—
Затѣи роскоши мѣщанской,
Давно противный мнѣ конфортъ
Хочу писать,—мечты безкрылы:
Зачѣмъ и для кого писать?
Къ чему будить живыя силы,
Больное сердце надрывать!
О, духъ мой, жалкій плѣнникъ тѣла,
Какъ далеко ты залеталъ!..
Какъ жилъ, какъ вѣрилъ, какъ страдалъ,
Какъ говорилъ открыто, смѣло!..
И для чего!?.. Какое дѣло
Возставшимъ братіямъ моимъ
До тѣхъ, кто въ мірѣ одержимъ
Однѣми грезами!..

16 марта
1876.

Вѣчный жидъ.

Слышны крики муэзина,
Ненавистника Христа;
Слышны вопли славянина...
Поднялась Герцеговина
Изъ-подъ тяжести креста...

* *
*

По ущеліямъ Балкана
Дымъ стоитъ пороховой...
Край Болгаріи родной,
Какъ зіяющая рана,
Точитъ кровь и точитъ гной.

По оврагамъ, по уступамъ,
По долинамъ и лѣсамъ,
Счету нѣтъ кровавымъ трупамъ —
Обезглавленнымъ тѣламъ

* *
*

По дорогамъ изъ Царьграда
Зеленѣютъ бунчуки;
Имъ навстрѣчу изъ Бѣлграда
Засвѣтилися штыки...

* *
*

На скалѣ у перекрестка,
Возлѣ треснувшихъ столбовъ
Опустѣлаго кіоска,
Тамъ, гдѣ мраморы безъ лоска,
Безъ фонтановъ и ковровъ,

* *
*

Тамъ, гдѣ кейфъ рѣзней нарушенъ,
Потолокъ ядромъ обрушенъ,
И подъ солнцемъ пыль клубитъ
Вѣтеръ, дышащій отравой,
Тамъ, гдѣ все, кровавой славой
Вѣя, смертію грозитъ,

* *
*

Всталъ, какъ призракъ величавый,
Въ ветхомъ рубищѣ, костлявый,
Страшно тощій, вѣчный жидъ:
Темный, пасмурный, какъ буря,
Вдаль глядитъ онъ, брови хмуря,—
Самъ съ собою говоритъ:

* *
*

— Изъ гордыни, изъ боязни,
Я Христу не могъ помочь,
Въ страшный день, на мѣсто казни
Крестъ тяжелый доволочь.

* * *

Я, какъ бы въ угоду вѣка,
Сострадать ему не смѣлъ,
Образъ Богочеловѣка
Я въ Страдальцѣ проглядѣлъ.

* * *

Мнѣ ль забыть лицо Христово,
Кроткій взоръ, чело въ крови—
Мнѣ ль забыть Христово слово:
«Жди меня! Покуда снова
Не прійду я въ міръ,—живи»...

* * *

И съ тѣхъ поръ живу я, стражду,
Зябну, голодаю, жажду;
Каждый вѣкъ со всѣхъ сторонъ
Слышу крики, вопли, стонъ,
Вижу ненависть, гоненья;
Погибаютъ поколѣнья...
Сознаю, что мнѣ не въ мочь
Человѣчеству помочь,
И, могилою не взятый,
Какъ мертвецъ, брожу, проклятый.

* * *

Но одинъ ли я навѣкъ
Вѣщимъ словомъ Бога связанъ,
И всемірнымъ зломъ наказанъ,
Какъ бездушный человѣкъ!

Я ль одинъ исчадье свѣта?!..
Вотъ, во славу Магомета,
Злость и рвеніе растетъ:
Распинается народъ;
Христіанъ, обезоружа,
Душатъ, рѣжутъ, какъ щенятъ;
Въ каждой хатѣ крови лужа,
Храмы Божіи горятъ.
Кто жь вступается? Откуда
Помощь грозная прійдетъ?
Кто невиннаго спасетъ?
Кто въ такое вѣритъ чудо?

* *
*

Ужь не ты ли, Альбіонъ?
Нѣтъ, ты, лживый, какъ Іуда,—
Весь въ расчеты погруженъ
И готовъ продать за злато
Христіанина и брата...
Ужь не ты ли, Вѣна?—Нѣтъ,
Холодна къ чужимъ ты ранамъ,
И измученнымъ славянамъ
Не желаешь ты побѣдъ.
Ужь не ты ли, папа?—Нѣтъ;
Какъ исконный врагъ Россіи,
Видишь ты дурные сны,
Крестъ на куполѣ Софіи
Для тебя страшнѣй луны.
Ужь не вы ли, лицемѣры?
Вы, фанаріоты?.. Нѣтъ;
У корыстной вашей вѣры
Нѣтъ геройства прошлыхъ лѣтъ!
Ужь не ты ли, Русь?!..

* *
*

За что же
Проклятъ я одинъ за грѣхъ
Безучастія?.. О, Боже!
Этотъ грѣхъ лежитъ на всѣхъ!..
И лохмотья вѣковыя
Отрясая, вѣчный жидъ
Съ укоризною глядитъ
На поля, давно пустыя.
Вотъ онъ выронилъ слезу...
Но, заслыша гулъ громовый,
Къ небу поднялъ взоръ суровый—
И пошелъ встрѣчать грозу...

6 августа 1876 г.
Павловскъ.

Памяти Ѳ. И. Тютчева.

Оттого ль, что въ Божьемъ мірѣ
Красота вѣчна,
У него въ душѣ витала
Вѣчная весна;
Освѣжала зной грозою,
И, сквозь капли слезъ,
Въ тучахъ радугой мелькала,—
Отраженьемъ грезъ!..

Оттого ль, что отъ бездушья,
Иль отъ злобы дня,
Ярче въ немъ сверкали искры
Божьяго огня,—
Съ раннихъ лѣтъ и до преклонныхъ,—
Безотрадныхъ лѣтъ,
Былъ къ нему неравнодушенъ
Равнодушный свѣтъ!

Оттого ль, что не отъ свѣта
Онъ спасенья ждалъ,
Выше всѣхъ земныхъ кумировъ
Ставилъ идеалъ...
Пѣснь его глубокой скорбью
Западала въ грудь,
И, какъ звѣздный лучъ, тянула
Въ безконечный путь!..

Оттого ль, что онъ въ народъ свой
Вѣрилъ и—страдалъ,
И ему на цѣпи братьевъ
Издали казалъ,—
Чую:—духъ его то вѣритъ,
То страдаетъ вновь,
Ибо льется кровь за братьевъ,
Льется наша кровь!..

1876.

Болгарка

Безъ пѣсенъ и слезъ, въ духотѣ городской,
Роптать и молиться не смѣя,
Живу я въ гаремѣ, продажной рабой
У женъ мусульманскаго бея.

Одна говоритъ: «Ну, разсказывай мнѣ,
Какъ ваше селенье горѣло;
И вылъ ли твой мужъ, пригвожденный къ стѣнѣ,
Какъ жгли его бѣлое тѣло»...

Другая, смѣясь, говоритъ мнѣ: «Ну да,
Недаромъ тебя пощадили:—
Нашъ бей, ужь, конечно, былъ первымъ, когда
Твою красоту обнажили...

— Ну, что жь? на распѣвъ третья мнѣ говоритъ,
Держа надъ лицомъ опахало,—
Хоть рѣзать дѣтей намъ коранъ не велитъ...
Но—ты ли одна пострадала?!..

И злятся, что я такъ скупа на слова,
Внимая рѣчамъ безучастнымъ,
Глаза мои сухи,—въ огнѣ голова,
Все небо мнѣ кажется краснымъ:—

Какъ будто сады, минаретъ и дома
Въ кровавомъ стоятъ освѣщеньи...
Въ глазахъ ли обманъ, иль схожу я съ ума—
Иль это предчувствіе мщенья!

Навѣки тотъ душу отравитъ свою
Стыдомъ или жаждою битвы,
Кто въ страшную душу заглянетъ мою
Въ часы безнадежной молитвы.

Прійди же, спаситель!—бери города,
Гдѣ слышится крикъ муэзина,
И пусть въ ихъ дыму я задохнусь тогда,
Въ надеждѣ на Божьяго Сына!..

1876 г.

Ренегатъ

Зовутъ, паша ихъ не слышитъ,—
Глядятъ: ренегатъ ужь не дышитъ.

(Мицкевичъ, въ пер. Берга).

По вѣрѣ католикъ, по роду полякъ,
Онъ принялъ исламъ и, поборникъ султана,
Пошелъ бить славянъ; но тяжелая рана
Его уложила въ походный баракъ.

* *
*

Съ прибрежныхъ высотъ на долину Моравы
Сползаетъ пронизанный гарью туманъ,
И слышенъ гулъ битвы,—гулъ будущей славы,
Пророческій голосъ свободы славянъ...

* *
*

Но браннаго гула, обрызганный кровью,
Не слышитъ паша,—еле видитъ бунчукъ,
Въ пыли, прислоненный къ его изголовью,
Да стонетъ отъ ранъ и безжалостныхъ рукъ...

* *
*

Клянетъ онъ хирурга, дырявый и тѣсный
Баракъ свой и тщетнымъ желаньемъ томимъ,
Чтобъ въ эти минуты, какъ ангелъ небесный,
Сестра милосердья ходила за нимъ.

* *
*

И вотъ,—уже полночь. Мигая чадится
Лампада, и дождь пробивается въ щель,—
Паша все кого-то зоветъ и томится;
Но жизнь догораетъ, и стынетъ постель.

И вспомнилъ паша, какъ онъ вѣрилъ когда-то,
Какъ близокъ ему былъ Страдалецъ-Христосъ;
И ужасомъ смерти душа въ немъ объята
(Такъ много на совѣсти крови и слезъ)...

* *
*

Привсталъ онъ и молится: Боже распятый!
Ужели Тебѣ измѣнилъ я?.. О, нѣтъ!
Не противъ Тебя, противъ Руси проклятой
Возсталъ я, желая ей всяческихъ бѣдъ.

* *
*

— Я принялъ исламъ; но въ коранъ я не вѣрилъ;
Я знаю, что небо Твое—не сераль.
Нѣтъ, ради политики я лицемѣрилъ—
Мнѣ только враговъ Твоихъ не было жаль...

* *
*

— Схизматиковъ только и жегъ, и рубилъ я —
Герцеговинцевъ, болгаръ и другихъ,
Но къ іезуитамъ, клянусь, снисходилъ я—
Былъ даже въ Стамбулѣ заступникомъ ихъ...

* *
*

— О! чувствую, смерти рука ледяная,
Тяжелая, страшная, давитъ мнѣ грудь...
Царица небесная! Дѣва Святая,
Марія! Прійди и заступницей будь...

* *
*

— Моли за меня Сына, Бога живого,
Да пріметъ Онъ душу мою—твой Христосъ!..
Дрожа, произнесъ онъ послѣднее слово,
И вскрикнуть хотѣлъ; но дыханье сперлось.

* *
*

Торжественной злобой сверкая, предстало
Ему, какъ видѣнье, лицо сатаны;
Огнемъ его страшная сила дышала
И вѣяла холодомъ бурной волны...

* *
*

И голосъ громовый, подобный рыканью
Голоднаго льва, прогремѣлъ: «ты—мой сынъ!
Ты вѣрно служилъ моему начертанью:
— «Славянъ больше всѣхъ истребляй, славянинъ».

* *
*

Иди же ко мнѣ!—Іезуитовъ не мало
Найдешь ты въ моемъ христіанскомъ аду»...
И тѣло паши мертвымъ навзничь упало,—
Душа сатанѣ отвѣчала: «Иду».

8 октября
1876 г.

Духъ вѣка

Жизнь гаснетъ,—духъ неугасимъ;
Мы погасить его не въ силахъ;
Онъ не хоронится въ могилахъ,—
Отъ мертвыхъ онъ идетъ къ живымъ.

Духъ вѣка—это Божій духъ;
Онъ міровой любовью дышитъ,
И только тотъ его не слышитъ,
Кто къ злобѣ дня склонилъ свой слухъ.

Его не слышалъ Вавилонъ,
Не слышитъ и Востокъ растлѣнный,
Ни Валтазаръ намъ современный,
Ни современный Фараонъ.

Такъ, духа вѣка не смогли
Понять католики-Бурбоны,
И Богъ съ главы ихъ снесъ короны,
И—ихъ молитвы не спасли...

Такъ, вѣка чернь не поняла;
И гильотину вмѣсто трона
Воздвигла и Наполеона
Въ свои кумиры возвела.

Такъ, стопобѣдный сынъ молвы
Врагомъ сталъ духа и свободы;
И, за собой влача народы,
Наткнулся на пожаръ Москвы.

Такъ, нынѣ гордый Альбіонъ
Грядущаго не видитъ свѣта,
За торгашей, за Магомета,
За рабство мечъ подъемлетъ онъ,

Но флотомъ Бога своего
Не побѣдитъ—и ужаснется,
Когда, раскрывъ глаза, очнется
Передъ судилищемъ Его.

1877.

Въ телѣгѣ жизни.

Съ утра садимся мы въ телѣгу...
Пушкинъ.

Къ моей телѣгѣ я привыкъ.
Мнѣ и ухабы ни по чемъ.
Я только дрогну, какъ старикъ,
Въ холодномъ воздухѣ ночномъ...
Порой задумчиво молчу,
Порой отчаянно кричу:
—«Пошелъ! Валяй по всѣмъ по тремъ!..»

* * *

Но хоть кричи, бранись иль плачь,
Молчитъ, упрямъ, ямщикъ сѣдой;
Слегка подстегивая клячъ,
Онъ ровной гонитъ ихъ рысцой,
И шлепаетъ подъ ними грязь,
И, незамѣтно шевелясь,
Онѣ бѣгутъ во тьмѣ ночной.

Старое посланіе.

(Ивану Сергѣевичу Тургеневу).

Благословенный край—плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются...
А. Пушкинъ.

Невесела ты, родная картина!..
Н. Некрасовъ.

Туда, въ Парижъ, гдѣ я когда-то
Впервые, искренно и свято,
Любимъ былъ женскою душой...
Туда, гдѣ нынѣ образъ твой,
Еще живой, мнѣ святъ и дорогъ,
Не разъ стремился я мечтой
Подслушать милой тѣни шорохъ,
Поймать хоть призрака черты...

Увы! поклонникъ красоты,—
Я ей страдальческую службу
Давно усердно отслужилъ
И прозаическую дружбу
Въ своей душѣ благословилъ.
Но гдѣ друзья?.. Друзей немного...
Я ихъ не вижу по годамъ;
Подчасъ глуха моя дорога...
Въ разбродѣ мы: я—здѣсь, ты—тамъ.

Донашивать свои сѣдины
Намъ по́рознь суждено судьбой!..
Тебѣ—въ объятіяхъ чужбины,
Мнѣ—въ кандалахъ нужды родной.
Усталъ я, легъ,—почти что боленъ,—
Своей работой недоволенъ;

Не бросить ли? не сжечь ли?..
Нѣтъ!
Въ моемъ уединеньи скучномъ,
Замкнувшись въ тѣсный кабинетъ,
Не чуждъ я мысли о насущномъ,
Заботъ и будничныхъ суетъ...

Усталъ я... размышлять нѣтъ мочи...
Не сплю... погасъ огарокъ мой...
Въ окно глядитъ и лѣзетъ въ очи
Сырая мгла плаксивой ночи...
Осенней вьюги слышенъ вой...
И вотъ, разнузданной мечтой
Я мчусь въ Парижъ, туда, гдѣ свято
Впервые я любилъ когда-то
И былъ блаженъ—въ послѣдній разъ!..
. . . . . .
Вотъ поздняго досуга часъ...
Парижъ недавно отобѣдалъ,
Онъ все, что могъ, изжилъ, извѣдалъ,
И жаждетъ ночи...
Чердаковъ
Окошки—гнѣзда бѣдняковъ,
Ушли подъ тучи въ мракъ печальный:
Тамъ голодъ, замыслы, нахальной
Нужды запросы,—бой съ нуждой,
Или при лампѣ трудовой
Мечты о жизни идеальной.

За то внизу—Парижъ иной,
Картинный, бронзовый, зеркальный:
Сверкаютъ тысячи огней,
Гулъ катится по всѣмъ бульварамъ,
Толпа снуетъ... Любуйся даромъ,

Дивись на роскошь богачей;
Вздохнувъ о юности своей,
Давай просторъ влюбленнымъ парамъ...
. . . . . .
Вотъ, домъ—громада. Изъ сѣней
На тротуаръ и мостовую
Ложится просвѣтъ полосой;
Изъ-подъ балкона, головой
Курчавясь, кажутъ грудь нагую
Шесть статуй—шесть карріатидъ;
Свѣтъ газовыхъ рожковъ скользитъ
Кой-гдѣ по мрамору ихъ тѣла...
Полураскрывъ уста, онѣ
Прижались къ каменной стѣнѣ,
И никому до нихъ нѣтъ дѣла...

Вотъ—лѣстница осаждена...
Идутъ, сгибаются колѣна,
Ступенекъ не видать,—одна
Съ площадки мраморной видна
Тебѣ знакомая арена:
Звѣздятся люстры; ихъ кайма
Изъ хрусталей, какъ бахрома
Изъ радужныхъ огней, сверкаетъ;
Раздвинувъ занавѣсъ, ведетъ
Въ громадный залъ широкій входъ,
И тѣсную толпу стѣсняетъ.
Толпа разсыпалась,—и вотъ,

Шуршитъ атласъ, пестрятъ наряды,
Круглятся плечи блѣдныхъ дамъ,
Затылки, профили... а тамъ,—
Изъ-за высокой балюстрады,—

Уже виднѣются пѣвцы,
Артисты-геніи, пѣвицы,
Которымъ пышныя столицы
Несутъ алмазы и вѣнцы.

И ты въ толпѣ;— ужь за рядами
Кудрей и лысинъ мнѣ видна
Твоя густая сѣдина;
Ты искоса повелъ глазами:—
Быть узнаннымъ тщеславный страхъ
Читаю я въ твоихъ глазахъ...
Отъ русскихъ барынь, отъ туристовъ,
Отъ доморощенныхъ артистовъ
Еще хранитъ тебя судьба...
Но—чу! гремятъ рукоплесканья!...
Ты дрогнулъ,—жадное вниманье
Приподнимаетъ складки лба;
(Какъ будто что тебя толкнуло!)
Ты тяжело привсталъ со стула,
Въ перчаткѣ, сжатою рукой
Прижалъ къ глазамъ лорнетъ двойной,
И—поблѣднѣлъ—
Она выходитъ...
Уже вдали, какъ эхо, бродитъ
Послѣднихъ плесковъ гулъ, и—вотъ,
Хоръ по струнамъ смычками водитъ...
Она вошла... Она поетъ...

О, это вкрадчивое пѣнье!
Въ немъ пламя скрыто:—нѣтъ спасенья!
Восторгъ, похожій на испугъ,
Уже захватываетъ духъ;—
Опять весь залъ гремитъ и плещетъ...

Ты замеръ... Сладко замирать,
Когда, какъ бы оживъ, опять
Пришла любовь съ тобой страдать—
И на груди твоей трепещетъ...
Ты, молча, голову склонилъ,
Какъ юноша, лишенный силъ
Передъ разлукой...
Но—быть можетъ—
(Кто знаетъ?) грустною мечтой
Перелетѣлъ ты въ край родной,
Туда, гдѣ все тебя тревожитъ,
И слава, и судьба друзей,
И тотъ народъ, что отъ цѣпей
Страдалъ и—безъ цѣпей страдаетъ...
Повѣся носъ, потупя взоръ,
Быть можетъ, слышишь ты:—качаетъ
Свои вершины темный боръ,—
Несутся крики,—кто-то скачетъ,—
А тамъ, въ глуши стучитъ топоръ,—
А тамъ, въ избѣ ребенокъ плачетъ...

Быть можетъ, вдругъ передъ тобой
Возникла тусклая картина:—
Необозримая равнина,
Застывшая во мглѣ ночной...
Какъ блѣдно-озаренный рой
Бѣсовъ надъ снѣжной пеленой
Несется вьюга;—коченѣетъ,
Теряясь въ непроглядной мглѣ,
Блуждающій обозъ... Чернѣетъ,
Какъ призракъ, въ нищенскомъ селѣ
Пустая церковь;—тускло рдѣетъ
Окно съ затычкой;—паръ валитъ

Изъ кабака;—изъ-подъ дерюги
Мужикъ вздыхаетъ: «вотъ-те на!»
Иль «караулъ!» хрипитъ со сна.
Подъ музыку крещенской вьюги.

Быть можетъ, видишь ты свой домъ,
Забитый ставнями кругомъ,
Гнилой заборъ, оранжерею,—
И ту заглохшую аллею,
Съ неподметенною листвой,
Гдѣ пахнетъ дѣтской стариной,
И гдѣ теперь еще, быть можетъ,
Когда луна свѣтла, какъ день,
Блуждаетъ молодая тѣнь,—
Тотъ блѣдный призракъ, что тревожитъ
Сердца, когда поетъ *она*
Передъ толпой, окружена
Лучами славы...

Опасеніе.

На праздникъ ты одна ушла, другъ милый мой,
Безъ горничной, безъ провожатыхъ,—
Ушла, порадовать своею красотой
Людей безпечныхъ и богатыхъ.

Ужъ поздно... тьма кругомъ... и напряженъ мой слухъ,
И умъ мой полонъ смутныхъ бредней:
Не твой ли шорохъ тамъ, гдѣ газъ давно потухъ?
Чу! что-то звякнуло въ передней!...

Ужь поздно; я не сплю,—клянусь, не оттого
Что горячо тебя люблю я,
И что не могъ бы я заснуть безъ твоего
Разсказа или поцѣлуя...

Нѣтъ, не изъ ревности я не смыкаю глазъ,
И жду тебя не какъ влюбленный:
Я праздника боюсь,—мнѣ страшенъ поздній часъ
И этотъ городъ полу-сонный.

Здѣсь каждый ждетъ бѣды, здѣсь каждый заперъ дверь,
Здѣсь невидимкой между нами
Блуждаетъ нищета, косматая, какъ звѣрь,
Дрожитъ и шаритъ за дверями.

Быть можетъ, тѣнь ея завистливо глядитъ
На яркій свѣтъ тѣхъ самыхъ оконъ,
Гдѣ подъ напѣвъ смычка нога твоя скользитъ,
Гдѣ вьется твой летучій локонъ.

Ты не нуждаешься, благодаря трудамъ,
Но для нея и ты—богата;
И то, что любишь ты, и то, что свято намъ,
Для голодающихъ—не свято...

. . . . . .

О, я бъ не ждалъ тебя съ тревогой и тоской,
Объ этомъ не было бъ и рѣчи,
Когда бъ у каждаго, въ семьѣ его родной,
Горѣли праздничныя свѣчи!

Міровая ткань.

Н. Н. Страхову.

Ткань природы міровая—
Риза—Божья можетъ быть...
Въ этой ризѣ я—живая,
Я—непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется,
И ужь если оборвется,
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы:
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (—пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...
Нити рвутся безпрестанно,—
Скоро, скоро мой чередъ!—
Ткачъ же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ;
И выводитъ онъ узоры:
Голубыя волны, горы,
Степи, пажити, лѣса,
Облака и небеса;
И куда мудрецъ ни взглянетъ,
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ:
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Туда!

Kennst du das Land...

Гете.

Ты знаешь ли тотъ край гдѣ высятся Балканы,—
Гнѣздо грабителей, орлятъ и божьихъ грозъ,
Гдѣ солнца зной гноитъ зіяющія раны,
И трупный запахъ слитъ съ благоуханьемъ розъ?
Туда, туда, о милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

*
* *

Ты знаешь ли тѣхъ странъ поля и вертограды,
Откуда, какъ изъ тучъ, свинецъ шумитъ дождемъ;
Гдѣ криковъ не слыхать подъ бурей канонады,
Гдѣ рабъ свободы ждетъ, и льется кровь ручьемъ?..
Туда, туда, о милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!

*
* *

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ страшное страданье
Встрѣчаетъ стономъ нашъ привычный къ лести слухъ,
Гдѣ женщина въ трудѣ найдетъ свое призванье
И закалитъ въ борьбѣ изнѣженный свой духъ!—
Въ тотъ страшный край, о милый мой,
Умчалась бы я слѣдомъ за тобой!..

1877.

*
* *

Я красоты не разлюбилъ,
Но не хочу быть увлеченнымъ,—
Мнѣ ль на закатѣ страстныхъ силъ
Воображать себя влюбленнымъ!

Нѣтъ, чары вашей красоты
Меня не манятъ къ поцѣлую;
Въ замѣнъ измѣнчивой мечты,
Я сберегу мечту иную,—

Ту заповѣдную мечту,
Что всѣмъ народамъ смутно снилась,
И что въ земную красоту
Еще нигдѣ не воплотилась.

Безъ этой творческой мечты
Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ,
Нѣтъ ни одной живой черты
На историческихъ страницахъ.

Въ годину утраты.

(Посв. Н. Ф. Христіановичу).

Въ теплѣ злое горе цвѣтетъ—зеленѣетъ,
Какъ будто его солнце вешнее грѣетъ.—
Оттаяли слезы и льются ключемъ,—
А тамъ надъ могильнымъ, сыпучимъ бугромъ
Березка стоитъ и въ снѣгу коченѣетъ.

Но будетъ пора, холодъ въ душу сойдетъ,
И горе застынетъ, какъ будто замретъ;
А тамъ, надъ могилкой повѣетъ весною,
Березка очнется, и свѣжей листвою
Одѣнутся длинныя сѣти вѣтвей,
И дѣти сбѣгутся съ цвѣтами сирени,
И, молча, сойдутся могильныя тѣни,
Внимать голосамъ беззаботныхъ дѣтей.

Подъ Краснымъ Крестомъ.

(Посв. памяти Ю. П. баронессы Вревской).

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
Безъ памяти поднятъ былъ съ мерзлой земли;
И долго, въ шинели изорванной, въ ранахъ,
Меня на скрипучей телѣгѣ везли;
Надъ нами кружились орлы,—вѣтеръ стонамъ
Внималъ, да въ ту ночь, какъ по мокрымъ понтонамъ
Стучали копыта измученныхъ клячъ,
Въ плесканьяхъ Дуная мнѣ слышался плачъ.

И съ этимъ Дунаемъ прощаясь навѣки,
Я думалъ: едва ль меня родина ждетъ!..
И врядъ ли она будетъ въ жалкомъ калѣкѣ
Нуждаться, когда всѣхъ на битву пошлетъ...
Теперь ли, когда и любовь мнѣ измѣнитъ,
Жалѣть, что могила постель мнѣ замѣнитъ!..
—И я ужь не помню, какъ дальше везли
Меня по ухабамъ румынской земли...

Въ какомъ-то баракѣ очнулся я, снятый
Съ телѣги, и—понялъ, что это—баракъ;
День ярко сквозилъ въ щели кровли досчатой,
Но день безотраденъ былъ,—хуже чѣмъ мракъ...
Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
Въ грязи весь, лежалъ я, прильнувъ къ изголовью,
И, самъ искалѣченный, тупо глядѣлъ
На лица и члены истерзанныхъ тѣлъ.

И пыльный баракъ нашъ весь день растворялся:
Вносили однихъ, чтобъ другихъ выносить;
Съ носилками блѣдныхъ гостей тамъ встрѣчался
Завернутый трупъ, что несли хоронить...
То слышалось ржанье обозныхъ лошадокъ,
То стоны, то жалобы на распорядокъ...
То рѣзкая брань, то смѣшныя слова,
И врачъ нашъ острилъ, засучивъ рукава...

А вотъ, подошла и сестра милосердья!—
Волнистой косы ея свѣсилась прядь.
Я дрогнулъ.—Къ чему молодое усердье?
«Безъ крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть, ради Бога!»
Она жь поглядѣла такъ кротко и строго,
Что далъ я ей волю и раны промыть,—
И раны промыть, и бинты наложить.

И вотъ, надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
«Подайте рубашку!» и слышу отвѣтъ,—
Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:
«Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»
И мыслю я: Боже! какое терпѣнье!
Я, дышащій трупъ,—я одно отвращенье
Внушаю; но—нѣтъ его въ этихъ чертахъ
Прелестныхъ, и нѣтъ его въ этихъ глазахъ!

Не долго я былъ терпѣливъ и послушенъ:
Настала унылая ночь,—громъ гремѣлъ,
И трупами пахло, и воздухъ былъ душенъ...
На грязномъ полу кто-то сонный храпѣлъ...
Кой-гдѣ ночники, догорая, чадились,
И умиравшіе тихо молились
И бредили,—даже кричали «ура!»
И, молча, покойники ждали утра...

То грезилъ я, то у меня дыбомъ волосъ
Вставалъ; то, въ холодномъ поту, я кричалъ:
«Рубашку—рубашку!...» и долго мой голосъ
Въ ту ночь истомленныхъ покой нарушалъ...
Въ туманномъ мозгу у меня разгорался
Какой-то злой умыселъ, и порывался
Бѣжать я,—какъ вдругъ, слышу, катится громъ,
И вѣтеръ къ намъ въ щели бьетъ крупнымъ дождемъ...

Притихъ я, смотрю, среди призраковъ ночи,
Сидитъ, въ красноватомъ мерцаньѣ огня,
Знакомая тѣнь, и безсонныя очи,
Какъ звѣзды, сквозь сумракъ, глядятъ на меня.
Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
Къ огню и одну изъ лампадъ задуваетъ...
И чудится, будто одежда шуршитъ,
По бѣлому темное что-то скользитъ...

И странно, въ тотъ мигъ, какъ она замелькала
Какъ духъ, надъ которымъ два бѣлыхъ крыла
Взвились,—я подумалъ: бѣдняжка устала,
И еслибъ не крикъ мой, давно бы легла!..
Но вотъ, снова шорохъ, и—снова въ одеждѣ
Простой (въ той, въ которой ходила и прежде),
Она изъ укромнаго вышла угла,
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла—

И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! Я рубашку тебѣ принесла»...
Я понялъ, она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку сняла.
И плакалъ я.—Дѣтское что-то, родное,
Проснулось въ душѣ, и мое ретивое
Такъ билось въ груди, что пророчило мнѣ
Надежду на счастье въ родной сторонѣ...

И вотъ, я на родинѣ!—Тѣ же невзгоды,
Тщеславіе бѣдности, праздный застой,
И старыя сплетни, и новыя моды...
Но нѣтъ! не забыть мнѣ сестрицы святой!
Рубашку ея сохраню я до гроба...
И пусть нашихъ недруговъ тѣшится злоба!
Я вѣрю, что зло отзовется добромъ:—
Любовь мнѣ сказалась подъ Краснымъ Крестомъ.

1878. Марта 6.

---

*
* *

Въ гаремѣ брань и плачъ; но—входитъ падишахъ,
И одалиска еле дышитъ,—
Мутитъ ей душу гнѣвъ, отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сверкнетъ восторгъ у ней въ очахъ,
Когда ей ласка грудь всколышетъ!..

Холодный Сѣверъ нашъ печаленъ и суровъ;
Но развѣ онъ весны не приметъ,
Когда владычица въ предѣлъ его снѣговъ
Внесетъ и ландыши, и трели соловьевъ,
И горячо его обниметъ!

И небо, и земля, и жизнь моя въ цѣпяхъ,
На жизнь я тщетно негодую,
Сжимаетъ душу мнѣ отчаянье и страхъ;
Но развѣ не сквозитъ любовь въ моихъ рѣчахъ,
Когда я Бога сердцемъ чую...

---

*
* *

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жь ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жь ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Н. А. Грибоѣдова.

I.

Не князь, красавецъ молодой,
Внукъ иверскихъ царей,
Былъ сокровенною мечтой
Ея цвѣтущихъ дней.
Не вождь грузинскихъ удальцовъ,—
Гроза сосѣднихъ горъ,
Признаньемъ вынудилъ ее
Потупить ясный взоръ.
Не тамъ, гдѣ слышатъ валуны
Плескъ Алазанскихъ струй *),
Впервые прозвучалъ ея
Завѣтный поцѣлуй.
Нѣтъ, зацвѣла ея любовь
И расцвѣла печаль,
Въ томъ жаркомъ городѣ, гдѣ намъ
Прошедшаго не жаль...
Гдѣ грезится сазандарамъ **)
Святая старина,
Гдѣ часто музыка слышна,
И вѣютъ знамена.

II.

Въ Тифлисѣ я ее встрѣчалъ...
Вникалъ въ ея черты:
То—тѣнь весны была, въ тѣни
Осенней красоты.

*) Алазань—рѣка въ Кахетіи.
**) Сазандаръ—грузинскій народный пѣвецъ.

Не весела и не грустна,—
Гдѣ бъ ни была она,
Повсюду на ея лицѣ
Царила тишина.
Ни пышный блескъ, ни рѣзвый шумъ
Полуночныхъ баловъ,
Ни барабанный бой, ни вой
Охотничьихъ роговъ,
Ни смѣхъ пустой, ни приговоръ
Коварной клеветы,
Ничто не возмущало въ ней
Таинственной мечты;
Какъ будто слава, отразясь
На ней своимъ лучомъ,
Въ ней берегла покой души
И грезы о быломъ,—
Или о томъ, кто, силу зла
Извѣдавъ, завѣщалъ
Ей всепрощающую скорбь
И вѣру въ идеалъ...

III.

Я помню часъ, когда вдали
Вершинъ сѣдые льды
Румянцемъ вспыхнули, и тѣнь
Съ холмовъ сошла въ сады,
Когда Метехъ *), съ своей скалой,
Стоялъ какъ бы въ дыму,
И уходилъ сіонскій крестъ **)
Въ ночную полутьму.

*) Замокъ и острогъ въ Тифлисѣ.
**) Крестъ Сіонскаго собора, самой большой церкви въ Тифлисѣ.

Она сидѣла на крыльцѣ,
Съ поникшей головой,
И помню, кроткій взоръ ея
Увлаженъ былъ слезой.
О незабвѣнной старинѣ
Намекъ нескромный мой
Смутилъ ея больной души
Таинственный покой.
И мнѣ казалось въ этотъ мигъ,
Я у нея въ глазахъ
Прочелъ ту повѣсть,—что прошла
Тайкомъ въ ея мечтахъ:—

. . . . . .

IV.

«Онъ русскимъ посланъ былъ царемъ,
Въ Иранъ держалъ свой путь
И на пути заѣхалъ къ намъ
Душою отдохнуть.
Желанный гость—онъ принятъ былъ,
Какъ другъ, моимъ отцомъ;
Не въ первый разъ входилъ онъ къ намъ
Въ гостепріимный домъ;
Но не былъ веселъ онъ въ тѣни
Развѣсистыхъ чинаръ,
Гдѣ на коврахъ не разъ намъ пѣлъ
Заѣзжій сазандаръ;
Гдѣ наше пѣнилось вино,
Дымился нашъ кальянъ,
И улыбалась жизнь гостямъ
Сквозь радужный туманъ;
И былъ задумчивъ онъ, когда,
Какъ бы сквозь тихій сонъ,

Пронизывался лунный свѣтъ
На темный нашъ балконъ;—
Его горячая душа,
Его могучій умъ
Влачили всюду за собой
Грузъ неотвязныхъ думъ.
Напрасно сѣверъ ледяной
Рукоплескалъ ему,
Онъ тамъ оставилъ за собой
Бездушную зиму;
Онъ тамъ холодныя сердца
Оставилъ за собой.
Лишь я одна могла ему
Откликнуться душой...
Онъ такъ давно меня любилъ,
И такъ былъ радъ,—такъ радъ,
Когда вдругъ понялъ, отчего
Туманится мой взглядъ.

V.

И скоро передъ алтаремъ
Мы съ нимъ навѣкъ сошлись...
Казалось, праздновалъ весь міръ,
И ликовалъ Тифлисъ:
Всю ночь къ намъ съ вѣтромъ долеталъ
Зурны тягучій звукъ,
И мѣрный бубна стукъ, и гулъ
Отъ хлопающихъ рукъ.
И не хотѣли погасать
Далекіе огни,
Когда, лампаду засвѣтивъ,
Остались мы одни,

И не хотѣла ночь унять
Далекой пляски шумъ,
Когда съ души его больной
Скатилось бремя думъ,
Чтобъ не предвидѣлъ онъ конца
Своихъ блаженныхъ дней,
При видѣ брачнаго кольца
И ласковыхъ очей.

VI.

Но часъ насталъ: посолъ царя
Умчался въ Тегеранъ.
Прощай, любви моей заря!
Палъ на́ сердце туманъ...
Какъ въ темнотѣ разсвѣта ждутъ,
Чтобъ страхи разогнать,
Такъ я ждала его, ждала,—
Не уставала ждать...
Еще мой вѣрующій умъ
Былъ грезами повитъ,
Какъ вдругъ... вдругъ грянула молва,
Что онъ убитъ... убитъ!
Что онъ изъ плѣна бѣдныхъ женъ
Хотѣлъ мужьямъ вернуть,
Что съ изувѣрами въ бою
Онъ палъ, пронзенный въ грудь,
Что трупъ его—кровавый трупъ,—
Поруганъ былъ толпой,
И что скрипучая арба
Везетъ его домой *).

*) Записки А. С. Пушкина, т. 5, стр. 76. Изд. Анненкова.

Всѣ эти вѣсти въ сердце мнѣ
Со всѣхъ сторонъ неслись...
Но не скрипучая арба
Ввезла его въ Тифлисъ,—
Нѣтъ, осторожно между горъ,
Ущелій и стремнинъ,
Шесть траурныхъ коней везли
Парадный балдахинъ;
Сопровождали гробъ его
Лавровые вѣнки,
И пушки жерлами назадъ,
И пики, и штыки;
Дымились факелы, и гулъ
Колесъ былъ эхомъ горъ,
И память вѣчную о немъ
Пѣлъ многолюдный хоръ...

И я пошла его встрѣчать,
И весь Тифлисъ со мной
Къ заставѣ эриванской шелъ
Растроганной толпой.
На кровляхъ плакали, когда
Безъ чувствъ упала я...
О, для чего пережила
Его любовь моя!

VII.

И положила я его
На той скалѣ, гдѣ спитъ
Семья гробницъ, и гдѣ святой
Давидъ ихъ сторожитъ;
Гдѣ раньше, чѣмъ заглянетъ къ намъ
Въ окошки алый свѣтъ,

Заря подъ своды алтаря
Шлетъ пламенный привѣтъ;
На той скалѣ, гдѣ въ бурный часъ
Зимой, издалека
Причаливъ, плачутъ по веснѣ
Ночныя облака;
Куда весной, по четвергамъ,
Бредутъ на ранній звонъ,
Тропинкой каменной, въ чадрахъ,
Толпы грузинскихъ женъ.
Бредутъ, нерѣдко въ страшный зной,
Однѣ—просить дѣтей,
Другія—воротить мольбой
Простывшихъ къ нимъ мужей...
Тамъ, въ темномъ гротѣ—мавзолей,
И,—скромный даръ вдовы,
Лампадка свѣтитъ въ полутьмѣ,
Чтобъ прочитали вы
Ту надпись, и чтобъ вамъ она
Напомнила сама
Два горя:—горе отъ любви
И горе отъ ума».

1879 г., января 30.

Сфинксъ.

Когда-то Сфинксъ въ горахъ за Ѳивами бродилъ,
Крутя свой львиный хвостъ напруженный и гибкій;
Встрѣчая путниковъ, онъ ужасъ наводилъ
Своею красотой, когтями и улыбкой.

И всѣмъ онъ встрѣчнымъ задавалъ
Задачи, голодомъ снѣдаемъ,
И, кто его не понималъ,
Былъ имъ нещадно пожираемъ.
Царица Ѳивъ роптала на вождей,
И вопіялъ народъ; но Сфинксъ не унимался.
Онъ былъ неуязвимъ для стрѣлъ и для мечей
И, когти навостря, какъ женщина смѣялся.
Но ни предательскихъ когтей
Не устрашась, ни хитрой рѣчи,
Одинъ Эдипъ, въ расцвѣтѣ дней,
Пошелъ искать съ нимъ страшной встрѣчи.
И что жь? При встрѣчѣ съ нимъ, не обнажа меча,
Герой, испытанный въ кровавыхъ распряхъ вѣка,—
Онъ Сфинксу заглянулъ въ лицо, не трепеща,
И далъ ему отвѣтъ достойный человѣка.
И Сфинксъ, на лапы привскочивъ,
Затрепеталъ, сверкнулъ очами,—
Съ размаху бросился въ заливъ,
И скрылся въ безднѣ подъ волнами...
И каждому въ горахъ открылся вольный путь;
Эдипа, какъ царя встрѣчали и какъ брата;
Царица приняла героя грудь на грудь...
Казалось, полузвѣрь погибнулъ безъ возврата.
Увы! Изъ опѣненныхъ волнъ
Съ тѣхъ поръ онъ въ міръ не разъ являлся;
Былъ кровожадной злобы полнъ
И лицемѣрно улыбался.
И въ нашъ бурливый вѣкъ,—межъ нивъ и городовъ
Не онъ ли сталъ блуждать, загадочно-опасный,
Когтисто-злой, какъ левъ, голодный царь лѣсовъ,
Какъ дѣва трепетный, и лживо-сладкогласный?

Не онъ ли дерзко задаетъ
Задачи всѣмъ, кого ни встрѣтитъ,
И угрожаетъ, что пожретъ
Того, кто не впопадъ отвѣтитъ?
О! Если это Сфинксъ...
Гдѣ ты, Эдипъ?—Иди!
И безъ оружія спасай свободу вѣка
Любовью пламенной въ безтрепетной груди,
Рѣшеньемъ всѣхъ задачъ во славу человѣка!
1879.

Безпутный годъ.

Уходишь ты,—прощай, прощай,
Безпутный годъ, бездушный годъ!
Иди во тьму и не мѣшай
Намъ къ свѣту двигаться впередъ...

Ты несъ въ груди своей не тотъ
Святой огонь, что Прометей
Съ небесъ похитилъ; ты людей
Не создавалъ; ты насъ рядилъ
Въ желѣзо,—славу намъ сулилъ
Во имя злыхъ, стихійныхъ силъ,
И превращалъ въ шипящихъ змѣй
Тобой раздавленныхъ людей.

Нѣтъ, не божественный ты несъ
Огонь, не благодатныхъ слезъ
И не восторговъ жаждалъ ты,
Когда, во имя суеты,

Земнымъ кумирамъ и богамъ
Курилъ ты рабскій ѳиміамъ.

Прощай, безпутный годъ! Ты шелъ,
Какъ туча, темной полосой,
Не освѣжая насъ грозой...
Порой ты былъ стихійно золъ
Въ тѣ ночи бурныя, когда
Опустошалъ ты города
Своими ливнями.

Порой
Ты насъ ничтожествомъ пугалъ,
Когда любовью торговалъ,
И милліоны воровалъ...

Порой, страстей твоихъ языкъ
Былъ такъ безстыдно смѣлъ и дикъ,
И такъ хвастливъ былъ твой обманъ,
Что даже солнца ясный ликъ
Въ холодный прятался туманъ,
И зябли нивы и лѣса,
И мрачны были небеса,
И смерть отъ бѣдныхъ матерей
Умчала тысячи дѣтей,
Какъ бы въ боязни, что они
Такіе же увидятъ дни,
И будутъ такъ же голодать,
Завидовать и проклинать!
А если я не правъ—скажи,
Чѣмъ просіялъ ты? Укажи,
На чье чело твоя печать
Легла какъ Божья благодать?
Кто шелъ безтрепетно сквозь тьму,
Не угрожая никому,

И никому не льстя—какъ богъ?
Кто былъ превыше всѣхъ тревогъ,
Интригъ и злобы? Чья любовь,
Облагороживая кровь,
Неволила сердца людей
Стать выше мелочныхъ страстей?

Кому ты силу слова далъ?
Какія сѣти оборвалъ?
Какой надеждой окрылилъ?
Чѣмъ начатое довершилъ?

Поднявъ бокалъ, я только пью
Здоровье тѣхъ, кто постигалъ
Всю немощь страшную твою,
Кто не кадилъ, не воровалъ,
Не притворялся, не ропталъ,
И, несмотря на темный годъ,
Хоть ощупью, да шелъ впередъ.
Я только пью здоровье тѣхъ,
Которыхъ провожаетъ смѣхъ
Толпы надменной и пустой,
Кто шелъ съ открытой головой
За истиной и красотой.
И пусть изъ насъ никто не пьетъ
За новый, въ міръ грядущій годъ:
Идетъ съ закрытымъ онъ лицомъ,
Съ невѣдомымъ добромъ и зломъ,
Не разглашая напередъ,
Какое знамя онъ несетъ.

31 декабря 1879.

*
* *

Пусть злая осень добила дождемъ
Пáжити, вѣтромъ измятыя,—
Вы, какъ птенцы, народились въ моемъ
Сердцѣ надежды крылатыя.

Солнце зоветъ васъ покинуть туманъ,
Солнце зоветъ все, что молодо,
Къ свѣту, къ теплу, въ рай полуденныхъ странъ,
Отъ листопада и холода.

Тщетно! Для сѣвера вы рождены,
Вьюгъ нашихъ трусить не будете,
И, дострадавшись до новой весны,
Пѣснями лѣсъ нашъ разбудите.

---

*
* *

Увидалъ изъ-за тучи утесъ,
Какъ въ долину сошла молодая
Дочка Солнца—Весна, и, вздыхая,
Погрузился въ туманъ сладкихъ грезъ.

*
* *

Ему снится: съ Весной молодою,
Въ снѣжныхъ блесткахъ, идетъ онъ къ налою,
И вѣнчаетъ его ледяною
Діадемою свѣтлый морозъ,

*
* *
А Весна позабыла вершину
И за тучами льдистый утесъ;
По уступамъ сошла на долину
И забылась въ чаду сладкихъ грезъ...

*
* *
Снится ей: на зарѣ, за холмами,
Тамъ, гдѣ роща гремитъ соловьями,
Жаркій Май, съ золотыми кудрями,
Ей даритъ діадему изъ розъ.

А. С. Пушкинъ.

Читано авторомъ въ Москвѣ, въ день открытія памятника Пушкину, въ I засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 6 іюня 1880 года.

I.

Пушкинъ—это возрожденье
Русской Музы,—воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ,
Это—незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.

Это—эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ,

Это—голосъ Немезиды,
Это дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ... *)

Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это—арфа Серафима.
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса;

Это старой няни сказка,
Это молодости ласка—
Огонекъ въ степной глуши...
Это—слезы умиленья...
Это—смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній—
Пѣсню Грузіи печальной...
Бредъ цыганки кочевой...

Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ,—

*) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду...

Видитъ небо безъ лазури
И—что краше волнъ и бури—
Видитъ дѣву на скалѣ...

Знаетъ горе намъ родное:
И разгулье удалое,
И сердечную тоску,
Но не падаетъ усталый—
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ правды первый лепетъ—
Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей,
Это—сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.

Это—геній все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверъ, Западъ и Востокъ.
Это—тотъ «ничтожный міра»,
Что, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.

Это—врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный,—враждой,
Словно терніемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...

Поэтическій Мессія
На Руси, онъ, какъ Россія,—
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы воспоминаемъ
И торжественно вѣнчаемъ
Прославляющій насъ ликъ...

Прометей.

Я шелъ подъ скалами,
Мглой ночи одѣтъ,
Я несъ темнымъ людямъ
Божественный свѣтъ—
Любовь и свободу
Отъ страха и чаръ,
И жажду познанья,
И творческій даръ.

Вдругъ, разорвалася
Ночи занавѣса,—
Брызнули въ пространство
Молніи Зевеса,
И проснулись боги,
И богини съ ложа
Поднялись, пугливымъ
Крикомъ міръ встревожа.

И посланный ими,
Въ багровомъ дыму
Мелькнулъ черный воронъ
И ринулся въ тьму,—
Онъ близко... Онъ ищетъ...
Межъ скалъ и лѣсовъ,
Того, кто похитилъ
Огонь у боговъ.

Я иду—и свѣтъ мой
Свѣтитъ по дорогѣ;
Я ужъ знаю тайну,
Что не вѣчны боги...
Міръ земной, я знаю,
Пересозданъ снова,
И уста роняютъ
Пламенное слово.

Не могъ утаить я
Святого огня...
И воронъ изъ мрака
Завидѣлъ меня:
Когтями и клювомъ
Онъ рветъ мою грудь,
И кровью обрызганъ
Тяжелый мой путь.

Пусть въ борьбѣ паду я!
Пусть въ цѣпяхъ неволи
Буду я метаться
И кричать отъ боли—
Ярче будетъ скорбный
Образъ мой свѣтиться,
Съ крикомъ дальше будетъ
Мысль моя носиться...

И что тогда, боги!
Что сдѣлаетъ громъ
Съ безсмертіемъ духа,
Съ небеснымъ огнемъ?
Вѣдь то, что я создалъ
Любовью моей,
Сильнѣе желѣзныхъ
Когтей и цѣпей!..

1881.

---

*
* *

Любя колосьевъ мягкій шорохъ
И ясную лазурь,
Я не любилъ, любуясь нивой,
Ни темныхъ тучъ, ни бурь...
Но налетѣла туча съ градомъ,
Шумитъ-гремитъ во мглѣ;
И я съ колосьями, какъ колосъ,
Прибитъ къ сырой землѣ...
Къ сырой землѣ прибитъ—и стыну,
Холодный и нѣмой,
И ужь не все ль равно мнѣ—солнце
Иль туча надо мной!?

---

*
* *

Глаза и умъ, и вся блестишь ты,
Невзгодъ житейскихъ далека...
И, молча, взорамъ говоришь ты,
Какъ ночью пламень маяка...
Но я, пловецъ,—завидя пламень,
Своимъ спасеньемъ дорожу,
И, обходя подводный камень,
Отъ блеска дальше ухожу...
Вотъ, еслибъ я волной былъ шумной—
Вѣтрамъ послушною волной,
Съ какой бы страстью вольнодумной
Примчался я къ твоимъ стопамъ,
Чтобъ хоть на малое мгновенье
Взыграть, разбиться и—слезамъ
Давъ волю,—выплакать забвенье
Своимъ безумствамъ и страстямъ.

---

*
* *

Я умеръ, и мой духъ умчался въ тотъ эѳиръ,
Что́ сотканъ звѣздными лучами;
Я не могу къ тебѣ вернуться въ пыльный міръ,
Съ его порокомъ и цѣпями.

Прощай! Ты слышишь дня однообразный гулъ,
И для тебя онъ скучно-свѣтелъ;
Но день твой предо мной какъ молнія мелькнулъ,
И въ немъ тебя я не замѣтилъ.

Ты видишь, ночи тѣнь идетъ на смѣну дня;
Но я твоей не вижу ночи;
Какое жь дѣло мнѣ, ты любишь ли меня
Или другому смотришь въ очи...

Я на землѣ постигъ измѣнчивость страстей:
Смерть погасила жаръ недужный...
Не бойся жь ревности и не проси моей
Взаимности, тебѣ не нужной...

Двадцать девятое января 1783—1883 г.

Двѣ музы на пути его сопровождали:
Одна—какъ бы ночнымъ туманомъ повита,
Съ слезою для любви, съ усладой для печали,
Была вѣрна, какъ смерть,—прекрасна, какъ мечта;

Другая—свѣтлая,—покровы обличали
Въ ней дѣвы стройный станъ; на мраморѣ чела
Темнѣлъ пахучій лавръ; ея глаза сіяли
Земнымъ безсмертіемъ—она съ Олимпа шла.

Одна—склонила путь, пѣвца сопровождая
Въ предѣлъ, куда ведетъ гробницъ глухая дверь,
И, райскій голосъ свой изъ вѣчности роняя,
Поетъ родной душѣ: «благоговѣй и вѣрь!»

Другая—дочь боговъ, восторгомъ пламенѣя,
Къ Олимпу вознеслась, и будетъ къ намъ слетать,
Чтобъ лавръ Жуковскаго задумчиво вплетать
Въ вѣнокъ пѣвца скорбей безсмертныхъ Одиссея.

Вечерніе огни.

Посвящено А. А. Фету.

Уходитъ пестрый день и, тѣша смертныхъ очи,
Горитъ на западѣ зарею золотой;
Кой-гдѣ румянится тѣней сгущенный рой,
И бездна яркихъ звѣздъ плыветъ надъ бездной ночи...
Вотъ-вотъ они—
О, Господи! твои вечерніе огни!..

Столицы дремлющей тяжелые фасады
Слѣпыми окнами глядятъ со всѣхъ сторонъ:—
Кой-гдѣ голодному блестящій снится сонъ,
Кой-гдѣ для слезъ любви еще горятъ лампады...
Вотъ-вотъ они,—
О, Господи! твои вечерніе огни!..

На склонѣ скорбныхъ дней, еще глаза поэта
Сквозь бездну зла и лжи провидятъ красоту;
Еще душа таитъ горячую мечту
И вдохновеніе—послѣдній проблескъ свѣта...
Вотъ-вотъ они,—
О, Господи! твои вечерніе огни!..

Когда земной кумиръ окажется химерой,
И въ міръ, гдѣ нѣкогда лилась людская кровь,
Сойдетъ сіять и грѣть небесная любовь,
Все человѣчество, быть можетъ, скажетъ съ вѣрой:
Вотъ-вотъ они,—
О, Господи! твои вечерніе огни!..

Мартъ. 1883.

На искусѣ.

Какъ промаюсь я, службы всѣ выстою,
Да уйду на ночь въ келью свою,
Да лампадку, предъ Дѣвой Пречистою,
Засвѣтивъ, на молитвѣ стою...

Я поклоны творю предъ иконою
И не слышу, какъ сладко поютъ
Соловьи, за рѣшеткой оконною,
Въ томъ саду, гдѣ жасмины цвѣтутъ...

Но, когда, послѣ долгаго бдѣнія,
Я на одръ мой ложусь—на меня,
Сладострастіемъ вѣя, видѣнія
Прошлой жизни встаютъ ярче дня.

Замыкаю ль рѣсницы усталыя,—
Я тону въ безднѣ сладостныхъ грезъ:
Все-то вижу глаза ея впалые...
Плечи блѣдныя... волны волосъ...

Начинаю ль дремать—тяжко дышится,—
Я безумца въ себѣ узнаю;
Мнѣ сквозь сонъ ея жалоба слышится
На безпутную юность мою...

И въ слезахъ призывая Спасителя,
Крикъ ребенка я слышу—и въ немъ—
Въ сиротѣ, чую вѣчнаго мстителя
За любовь, что покрылъ я стыдомъ ..

И нѣтъ силъ одолѣть искушеніе!
Забывая молитву мою,
У погибшей прошу я прощеніе,
Передъ ней на колѣняхъ стою...

*
* *

Онъ человѣкъ былъ—и за правду распинался;
Но свѣтъ бездушный на него
Глядѣлъ, какъ на врага покоя своего,
И понимать его боялся...
И вѣсть пришла: велѣлъ онъ долго жить...
И свѣтъ не сталъ по немъ тужить.

Но тысячи вѣковъ пройдутъ, какъ сонъ мгновенный,
И если, въ свѣтъ уже иной,—
Къ нему, въ предѣлъ духовъ, съ эѳирною волной,
Домчится вѣсть изъ безднъ вселенной,
Что и земля «велѣла долго жить»...
Не станетъ онъ по ней тужить...

Московскимъ торгашамъ.

Уже не за горой тотъ день, когда нашъ Царь
Предстанетъ, какъ женихъ Россіи, предъ алтарь,
И сочетаетъ съ ней судьбу свою и славу,
И дастъ Творцу обѣтъ блюсти свою державу
И царствовать на страхъ ея врагамъ,
На радость доблести, на помощь бѣднякамъ,
На то, чтобъ быть грозой неправды и стяжанья...
День, вожделѣнный день уже не за горой...
Всѣ озабочены счастливой суетой,
Я тоже, и—пишу къ вамъ братское посланье:

Молитесь, торгаши, чтобъ Царь-Царей съ небесъ
Благословилъ Его и ваше достоянье...
Чтобъ не попуталъ васъ корысти хитрый бѣсъ,
Чтобъ вы въ священный день народнаго восторга
Забыли навсегда безбожный лозунгъ торга
—«Драть съ мертвыхъ и живыхъ»...Чтобъ ради торжества,
Вы доказали намъ, что честное служенье
Царю, Отечеству... и самоотверженье
Для васъ не суть одни слова, слова, слова,
Что христіане вы, что Русь должна вамъ вѣрить,
Что неспособны вы открыто лицемѣрить,
Что общей радости, въ стѣнахъ родной Москвы,
Всечасно отравлять не захотите вы
Своекорыстія постыднымъ побужденьемъ;
Что вы не станете съ злорадным ухищреньемъ
Во имя праздниковъ карманъ свой набивать,
Иль, всѣхъ прижавъ къ стѣнѣ, неправедной и ложной
Наживою, въ Москвѣ голодныхъ распложать
И съ бѣдняковъ тянуть такую дань, которой
Татарская орда и та бы не взяла.
Нѣтъ, вы не будете виновниками зла
Въ тѣ дни, когда душа для радости открыта
И всяческая ложь должна быть позабыта.—
Не вѣрю толкамъ я газетнаго пера...
Не вѣрю и молвѣ, пока еще московской.
Нѣтъ, вы народъ далеко не таковскій,
Чтобъ только выгодѣ одной кричать: ура!

2 мая 1883 г.

27 сентября 1883 года.

(У гроба Тургенева).

Онъ не нуждается ни въ лаврахъ, ни въ цвѣтахъ,
И ѳиміамъ земли недужной и растлѣнной
Не долетитъ къ тому, кто въ страшныхъ глубинахъ
Вселенной ищетъ путь къ Источнику вселенной.
Нѣтъ, бюсты и вѣнки и этотъ ѳиміамъ
Не намъ и не его благословенной тѣни,
А родинѣ—за то, что подарила намъ
Истолкователя трехъ нашихъ поколѣній,
Поэта русскихъ думъ,—за то тепло и свѣтъ,
Что пролилъ намъ въ сердца ея вѣщунъ—поэтъ.

Не намъ и не ему сей ѳиміамъ пахучій,
Цвѣты и лавры... Нѣтъ! Пусть эти всѣ цвѣты
Отчизна милая вплететъ въ свой тернъ колючій,
Чтобъ обновить свои надежды и мечты.
Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольно
Какъ бы въ одну семью соединяетъ насъ,
Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ—
А потому, что Русь какъ бы себя вѣнчаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго теряетъ.

Умирающій.

Любилъ онъ книги, но и грубыми дѣлами
Не брезгая, шагалъ въ одномъ ряду съ дѣльцами.
Враги, которымъ онъ порой лукаво льстилъ,
За злой языкъ его преслѣдовать не смѣли;
Любя, какъ эгоистъ, онъ женщинъ не щадилъ,
И женщины предъ нимъ благоговѣли.
Не вѣрилъ я въ его возвышенныя цѣли,
Но въ немъ еще кипѣлъ остатокъ юныхъ силъ
И подкупалъ меня... Какъ вдругъ его сразилъ
Мучительный недугъ.—Заставъ его въ постели,
Я не узналъ его цвѣтущаго лица:
Съ него сбѣжали жизни краски,
Оно, какъ блѣдное подобье маски
Изъ алебастра, снятой съ мертвеца,
Не улыбалось... Долго сидя
Глядѣлъ я и молчалъ, конецъ его предвидя.
— «Прости,—коснувшись до его руки,
Сказалъ я,—можетъ быть, тебя я безпокою...
Распоряжайся мной!..» Все это пустяки!
Промолвилъ онъ, пошевеливъ рукою.—
Я снова замолчалъ. Такъ иногда молчатъ,
Когда, въ день горестной утраты,
Глядятъ на солнечный закатъ.
Да что и говорить, когда не говорится!..
Когда жь я всталъ, чтобъ съ нимъ по-дружески проститься,
Онъ на меня глазами покосилъ,
И острый блескъ его загадочнаго взгляда

Остановилъ, смутилъ меня.—Не надо...
Не уходи... Не будь такъ приторно унылъ,
Сказалъ онъ.—Я, братъ, умираю,
Ну, что жь! кому жалѣть!—Не покидаю
Ни славы, ни потомства, ни жены...
Я знаю, что мои минуты сочтены—
И... вѣришь ли?—не то, что апатиченъ,
А тихъ, спокоенъ. Боль моя съ утра
Затихла, и могу я мыслить,—а вчера
До жалости я былъ трусливъ и неприличенъ,—
Какъ малое дитя стоналъ,
Визжалъ, какъ звѣрь въ тискахъ, и корчился отъ боли.
Теперь я размышляю и, хоть слабъ,
Хочу рѣшить вопросъ: свободенъ я иль рабъ?—
И, если рабъ, то у кого въ неволѣ?
Кто былъ вчера моимъ бездушнымъ палачемъ?
Увы! такой вопросъ меня не безпокоилъ
Въ тѣ дни, когда я былъ здоровымъ молодцомъ,
И, чтобъ натѣшиться любовью—куры строилъ;
Теперь онъ сталъ зерномъ моихъ предсмертныхъ думъ,
И вотъ какой отвѣтъ мутитъ мой слабый умъ:
Палачъ, что подвергалъ меня колотью
И жегъ, и рвалъ меня, и мучилъ, какъ злодѣй,
Былъ то, что всѣ мы называемъ плотью—
Сплетеньемъ мускуловъ, жилъ, мяса и костей—
И вотъ, та плоть, которую я холилъ
И услаждать себя неволилъ,
И почиталъ единосущнымъ съ «я»,
Началомъ и концомъ земного бытія,—
Та плоть, которую любилъ я,—повалила
Меня, какъ лютый звѣрь, какъ жертву прикрутила
Къ постели и заставила стонать...
Заклятому врагу не дай Богъ испытать

Того, что испыталъ я!—Ужасы сраженья,
Судъ инквизиціи, казнь, пытки, заточенье—
Мнѣ кажется... я могъ бы ихъ назвать
Такими же болѣзнями... Тамъ дѣло
Чужихъ, жестокости послушныхъ рукъ,—а тутъ
Жестокость собственнаго тѣла!
Поймешь ли ты меня, иль нѣтъ,
Но думать такъ невольно учитъ
То, что́ меня безбожно мучитъ
И повергаетъ въ полубредъ.
Мы всѣ проточный путь матеріальныхъ
Частицъ, тѣснящихся кругомъ.
Мы заставляемъ ихъ участвовать въ своемъ
Стремленьи созидать міръ мыслей идеальныхъ,
Минутныхъ радостей и думъ всегда печальныхъ.
А имъ не все ль равно—я геній иль дуракъ,
Лакей иль властелинъ, богачъ или бѣднякъ,—
Тревожусь, радуюсь, блаженствую иль плачу!
Для нихъ я ровно ничего не значу;—
Онѣ не я, во мнѣ имъ нужды нѣтъ.
И я, когда придетъ мгновенье расквитаться
Съ земной природою—не буду въ нихъ нуждаться,
Какъ не нуждается въ движеньи тѣни свѣтъ.
— Прощай! Уже враги невѣдомаго духа,
Ничтожные, какъ прахъ, опасные, какъ ядъ,
Проникли въ кровь мою, внѣдряются, спѣшатъ
Хозяйничать... Негодные для слуха,—
Непризванные помогать
Мнѣ звуками природу наполнять,—
Негодные къ тому, чтобъ я—источникъ зрѣнья,
Съ ихъ помощью, въ цвѣта преображать
Могъ невѣсомаго эѳира сотрясенья,—

Случайные враги пока еще живыхъ,
Присущихъ мнѣ, частицъ, освобождаютъ ихъ
То медленно, то быстро и всецѣло
Отъ подневольной службы въ пользу тѣла;
И глохнетъ, слѣпнетъ и страдаетъ то,
Что для однихъ—душа, а для другихъ—ничто.
Такъ, собственнаго разложенья
Свидѣтель,—я гляжу на всѣ свои мученья.
Какъ на слѣпое, роковое мщенье
Стихійныхъ, вѣчныхъ силъ,—за то, что я живу
Во времени и жить ихъ заставляю;
За то, что въ призраки влюбленный,—наяву
Я эти призраки обнять желаю;
За то, что всѣ мы—жалкіе рабы,
Рабы безчувственной природы,
Рабы измѣнчивой судьбы,
Рабы измышленной свободы
И плоти собственной рабы;
За то, что съ дѣтства до порога
Могилы, мы дышать не можемъ безъ оковъ...
Не мнилъ я быть рабомъ у Бога
И сталъ рабомъ Его рабовъ...
— Не возражай! Мнѣ это напѣваетъ
Та смерть, которая меня освобождаетъ.
Блаженъ, кто вѣритъ до конца,
Кого не тѣшитъ временная слава,
И чья любовь ко всѣмъ даетъ святое право
Сказать:—«Я сынъ Небеснаго Отца»...
Но я не изъ числа блаженныхъ:
Униженныхъ и оскорбленныхъ
Я братьями своими не считалъ;
По-рабски тѣшился, по-рабски и страдалъ...

Тутъ, приподнявъ свои худыя плечи,
Скрестилъ онъ пальцы рукъ, замолкъ и опустилъ
Рѣсницы. Признаюсь, меня онъ изумилъ:
Не ждалъ я отъ него такой мудреной рѣчи.
И странно было мнѣ, что онъ не проронилъ
Ни слова о дѣлахъ, ни слова о несчастной,
Что стала жертвою молвы
По милости его настойчивости страстной,
Ни слова о родныхъ, товарищахъ.. Увы!
Смерть, вѣя холодомъ, въ лицо ему глядѣла
И обезцвѣчивала все,
Что грѣетъ, чѣмъ свѣтло земное бытіе.

1884.

Сбѣжавшая больная.

Стонетъ, мечется малютка...
Душно ей, въ подушкахъ жарко—
Вьются тѣни надъ свѣтильней
Догорѣвшаго огарка.

Мама спитъ и, со слезою
На глазу, не замѣчаетъ,
Какъ въ окошко синимъ блескомъ
Ночь таинственно мерцаетъ...

Какъ ея больная дочка
Привстаетъ—глядитъ—не знаетъ,
Ночь ли ей въ окно мигаетъ,
Или дерево киваетъ?

Вотъ, она съ своей постельки
Поднялась,—и черезъ сѣни
Пробирается украдкой
Въ сумракъ сада, легче тѣни...

Жаръ, знобитъ, она чуть дышитъ...
Губки сухи—ножки босы—
До локтей висятъ густыя,
Растрепавшіяся косы...

Вотъ, она цѣлуетъ розу—
Вотъ, впивая запахъ тонкій,
Жадно ловитъ вѣтвь сирени
Ослабѣвшею рученкой...

И ей кажется, растенья
Ей лепечутъ: «Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею!..»

И закинувши головку,
Вверхъ глядитъ она, нѣмая;
Видитъ: по небу дорожка
Пролегаетъ золотая...

И плывутъ по той дорожкѣ
Звѣзды съ ясными очами,
И мигаютъ ей, и машутъ
Золотыми вѣерами...

И ей кажется, тѣ звѣзды
Ей лепечутъ: «Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею.

Къ намъ!».. И звѣзды улыбнулись,
И она имъ улыбнулась,
И лучисто-золотая
Къ ней дорожка протянулась.

И бѣжитъ, бѣжитъ малютка
Къ тѣмъ звѣздамъ по той дорожкѣ
И не чувствуетъ, какъ стынутъ
Подкосившіяся ножки...

И ужь врядъ ли скажетъ людямъ,
Гдѣ,—куда ушла...
Не дышитъ,
И—какъ мама ищетъ, кличетъ,
Какъ кричитъ надъ ней—не слышитъ.

---

*
* *

То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну
Крутясь, шаръ земли погружаетъ меня:
Питаютъ, пытаютъ мой разумъ и вѣру
То призраки ночи, то призраки дня.
Не вѣрю я мраку, не вѣрю и свѣту,
Они—грезы духа, въ нихъ ложь и обманъ...
О, вѣчная правда, откройся поэту,
Отвѣй отъ него разноцвѣтный туманъ,
Чтобъ могъ онъ, великій, въ сознаньи обмана,
Ничтожный, какъ всплескъ посреди океана,
Постичь, какъ сливаются вѣчность и мигъ,
И сердцемъ проникнуть въ Святая Святыхъ.

Мартъ. 1884.

Струйка.

По сточной трубѣ, пробираясь, сбѣжала
Змѣистая струйка за валъ городской.
За валомъ, по камешкамъ, чище кристала,
Катился въ долину потокъ ключевой.
И стала та струйка, къ нему припадая,
Роптать, лепетать: я такая-сякая...
Не мало на людяхъ намаялась я:
Извѣдала все, даже горечь проклятій—
Прими ты меня, и клянусь, изъ объятій
Твоихъ никогда ужь не вырвуся я.
Недаромъ такъ долго, такъ жарко, подъ сѣнью
Тѣхъ стѣнъ, гдѣ гнѣздится безстыдный порокъ,
Мечтала я плыть—плыть съ тобой по теченью,
Куда бы ни текъ ты и гдѣ бы ни текъ!..
И, съ лепетомъ страсти, онъ обнялъ своею
Порывистой лаской бѣглянку струю,
И дальше потекъ онъ, отравленный ею,
Журчитъ и разноситъ отраву свою...

1884.

Ночью.

Чу, соловьи!.. Звѣзды имъ улыбаются,
Тѣни имъ шепчутъ привѣтъ,
Радужнымъ роемъ въ душѣ просыпаются
Грезы утраченныхъ лѣтъ.

Дышитъ тепломъ эта ночка весенняя,
Вкрадчиво пахнетъ сирень.
Спи, братъ! чтобъ могъ ты во снѣ откровеннѣе
Бредить, чѣмъ въ суетный день,
Суетный день былъ врагомъ поздней нѣжности,
Поздней надежды и слезъ.
Спи, милый другъ, чтобъ не знать безнадежности
И не осмѣивать грезъ!..

1884.

Видѣніе Османа.

Отъ ужаса и ранъ очнулся я въ раю:
Въ раю разостланъ былъ коверъ, какъ шаль узорный,
И на него склонилъ я голову мою,
Отдавшись ласкамъ дѣвъ и страсти непритворной...
У нашихъ ногъ фонтанъ вздымалъ свои струи,—
Въ алмазы, въ бисеръ, въ пыль струи тѣ разсыпались;
Прохладой вѣяло, и радуги качались
Въ ароматической, серебряной пыли;
Деревья райскія, тѣнисты, плодовиты,
Росли, какъ острова, ліанами повиты,
И приглашали насъ въ таинственную сѣнь,
Любовью услаждать божественную лѣнь...
Въ кіоскахъ для мужей, воителей избранныхъ,
Стояли въ чашахъ рисъ, соты, плоды, шербетъ;
Ихъ подносили намъ въ одеждахъ легкотканныхъ
Красавицы, какихъ у насъ въ Стамбулѣ нѣтъ.
Такъ, полный свѣтлыхъ грезъ, могъ созерцать я окомъ
Все то, что было мнѣ обѣщано Пророкомъ.

Погибшіе въ бою отъ стали, отъ свинца,
Блаженству своему ни мѣры, ни конца
Мы не предвидѣли—намъ вѣчность улыбалась!....
Но испытаніе намъ ниспослалъ Алла:
Вдругъ, точно сумерки настали, полумгла,
Какъ дымка темная, завѣсила нашъ ясный,
Сапфирный неба сводъ, и нашъ эдемскій день—
Нашъ незакатный день, померкъ, какъ день ненастный:
Къ намъ двигалась не ночь, а грозовая тѣнь...
Мы, вверхъ поднявъ глаза, стояли и глядѣли,
И всѣ отъ ужаса какъ бы оцѣпенѣли.
Какъ бурныхъ, сѣрыхъ тучъ воздушный караванъ,
Неслось къ намъ полчище погибшихъ христіанъ.
Богъ вѣсть куда, зачѣмъ, сцѣпясь, они летѣли,
Безъ крылъ, безъ покрывалъ, и сладкогласно пѣли.
И стали различать мы вражьи ихъ тѣла,
Съ слѣдами отъ огня, желѣза и кола.
И увидали мы—прижатыя руками
Женъ опозоренныхъ и голыхъ матерей,
Къ сосцамъ ихъ, блѣдныя тѣла грудныхъ дѣтей,
И тощихъ стариковъ, съ сѣдыми волосами,
Исполосованныхъ кровавыми рубцами,
И юношей еще звенящихъ кандалами,
И сотни, тысячи изъ нихъ, на рамена
Взваливъ громадный крестъ, несли его, тащили...
Намъ высота креста была едва видна,
Сквозь вихрь поднявшейся сухой листвы и пыли,
Тогда какъ нижній край его, влачась, какъ плугъ,
И почву бороздя, все колебалъ вокругъ,
Кіоски падали, струи фонтановъ били,
Какъ будто буря ихъ хотѣла слить въ потокъ,
И дѣва-гурія поблекла, какъ цвѣтокъ
На хрупкомъ стебелькѣ, который надломили.

И возропталъ я: «О, Алла! гдѣ твой пророкъ?
«Сражались мы какъ львы,—гяуры побѣдили.
«Алла! Они свой крестъ протащутъ на Востокъ
«И разорятъ твой рай!..»

Но тутъ я вдругъ очнулся,
Привсталъ и простоналъ, и въ страхѣ оглянулся,
И вижу: мгла кругомъ; на сломанный лафетъ,
На трупы, на кусты чуть брежжетъ лунный свѣтъ;
Съ горы ползетъ туманъ; на мѣстѣ страшной схватки,
Гяуровъ, какъ стада, походныя палатки
Тѣснясь бѣлѣются, далеко вдоль рѣки.
Кой-гдѣ зловѣщіе мелькаютъ огоньки...
Прощай, мой свѣтлый рай! Еще мои страданья
Не кончились! Но ты, духъ смерти Азраилъ!..
Я чувствую розмахъ твоихъ холодныхъ крылъ...
Спѣши, неси меня въ страну очарованья,
Опять на тѣ ковры, къ той гуріи, въ ту сѣнь,
Гдѣ нѣжитъ и царитъ божественная лѣнь!

Холодная любовь.

Когда, заботами иль злобой дня волнуемъ,
На твой горячій поцѣлуй
Не отвѣчаю я такимъ же поцѣлуемъ,—
Не упрекай и не ревнуй.

* *
*

Любовь моя давно чужда мечты веселой—
Не грезитъ, но за то не спитъ,
Отъ нуждъ и золъ тебя спасая, какъ тяжелый,
Ударами избитый щитъ.

* * *

Не измѣню тебѣ, какъ старая кольчуга
На старой рыцарской груди:
Въ дни безпрерывныхъ битвъ она вѣрнѣе друга,
Но—отъ нея тепла не жди.

* * *

Не измѣню тебѣ; но, если ты измѣнишь,
И, оклеветанная, вновь
Поймешь, какъ трудно жить... Ты вспомнишь, ты оцѣнишь
Мою холодную любовь.

Старикъ.

Старикъ, онъ шелъ кряхтя, съ трудомъ одолѣвая
Ступеньки лѣстницы крутой,
А чудо-дѣвушка, на верхъ за нимъ взбѣгая,
Казалось, вѣяла весной.
Пронесся легкій шумъ шаговъ и вѣтеръ складокъ
И длинный локона извивъ...
О, какъ тогда себѣ онъ показался гадокъ,
Тяжелъ, ненуженъ и ворчливъ.

Вздохнувъ, поникъ старикъ, годами удрученный;
Она жь исчезла вдругъ за дверью растворенной,
Какъ призракъ, смѣющій любить,
Какъ призракъ красоты, судьбой приговоренной
Безжалостно любимымъ быть.
Постой, красавица! Жизнь и тебя научитъ
Кряхтѣть и ныть, чтобъ кто-нибудь
Могъ перегнать тебя, когда тебя измучитъ
Крутой подъемъ—житейскій путь!..

Май. 1884.

---

*
* *

Съ колыбели мы, какъ дѣти,
Вплоть до смертнаго одра,
Ждемъ любви, свободы, славы,
Счастья, правды и добра.
Но въ любви мы пьемъ отраву,
Но свободу продаемъ,
Клеветой марая славу,
Мы добро вѣнчаемъ зломъ.
Счастьемъ вѣчно недовольны,
Правдой вѣчно смущены,
Въ тишину мы просимъ бури,
Въ бурю просимъ тишины.

1884.

Аллегорія.

Я ѣду... Мракъ меня гнететъ,
И въ ночь гляжу я... Огонекъ
Навстрѣчу мнѣ то вдругъ мелькнетъ,
То вдругъ,—какъ будто вѣтерокъ
Его задуетъ—пропадетъ...
Ужь тамъ не станція ли ждетъ
Меня въ свой тѣсный уголокъ?..

Ну, что жь! Я знаю напередъ:
Возница слѣзетъ съ облучка
И клячъ усталыхъ отпряжетъ,
И, при мерцаньи ночника,
Въ сырой покой меня сведетъ
И скажетъ: лягъ, родной мой, вотъ
Досчатый одръ—засни пока...

А ну, какъ я, презрѣвъ покой,
Не захочу, не лягу спать,
И крикну: живо, хрычъ сѣдой!
Вели мнѣ лошадей мѣнять!..
Да слушай ты: впряги не клячъ—
Лихихъ коней, чтобъ могъ я вскачь
Опередившихъ насъ догнать!..

Чтобъ могъ прижать я къ сердцу вновь
Все, что впередъ умчалъ злой рокъ:
Свободу, молодость, любовь...
Чтобъ загорѣвшійся востокъ
Открылъ мнѣ даль, — чтобъ новый день
Разсѣялъ этой ночи тѣнь,
Не такъ, какъ этотъ огонекъ!..

1885.

На каланчѣ.

I.

Вотъ, глаза протеръ пожарный,
Въ фонарѣ зажегъ свѣчу,
И на смѣну, въ ночь глухую,
Лѣзетъ вверхъ на каланчу:
Смотритъ—города не видно,—
Влажный стелется туманъ—
Непрогляднаго тумана
Необъятный океанъ...
Тонутъ въ немъ верхушки зданій,
Тонутъ куполы церквей,
И, теряя блескъ свой, тонутъ
Огоньки отъ фонарей.
Ничего вдали не видно,
Въ этой сѣрой темнотѣ,
Онъ одинъ стоитъ и дрогнетъ
На холодной высотѣ;
Онъ одинъ, никѣмъ не зримый,
Озирается кругомъ:
Вдругъ, онъ видитъ, край тумана
Алымъ свѣтится пятномъ.

* *
*

Не начало ли пожара
Такъ обманываетъ взоръ?
Или это за рѣкою
Рыбаки зажгли костеръ?—
Или, попросту, на свадьбѣ
Гдѣ-нибудь, за слободой,

Гости пьяные боченокъ
Запалили смоляной?
Если жь это близко гдѣ-то
Разгорается пожаръ—
Не слыхать ли гдѣ набата?
Не проснулся ли базаръ!?

* *
*

И колеблется пожарный,
И не знаетъ, что начать:
Подавать сигналъ къ тревогѣ
Или—вѣрнѣй,—не подавать?
Разбудить звонкомъ команду
Иль дать ужь ей покой?..
Такъ въ туманъ глядитъ и труситъ
Подневольный часовой.

. . . . . .

II.

Давно пожарный смѣны ждетъ;
Морозъ знобитъ его и жжетъ;
Прижавшись къ стѣнкѣ, недвижимъ,
Онъ на вѣтру стоитъ; предъ нимъ
Снѣжинки пляшутъ, съ высоты
По временамъ онъ въ ночь глядитъ,
Туда гдѣ городъ глухо спитъ,
И словно теплятся кресты
Кой-гдѣ бѣлѣющихъ церквей
Въ сіяньи мѣсячныхъ лучей.
И хоть закутана въ башлыкъ
Его больная голова,
Озябъ онъ, съежился, поникъ,
Забиты руки въ рукава,

Не видитъ онъ, какъ млечный путь
Мерцаетъ пылью звѣздной;—грудь
Его чуть дышитъ; до бровей
Паръ вьется изъ его ноздрей,
И, старческихъ сѣдинъ бѣлѣй,
Заиндевѣли волоса...
И вдругъ, сквозь этотъ зимній паръ,
Онъ слушаетъ—поетъ комаръ
Надъ ухомъ... Что за чудеса!!
Іюльскій день—іюльскій жаръ...
Онъ и усталъ, и возбужденъ
Дыханьемъ юга... Передъ нимъ
Степной просторъ—и, какъ сквозь дымъ,
Синѣетъ знойный небосклонъ;
И облака съ родныхъ полей,
Какъ клочья пряди золотой,
Летятъ разорванной каймой;
И ходятъ полосы тѣней
Надъ пышной нивой, волны ржи
Плывутъ, шуршатъ, и вдоль межи
Идетъ онъ, радостный; знакомъ
Ему и лѣсъ тотъ, за холмомъ,
И даже эти васильки,
Которыхъ синіе глазки
Ему мигаютъ...
Боже мой!
Какъ радъ онъ, что идетъ домой!—
Что онъ въ живыхъ застанетъ мать,—
Что вмѣстѣ съ Дуней собирать
Грибы пойдетъ онъ въ темный лѣсъ,
Туда, гдѣ ихъ попуталъ бѣсъ—
Гдѣ ихъ вѣнчала темнота
Вокругъ ракитова куста.

Лѣсъ тонетъ въ утренней росѣ,
Листокъ прильнулъ къ ея косѣ,
А къ обнаженному плечу
Прижался папоротникъ... Чу!
Встрѣчая розовый восходъ,
Въ кустахъ малиновка поетъ...
И слышится, какъ бы сквозь сонъ
Къ нему несется, съ вѣтеркомъ,
Къ заутрени далекій звонъ,
И этотъ звонъ ему знакомъ...
И онъ проснуться хочетъ; но
Глаза слипаются.—Давно
По *ней* тоскуетъ онъ...
. . . . . и вотъ,
Въ лучахъ зари, она идетъ,
Подъ коромысломъ, избочась,
И всю, отъ головы до ногъ,
Ее теребитъ вѣтерокъ,
Должно быть вышла въ добрый часъ...
Посмѣиваясь, босикомъ,
Къ водѣ идетъ она лѣскомъ,
Сухіе листья шелестятъ,
Въ травѣ кузнечики трещатъ.
И вотъ, уже въ струяхъ ручья
Колышется ея бадья,
И льются свѣтлыя струи
На дно опущенной бадьи...
А тамъ, костеръ и котелокъ
И ужь проносится дымокъ
Изъ-за ветлы, гдѣ бережокъ,
Гдѣ сѣно, свѣжесть и покой.

. . . . . .

Домой, домой, скорѣй домой!..

И тихо догораетъ въ немъ
Пожаръ души его; онъ спитъ
И ужь не видитъ, что кругомъ
Его творится: съ вышины
Морозной не увидитъ онъ
Пожара.—Въ непробудный сонъ
Слились мечты его и сны.
Бѣдняга! въ смерть свою влюбленъ!

III.

Въ пыли, гремя по мостовой,
Несутся бочки за водой,
Народъ шумитъ, народъ бѣжитъ,
А онъ, солдатъ сторожевой
На каланчѣ своей стоитъ:
Онъ первый увидалъ пожаръ,
Онъ выкинулъ сигнальный шаръ,
И видитъ, какъ пылаетъ домъ,
Гдѣ онъ видается тайкомъ
Съ той молодицей, что пришла
Къ нему изъ дальняго села,
Съ истомой блѣдной на щекахъ,
Съ грудным младенцемъ на рукахъ.
Тамъ, за постелью, на полу,
Есть сундучекъ одинъ въ углу,
Желѣзомъ онъ обитъ кругомъ,
Висячимъ запертъ онъ замкомъ;
Въ томъ сундучкѣ схоронена
Его грошевая казна...
И все, что было ей не лѣнь
Скопить себѣ на черный день...
Погибло или спасено?
И вотъ, ужь въ нижнее окно

Проникло пламя—валитъ дымъ—
А онъ глядитъ, тоской томимъ,
И легче быть ему въ огнѣ,
Иль, жертвуя собой, спасать,
Чѣмъ такъ стоять, стоять, стоять
На безопасной вышинѣ.

За своевременный сигналъ
(Хотя бы городъ ты спасалъ)
Никто тебя благодарить
Не станетъ—даже, можетъ быть,
Тебя и не замѣтятъ, братъ;
И тутъ никто не виноватъ:—
И чернь слѣпа, и высока
Та вышка, гдѣ тебя судьба
Поставила... И не легка
Твоя задача—та борьба
Страстей и долга... Но пока
Тебя не смѣнитъ кто-нибудь,
На высотѣ своей побудь...

1885.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) **Бакальщикъ**—продавецъ фруктовъ.

2) **Чуха**—часть одежды, рубаха.

3) **Хабарда**—посторонись; поди-поди;—крикъ тифлисскихъ извозчиковъ.

4) Въ Кахетіи, какъ и въ другихъ Закавказскихъ провинціяхъ, есть обыкновеніе окрашивать хиной усы и бороду—обычай, заимствованный отъ персовъ.

5) **Муша**—нанимающійся переносить тяжести. Безъ мушей въ Тифлисѣ не обходится ни одного перехода съ квартиры на квартиру, ни одного базара.

6) **Подкоши**—башмаки безъ задковъ.

7) **Майданъ**—татарская базарная площадь.

8) **Метехъ**—небольшое укрѣпленіе, построенное при Главноуправляющемъ въ Грузіи, А. П. Ермоловѣ. Метехъ стоитъ надъ Курою, на краю береговой скалы и господствуетъ надъ городомъ. Въ началѣ XVII стотѣтія здѣсь былъ дворецъ царя Арчила, имъ покинутый и потомъ занятый турками.

9) **Сарбазы**—персидскіе солдаты, гарнизонъ.

10) **Нацвалъ**—деревенскій староста.

11) **Чингури**—музыкальный инструментъ съ четырьмя, а иногда съ пятью металлическими струнами, по которымъ играютъ однимъ пальцемъ, надѣвая на него искусственный костяной ноготь. Чингури такой же общеупотребительный инструментъ въ Закавказьѣ, какъ въ Россіи балалайка.

12) **Кунжутъ**—растеніе.

13) **Азарпеша**—серебряная или золотая съ рукояткой чаша, необходимая принадлежность грузинскихъ обѣдовъ; азарпешу передаютъ изъ рукъ въ руки по приговору **тулумбаша**, или начальника попойки, избраннаго гостями. Обыкновенно, каждый долженъ пить за здоровье каждаго, т. е. столько разъ, сколько присутствующихъ.

14) Національный танецъ **лезгинка** всегда сопровождается мѣрнымъ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ. На сельскихъ праздникахъ, по большей части вдвоемъ, пляшутъ дѣвушки; когда устанутъ, выбираютъ изъ кружка своихъ подругъ двухъ другихъ и, съ поклонами, просятъ ихъ на средину круга.

Бичо! мальчикъ,—звательный падежъ грузинскаго **бичи**, употребляемаго здѣсь русскими во всѣхъ падежахъ.

15) **Катиба**, родъ полушубка съ длинными, откидными рукавами. Въ Грузіи не только въ городахъ, но и въ деревняхъ случается встрѣчать женщинъ въ атласѣ и бархатѣ.

16) **Авлабаръ**, часть города Тифлиса на лѣвомъ берегу Куры.

17) **Сазандаръ**—пѣвецъ.

18) **Саллалаки**—также часть Тифлиса, юго-западная оконечность его, расположенная въ Саллалакскомъ ущельѣ. До сихъ поръ Саллалаки имѣютъ видъ аула и необыкновенно живописны. Нагорный Саллалакскій ключъ, перебѣгающій новую дорогу въ Коджоры, рваную порохомъ, есть единственный источникъ, наполняющій посредствомъ канавъ и трубъ бассейны и орошающій сады этой части города.

19) **Личакъ**—лучшая принадлежность женскаго головного убора въ Грузіи. Личакъ—родъ вуали, которая постоянно откинута назадъ и виситъ безчисленными складками гораздо ниже пояса; при малѣйшемъ вѣтрѣ онъ волнуется, такъ какъ обыкновенно бываетъ тюлевый, иногда вышитый бѣлымъ шелкомъ, иногда усѣянный серебряными звѣздочками. Пожилыя женщины уже перестаютъ носить личакъ.

20) Знаменитый Алавердскій праздникъ въ Кахетіи, бываетъ 14 сентября.

21) **Царь Вахтангъ**—грузинскій лѣтописецъ.

22) **Тамара**—въ Имеретіи много развалинъ, которыя носятъ имя знаменитой царицы. Развалины дворца ея въ окрестностяхъ Кутаиса авторъ посѣщалъ въ 1846 году.

23) **Раина**—дерево.

24) **Дареджана**—дочь индійскаго царя, воспѣтая Шота-Руставелемъ.

25) **Шота-Руставель** свою молодость провелъ въ Византіи, гдѣ и получилъ образованіе. Онъ авторъ грузинской поэмы «**Барсова кожа**» и современникъ Тамары. Нѣкоторые изъ грузинъ увѣрены, что въ поэмѣ

своей «**Барсова кожа**» Шота-Руставель, подъ именемъ дочери индійскаго царя Нестанъ Дареджаны, воспѣваетъ царицу Тамару.

26) **Кунакъ**—другъ, пріятель, кумъ.

27) Эпитетъ **колючій** покажется невѣрнымъ для тѣхъ, кто не знаетъ, изъ какихъ колючихъ сучьевъ дѣлаются здѣшніе плетни; слово **плетень** скорѣй невѣрно, потому что ихъ дѣлаютъ насаживая на колья пучки сухихъ, тѣсно перепутанныхъ колючихъ сучьевъ. Перелѣзть черезъ такой плетень просто нѣтъ возможности.

28) **Агаларъ**—татарскій помѣщикъ. Агалары—сословіе, пользующееся особыми правами въ здѣшнихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Что касается образа жизни и степени образованія, то большая часть изъ нихъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ крестьянъ.

29) **Калымъ**—приданое или подарки со стороны жениха отцу невѣсты.

30) **Ганжа**—Елисаветполь.

31) **Руйбянда** или **рубанда**—такъ борчалинскіе татары называютъ женскую повязку, закрывающую нижнюю часть лица до самыхъ глазъ.

32) **Саятъ-Нова**—анонимъ одного изъ армянскихъ пѣвцовъ прошлаго столѣтія. Предлагаемое стихотвореніе—переводъ нѣсколькихъ строфъ изъ небольшого числа его пѣсенъ, пощаженныхъ временемъ. Первый стихъ этого стихотворенія грѣшитъ противъ физики; но это не моя вина. О Саятъ-Новѣ и характерѣ его пѣсенъ я написалъ небольшую статью (см. №№ 1 и 2 газеты «Кавказъ», 1851 г.).

33) **Сатаръ**—собственное имя извѣстнаго въ Тифлисѣ персидскаго пѣвца. Сатара можно слышать на грузинскихъ и армянскихъ свадьбахъ, куда онъ является въ сопровожденіи музыкантовъ. Ему аккомпанируютъ: **чингури, бубенъ, тимплипито** и **чіанури**, т. е. азіатская скрипка. Его восторженно-дикіе вопли, поражая слухъ европейца новизною, рождаютъ въ душѣ странное, тревожное чувство.

34) Стихотвореніе «**Выборъ Уста-баша**» основано если не на дѣйствительномъ фактѣ, то по крайней мѣрѣ на молвѣ, извѣстной всему Тифлису. **Уста-баша** то же, что голова или старшина.

35) **Амкаръ**—община. Въ отношеніи къ понятію о цехѣ, это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе, ибо цехъ предполагаетъ только общину мастеровыхъ или ремесленниковъ, тогда какъ въ Тифлисѣ **амкаръ** составляютъ не только ремесленники, но и торговцы, какъ-то: бакальщики, или продавцы фруктовъ, водовозы и другіе. Выборъ **Уста-баша** сопровождается разными церемоніями. (См. «Кавказъ» 1850 года, № 93, ст. И. А. Сливицкаго).

36) **Замокъ розъ**—по-грузински **Вардисъ-цихе**. Развалины этого замка находятся верстахъ въ двадцати отъ Кутаиса, при сліяніи рѣкъ Квирилы съ Ріономъ.

37) **Чабанъ**—пастухъ.

38) Каменка или Каменскій ключъ — военное поселеніе въ Тифлисской губерніи.

39) Въ отвѣтъ на это посланіе авторъ получилъ слѣдующее четверостишіе:

Нѣтъ болѣ искръ живыхъ на голосъ твой привѣтный,
Во мнѣ глухая ночь и нѣтъ для ней утра!
И скоро улетитъ, во мракѣ незамѣтный,
Послѣдній скудный дымъ съ потухшаго костра.

30 мая 1865 г. *Ѳ. Тютчевъ.*

Опечатка въ I-мъ томѣ.

На страницѣ 195 напечатано заглавіе стихотворенія:

Передъ закрытой картиной.

Должно быть:

Передъ закрытой истиной.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

	стр.
Агарь	155
Агбаръ	84
Аллегорія	470
Ангелъ	31
А. Н. Майкову	138
А. С. Пушкинъ	444
«Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ, мой милый, смотри»	16
Безпутный годъ	440
Безуміе горя	209
Библіографы	344
«Блаженъ озлобленный поэтъ»	326
Болгарка	410
Бранятъ	241
Бредъ	133
Бѣлая ночь	118
Бѣглый	212
Бэда-проповѣдникъ	3
Вавилонское столпотвореніе	230
Вакханка и Сатиръ	289
Вальсъ «Лучъ надежды»	17
Весна	116
Весталка	52
Вечерніе огни	452
Вечеръ	32
«Вижу ль я, какъ въ храмѣ смиренно она»	18
Видѣніе Османа	465
Влюбленный мѣсяцъ	276

стр.
Внутренній голосъ 152
Воспоминанье. 116
«Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени». . 275
Врагамъ правды 305
Времени. 120
«Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ» . 158
Въ альбомъ 147
Въ альбомъ К. Ш. 268
«Въ гаремѣ брань и плачъ». 430
Въ глуши 148
Въ годину утраты 426
Въ городкѣ. 266
«Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ» 396
Въ дурную погоду 367
Въ Имеретіи 78
Въ маѣ 1867 г. 271
Въ наводненіе. 297
Въ потерянномъ раю 329
Въ приливъ 343
«Въ ребяческіе дни любилъ я край родной» . . . 289
Въ степи. 352
Въ телѣгѣ жизни. 416
Выборъ уста-баша 90
Вѣкъ. 218
Вѣчный жидъ 405
Гипотеза. 400
«Глаза и умъ, и вся блестишь ты» 450
Голодъ 280
Горная дорога въ Грузіи 69
Грезы 402
Грузинка 93
Грузинская ночь 71
Давнишняя просьба. 213
Двадцать девятое января 1783—1883 г. 451
Два жребія. 282
Двойникъ 277
Диссонансъ. 394
Дубокъ 48
Духъ вѣка. 414
Дѣтское геройство 272
Елка 356
Жалобы музы. 223

	стр.
Женщинѣ	180
«Жизнь движется впередъ походкою неровной»	113
За границей	138—145
Закавказье	56—105
Замогильный голосъ	345
За непогрѣшимость	306
«За окномъ въ тѣни мелькаетъ»	16
«Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ»	239
«Заря подъ тучами взошла и загорѣлась»	274
Заступница	56
Затворница	47
Звѣзды	155
Зимняя невѣста	278
Зимній путь	10
Зимняя пѣсня русалокъ	335
«И въ праздности горе, и горе въ трудѣ»	247
Изъ Бурдильена	373
Изъ драматической поэмы «Магометъ»	4
Имеретинъ	76
Иная зима	182
Иногда	154
И. С. Аксакову	128
«И я сынъ времени, и я»	33
Казачка	183
Казимиръ Великій	361
«Какое дѣло вамъ, счастливцы»	325
Караванъ	96
Кахетинцу	75
Качка въ бурю	108
«Когда я былъ въ неволѣ»	298
«Когда октава за октавой»	305
Колокольчикъ	129
Колыбель въ горахъ	391
Концертъ	142
Кораблики	315
«Корабль пошелъ навстрѣчу темной ночи»	153
Кумиръ	36
Къ NN. (Кто поневолѣ оторвалъ)	35
Литературный врагъ	258
Лунный свѣтъ	37
Лѣсъ	114
«Любя колосьевъ мягкій шорохъ»	449

	стр.
Магометъ передъ омовеньемъ	8
М. А. С—вой (Гдѣ бъ ни былъ стихъ, рожденный мной)	106
Маска	38
Мельникъ	206
Міазмъ	301
Міровая ткань	424
Могила въ лѣсу	399
«Мое сердце родникъ»	138
«Моей молоденькой сосѣдкѣ»	185
«Мой умъ подавленъ былъ тоской»	326
Молитва	137
«Молчи, минутнаго покоя не тревожь»	373
Московскимъ торгашамъ	454
«Моя судьба, старуха, нянька злая»	126
Мраморное сердце	14
Муза	219
Музыка	327
На берегахъ Италіи	144
Нагорный ключъ	316
Н. А. Грибоѣдова	432
Надъ развалинами въ Имеретіи	79
На желѣзной дорогѣ	299
На Женевскомъ озерѣ	179
На закатѣ	328
На искусѣ	453
Наивная жалоба	49
На каланчѣ	471
На кораблѣ	125
На могилѣ	39
На мызѣ (Е. А. Штакеншнейдеръ)	204
Напрасно	253
На пути изъ гостей	134
На пути изъ-за Кавказа	104
Натурщица	186
На улицахъ Парижа	341
На Черномъ морѣ	122
Наяды	150
«Недавно ты изъ мрака вышелъ»	149
Не жди	74
Неизвѣстность	243
«Не мои ли страсти»	107

Нищій 50
Новой Лаурѣ 51
Ночная дума 368
Ночь. 55
Ночью 464
Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря 88
Ночь въ горахъ Шотландіи 39
Ночь въ Крыму 149
Ночь въ Сорренто 176
«Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я» . . 113
Одному изъ дѣтей въ Парижѣ 178
Одному изъ усталыхъ 221
О немъ 309
«Онъ человѣкъ былъ и за правду распинался» . . 454
Опасеніе 422
«О, подними свое чело» 41
Орелъ и змѣя 269
Откуда?. 314
Отрадная встрѣча 336
Отрочество 339
Очеркъ 398
Памяти Ѳ. И. Тютчева 409
Первые шаги. 42
Передъ закрытой истиной 195
Передъ отъѣздомъ 127
Переходъ черезъ Нѣманъ. 187
Письмо 42
Письма къ музѣ 375
Плохой мертвецъ 238
«По горамъ двѣ хмурыхъ тучи» 189
«Подойди ко мнѣ, старушка». 146
Подражаніе корану 43
Подсолнечное царство 161
Подъ краснымъ крестомъ. 427
Поздняя молодость 254
Полярные льды 324
Помѣшанная 369
Послѣ праздника. 73
Послѣдній вздохъ 210
Послѣдній выводъ 44
Послѣдній разговоръ 13
«Посмотри, какая мгла» 45
Поцѣлуй 239

	стр.
Поэзія	346
Поэту-гражданину	220
Примадоннѣ	110
«Пришли и стали тѣни ночи»	2
Прогулка по Тифлису	58
Прометей	447
Прости	108
«Прости имъ»	237
Прощай!	46
Птичка	45
«Пусть злая осень добила дождемъ»	443
Пчела	121
Пѣсня	145
Пѣсня цыганки	112
«Развалину башни, жилище орла»	13
Разсказъ волнъ	22
«Разсказать ли тебѣ, какъ однажды»	233
Ренегатъ	412
Рознь	286
Рыбакъ	111
Сатаръ	90
Саятъ-Нова	89
Сбѣжавшая больная	461
«Свѣтъ восходящихъ звѣздъ»	189
«Священный благовѣстъ торжественно звучитъ»	9
Симеонъ, царь Болгарскій	310
«Слышу я, моей сосѣдки»	240
Слѣпой таперъ	396
Смерть малютки	118
Сны	159—167
Современная идиллія	259
Содержаніе одной грузинской пѣсни	72
Солнце и мѣсяцъ	1
Соловьиная любовь	131
Сонъ язычника	292
Спиритъ	297
Спустя 15 лѣтъ	267
Среди хаоса	256
Старая няня	331
Старикъ	468
Старое посланіе	417
Старые и новые духи	387

	стр.
Старый орелъ	236
Старый Сазандаръ	81
Статуя	18
Струйка	464
Сумасшедшій	190
Сфинксъ	438
«Съ Богомъ боролся во снѣ»	390
«Съ колыбели мы, какъ дѣти»	469
Тамара и пѣвецъ ея Шута-Руставель	93
Татарка	87
Татарскія пѣсни	66
«Твой скромный видъ таитъ въ себѣ»	130
Темный человѣкъ	274
Тишь и мракъ	163
Тишь	191
«То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну»	463
Туда!	425
Туманъ	168
Т—ѣ. (Все допытай, все узнай, моя милая)	270
Тѣни	11
«Тѣнь ангела прошла»	169
Тяжелая минута	348
У Аспазіи	119
«Увидалъ изъ-за тучи утесъ»	443
Увѣщаніе	192
Узникъ	21
У гроба Тургенева (27 сентября 1883 года)	456
Умирающій	457
У окна	331
Утесъ	318
Утрата	170
Утро	12
Факиръ	24
Фантазіи бѣднаго малаго	244
Финскій берегъ	193
Фрина	203
Хандра	171
Хандра и сонъ М. В. Ломоносова	247
Холодная любовь	467
Холодѣющая ночь	172
«Царство науки не знаетъ предѣла»	175
Царь-дѣвица	401

	стр.
Чайка.	202
Чивита-Векіа	177
«Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ»	230
Что если?	252
«Что за бѣда?»	236
«Что мнѣ она?»	431
«Что съ ней?»	321
Шекспиру	235
Шиньонъ.	349
Юбилей Шиллера	215
«Я красоты не разлюбилъ»	426
«Я ль первый отойду»	204
«Я не боюсь враговъ, пусть видятъ»	372
«Я умеръ, и мой духъ умчался въ тотъ эѳиръ»	450
«Я читаю книгу пѣсенъ»	211
Ѳ. И. Тютчеву.	255

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

REC'D LD-URL
NOV 0 1969
NOV 1 0 1969
REC'D LD-URL
MAY 7 1984
MAY 3 1984
REC'D LD-URL
MAY 3 1 1984
REC'D LD-URL
JUN 2 2 1985
JUN 2 2 1985
REC'D LD-URL
SEP 6 1988
APR 1 6 1990
AC NOV 0 3 1997

Form L9–Series 444

3 1158 00927 2849

PG
3337
P72A17
1885